

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Sm 8724

Изъ Библиотеки для чтенія А. Смирдина

№ 8724

За годъ . . 10 рубл. сер.

За полгода 6 » »

За 3 мѣсяца 4 » »

За мѣсяць 2 » »

За чтеніе книгъ съ жур-
налами 20 рубл. сер.

Новыя книги держать не
болѣе двухъ недѣль.

155430

Slovanská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA
3186252004

3186252004

+

o

.

II
11
11

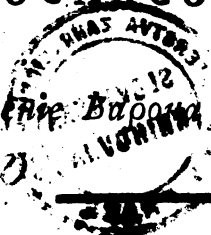
o

o

10

ДОСТОПАМЯТНЫЯ И ЛЮБОПЫТНЫЯ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
АЛФРЕДА,
КОРОЛЯ
АНГЛО-САКСОНСКАГО.

Сочиненіе Вирона Галлера.
155430

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,

1788.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ
ГЕНЕРАЛЪ - АНШЕФУ,
СЕНАТОРУ

*и Ордена Св. Александра Невскаго,
Бѣлаго Орла, Св. Станислава и
Св. Анны*

КАВАЛЕРУ,
ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ
ГЛЪБОВУ

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Особеннѣйшее Вашего Высокопревосходительства хъ наукамъ и хъ упражняющимся въ оныхъ покровительство; ~~безпредѣльныя милости и совершенное великодушье, кои мнѣ~~ Милостивому Государю, безъ всякихъ моихъ заслугъ меня ошастливить, подали мнѣ смѣлость, въ знакъ искреннѣйшаго моего хъ Вамъ высокопочитанія и чувствительнѣйшей благодарности, посвятить имени Вашего Высокопревосходительства сей слабый плодъ трудовъ моихъ, который довольно награжденъ и увѣнчанъ будетъ; естьли Ваше Высокопревосходительство, по врожденной Вашей благосклонности, принять милостиво оной благоволите; а тѣмъ самимъ совер-

шен-

шенно содѣлаете благополучнымъ,
и вѣщшую возбудите къ наукамъ
охоту въ томъ, которой предъ
цѣлымъ свѣтомъ признаться дол-
женъ, что оказанное Высочайше-
го Высокпревосходительства бла-
готворенія превосходятъ всякую
благодарность, и которой съ глу-
бочайшимъ почтеніемъ и преданнѣ-
стію есть и во всю свою жизнь пре-
быть честь имѣетъ

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

ПОКОРНѢЙШІЙ И ПОЧПИТЕЛЬНЫЙ

СЛУГА

ЕФИМЪ РУНИЧЪ.

А Л Ф Р Е Д Ъ

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сильный Егбертъ уже не царствовалъ болѣе, какъ Едельвольфъ, сынъ его, сдѣлался наслѣдникомъ его, государства, но не наслѣдовалъ ни духа его, ни мужества. Едельвальдъ, сынъ Едельвольфа, лишилъ его половины его государства и владѣлъ нѣсколько времени празднымъ престоломъ. Подъ его-то правленіемъ начались несчастія Англии.

Обищали ея не были болѣе тѣ древніе Саксонцы, вылавшіе единымъ жаромъ къ войнѣ; пріятнѣйшій климатъ умягчилъ ихъ нравы. Верховность Пастырей изгнала изъ ихъ сердець сіе презрѣніе смерти и неушолимое алканіе побѣдъ и завоеваній. Видимы были Цари, преклоняющіе колѣна предъ алтарями и монахами, которые одни были почитаемы. Они съ покорностію выпрашивали у жрецовъ той побѣды, которую предки ихъ ожидали шокмо отъ своего меча. Съ сего времени шекли они уже въ Римъ, яко на источникъ спасенія; подвергли государство свое подаши, кою покупали покровительствомъ Римскаго Папы. Желали жить въ мирѣ въ землѣ, которую приобрѣли имъ

предки цѣною крови своея. Брани уже были у Англо-Саксонцовъ не возлюбленнымъ упражненіемъ мужества; но должностію, къ коей принуждала ихъ необходимость.

Гораздо далѣе къ Сѣверу, въ холодной Скандинавіи, нравы сохранили древнюю суровость. Народъ, спрашившійся умереть безъ раиъ, коюрой въ самой вѣчности ожидалъ воздаянія за свое мужество, надѣялся получить Одинову милость пролихіемъ крови своея, обиталъ тогда въ сихъ отдаленныхъ странахъ, въ копорыя Римляне не заносили никогда своихъ искусствъ и испрченныхъ своихъ нравовъ. Сии народы почитали мирныхъ обитателей Сѣверныя Европы за добычу, сотворенную для нихъ природою, подобно какъ для ястреба созданы голубь. Нормандцы, или Датчане, такъ называли на Полднѣ обитателей приморскихъ береговъ обширныя Скандинавіи, оббѣзжали на легкихъ корабляхъ всѣ моря, выходили на рѣкахъ на матерую землю, нападали на обезоруженныя деревни и на неукрѣпленные города. Похищали богатства жителей и находили звѣрское удовольствіе въ разореніи и умерщвленіи побѣжденныхъ. Они кромѣ храброспи не знали никакой другой добродѣтели. Скромность мирныхъ духовныхъ казалась для нихъ подлымъ презрѣніемъ единыя должности, ведущей мужей къ славѣ; они презирали науки, какъ и пряслицу, и почитали оныя упражненіемъ слабыхъ душъ. По опустошеніи какой либо страны, когда все около ихъ спана дымилось, по изшребленіи плодовъ прилѣжанія невинныхъ земледѣльцовъ, всходили они паки на свои

свои корабли и искали другихъ странѣ, не испытавшихъ еще кровожаждущихъ ихъ мечей и разорительныхъ ихъ неисповсѣта свѣшльзиковъ. Такимъ образомъ дикіе сіи влекли за собою смерть и опустошеніе, и земля, на кошую они выступали, дѣлалась жертвою ихъ бѣшенства. Удручась убійствомъ трудолюбивыхъ народовъ, возвращались они въ свои пристани, предвоспѣвали побѣды свои красотами своей земли и наслаждались всеобщимъ согражданъ своихъ почитаніемъ. Часто похищали верховный варваровъ начальникъ красавицу и приводилъ ее въ ужасный замокъ, въ которомъ никакія слезы не могли спасти ея невинности, и гдѣ ей никакой не оставалось надежды узрѣть паки нѣкогда крошчайшее своего стеченства небо, ни услышать пріятной гласъ своихъ родителей.

Прикрытые сталію съ самаго младенчества и воспитанные въ сраженіяхъ, не знали войны сіи никакого искусства, кромѣ опустошительной воинской храбрости. Они не спрашивали никакихъ ранъ, и взирали на смерть, какъ на путь, ведущій ихъ къ чертогамъ боговъ. Никогда не смѣтрѣли на число своихъ непріятелей, по одному нападали на цѣлыя толпы, и Рагнаръ мужественно воспѣвалъ свою кончину, между тѣмъ, какъ змѣи раздирали его перся. Мужество сіе подкрѣпляли силы, съ упражненіемъ возрастающія, и совершеннѣйшее познаніе употребленія оружія. Они превышали всѣхъ Европейскихъ народовъ презрѣніемъ смерти при ихъ прибытіи разширялся ужасъ по всѣмъ государствамъ.

ствамъ. Безнадежные жители оставляли свои дома и убѣжали въ огражденные каменными стѣнами города, гдѣ валы и башни удерживали по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время варваровъ, которымъ не доставало нужныхъ оружій для изпроверженія сихъ родовъ укрѣпленій.

Слабые Карловинцы не могли пропихаться сильному Дашчанъ нападенію. Частію покупали они за серебро ненадежный миръ. Скандинавцы не знали никакого обладашеля, предводившій каждой толпы бился и похищалъ для себя единственно; обремененная выкупными деньгами устращенныя земли толпа удалялась; но другая послѣдовала съ равнымъ свирѣпствомъ и опшнмала у сихъ несчастныхъ жизнь, искупленную ими у прежней толпы. Какъ сопротивленіе, такъ и покорность были равно бѣдственны: первое для неискусныхъ народовъ было неизбѣжимою гибелью, послѣднее же удерживало по крайней мѣрѣ разрушеніе ихъ на нѣсколько мѣдѣль.

При Еделбертѣ, братѣ Едельвальда, Губба и Ингваръ, сыновья Рагнара Лодброга, ворвавшись въ Англію, опустошили Йоркъ, знаменитый городъ. Владѣльцы страны сего вышли имъ на встрѣчу съ худо обученнымъ войскомъ. Но бранные Скандинавцы изложили безъ труда изнуренныхъ Саксонцевъ; они побили часть дворянства и наложили на побѣжденных тяжкія подати и поносные договоры. Вскорѣ по томъ напали они также и на Восточную часть острова. Емундъ Князь Восточно-Саксонскій былъ также побитъ и поиманъ; дикіе умер-

умертвили его' и наводнили всю Англию кровавыми своими оружіями.

Новое войско укрѣпилось въ Реадингѣ, не подальше отъ Лондона, бывшаго тогда посредственнымъ городомъ. Едильредъ, Король Англо-Саксонскій, братъ и преемникъ Едильвольда, напалъ на окопавшихся Нормандцовъ съ большимъ мужествомъ, нежели щастіемъ, и былъ ошраженъ съ великимъ урономъ.

Въ Аздовнѣ, близъ Реадинга, встрѣшились еще разъ оба войска. Англо-Саксонцы были раздѣлены на два спаня. Надъ однимъ начальствовалъ самъ Король, а другимъ повелѣвалъ юный братъ его, храбрый Алфредъ, который впервые несъ свое оружіе противъ враговъ своего отечества. Алфредъ, любимецъ отца своего Едильвольфа и младшій изъ его сыновей, получилъ отъ природы дарованія, которыя рѣдко бывають соединенными въ одномъ человѣкѣ. Прищное образование и плѣняющій видъ привлекалъ къ нему всѣхъ сердца. Онъ былъ посланъ родителями своимъ въ Римъ, обиталище малыхъ наукъ, ославленныхъ разорительными побѣдами Сѣверныхъ народовъ въ Европѣ. Младый Принцъ былъ наставленъ въ сихъ почти забытыхъ въ Англии искусствахъ, онъ получилъ и самыя духовныя достоянства; но Левъ IV, Папа Римскій, предчувствовалъ о будущемъ благороднаго юноши величествѣ; онъ помазалъ его въ Короли, хотя и было при старшихъ брата между имъ и престоломъ.

Въ Англии воспитывался онъ въ такихъ упражненіяхъ, которыя одни почитались благо-

родными; онъ учился звѣриной ловлѣ, наста-
вляемъ былъ въ употребленіи сокольной охо-
ны, пріобучили его къ снесенію безпокойствъ
шрудолюбивыя жизни, голода, зною и усало-
сти. На осьмнадцатомъ году рожденія его
братъ его Едельредъ почиталъ его способнымъ
предводительствовать войскомъ; однако онъ не
зналъ внушрняго благородства процвѣщающаго
Алфреда, и въ опасности, которая, казалось,
столь угрожала Англїи, думалъ онъ общаніями
возбудить младаго Принца къ великимъ подви-
гамъ, обѣщая ему уступить половину изъ
области, имъ покоренной.

Едельредъ оказался несправедливымъ прошивъ
благороднаго Алфреда: онъ не только не
отдалъ самимъ имъ обѣщаннаго своему брату,
но удержалъ еще и часть государства, опредѣ-
ленную ему опцемъ ихъ. Однако Алфредъ пред-
почелъ любовь отечества всѣмъ чувствованіямъ
премьерпѣннаго неправосудія, и служилъ неспра-
ведливому своему брату въ наопаснѣящихъ по-
ходахъ.

Алфредъ ощущалъ высочайшія къ добродѣ-
тели побужденія. Желаніе спасти отечество
свое воспламенило его мужество. Нормандцы
выступили въ поле противъ него, принудили
глабѣйшаго Алфреда съ своими неискусными въ
военныхъ подвигахъ воинами къ бою. Едель-
редъ молился въ своей ставкѣ, никакая просьба
его Англо-Саксонцевъ, ни бранный звукъ вызы-
вающихъ къ сраженію бубновъ, не могли его
побудить прервать обряды, безъ коихъ не
могъ онъ надѣяться получить Божескаго вспомо-
жества.

шествованія. Между тѣмъ, какъ онъ медлилъ, Аѳредъ принужденъ былъ подвергнуться опасному сраженію, онъ двинулся на открытой равнинѣ противъ сильнѣйшихъ его враговъ, противъ страшныхъ Нормандцовъ. Храбрость и примѣръ его возпламенили и самыхъ неоправданныхъ къ мужественной оборонѣ. Тисовые ихъ луки, изъ коихъ пускали они желѣзныя стрѣлы, и которые чрезъ нѣсколько еще вѣковъ послѣ того давали Англичанамъ первенство предъ мужественнѣйшими въ Европѣ Кавалерами, содержали долгое время бой въ равновѣсіи; они поразили множество Нормандцовъ, сражавшихся полуобнаженною рукою, коихъ оружія могли только вредить вблизи. Но храбрые Нормандцы не отступили, мщеніе разпалало ихъ мужество; они устремились на Саксонцовъ, выстрѣлы сдѣлались бесполезными и принудили ихъ къ отступу; однако они не разсѣялись. Взоръ и примѣръ младаго ихъ Героя удержалъ ихъ при знаменахъ. Но когда они увидѣли себя окруженныхъ превосходнымъ числомъ непріятелей, то отчаяніе заняло мѣсто мужества, какъ Едельредъ наконецъ приступилъ. Весьма долго жертвовалъ онъ смиренію своему такимъ временемъ, которое необходимо было нужно для спасенія его народа; войско его, ничего не претерпѣвшее, видѣло весьма близко паденіе своихъ бранцевъ; оно сдѣлало для избавленія его больше, нежели король могъ надѣяться. Одна часть встрѣтила мужественно крыло Нормандцовъ, а другая напала съ боку на сражающихся непріятелей; заключась между

А 7

двумя

двумя арміями Саксонцовъ, сдѣлалась она жертвою мщенія Алфредоваго Крыла, сопротивляющееся еще, увидя паденіе другаго, обратилось въ бѣгство. Побѣдишели преслѣдовали Нормандцовъ повсюду, пока ночь защишила оставшихся. Цѣлыя тысячи пали разбѣяны по полю, и земля пила съ жадностію кровь свирѣпыхъ непріятелей.

Сѣверъ былъ слишкомъ обилень грабительными толпами, и мужество обитателей его весьма велико, чтобъ одно пораженіе могло принудить ихъ отрещись отъ желанія обыкновенной добычи, находимой ими столь часто въ Англіи. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль войско ихъ было подкрѣплено множествомъ Скандинавскихъ кораблей, и двинулось противъ обихъ Саксонскихъ Государей. Они сразились при Марденѣ въ Вильдскомъ Графствѣ. Едельредъ былъ раненъ и Саксонцы обращены въ бѣгство. Большее упражненіе въ войнѣ, и закоренѣлое презрѣніе смерти подало Нормандцамъ верьхъ, которому храбрость Алфредова противустояшь была не въ состояніи.

Едельредъ умеръ отъ своихъ ранъ, и оставилъ государство въ такомъ состояніи, которое долженствовало погасить всѣ желанія къ престолу. Побѣдоносные Нормандцы стояли въ нѣдрѣ земли. Саксонцы были изнурены часто повшоряемыми пораженіями; не только смущало ихъ уменьшеніе числа ихъ воиновъ, какъ малая надежда побѣдить непріятелей, которыхъ первенство спокрапно они испытывали. Король сего въ величайшую опасность низвер-

веръ

верженнаго народа не видѣлъ ничего предъ собою, какъ сомнительныхъ сраженій, вѣрныхъ почти пораженій, уничтоженія и ранъ.

Алфредъ былъ молодъ; но не смотря на пылкость молодости, основательной его разсудокъ удерживалъ уже страсти его въ надлежащихъ предѣлахъ. Онъ былъ съ дѣтства единый остатокъ благородной крови, одушевлявшей отъ обожаемаго Водана до побѣдоноснаго Егморта непрерывно Государей Саксонскихъ. Етельредъ еще опредѣлилъ ему вступленіе на престолъ, хотя и удержалъ у него вошчины, долженствовавшія составлять Алфредово наследствво. Алфредъ за свой народъ бился и побѣждалъ, да и при самыхъ пораженіяхъ мужество и благоразуміе его оставались безъ охуленія. Всѣ Саксонцы обратили взоры свои на него; они надѣялись единственно отъ его добродѣтелей избавленія, отъ угрожающаго вблизи паденія. Сей мудрый юноша долго просившися усиленнымъ прошеніямъ дворянства и со слезами просящему духовенству. Не охотно согласился онъ на ихъ прозбу, и вступилъ въ Винчестръ на престолъ, столь часто уже потрясаемый побѣждавшими варварами.

Не прошло еще мѣсяца, какъ онъ принужденъ былъ дать рѣшительной бой въ окрестностяхъ Вильтона. Лучше бы хотѣлъ сей мудрый Принцъ пріобучить прежде народъ свой маленькими сраженіями и пріуготовить ихъ взирать съ неуспрашимостію на страшныя Нормандцовъ лица. Но убійства варваровъ и разпрескранившіеся по внутренности государства пс-
жары

жары принудили его подвергнуться неизвѣстному случаю и встрѣпить непріятелей съ малыми силами. Пока солнце взошло на полдень, Саксонцы бились въ равномъ щастіи противъ Нормандцовъ. Дсбрыя Королевскія разпоряженія, казалось, подали наконецъ побѣду. Нормандцы не бѣжавъ удалились; однако отступали. Саксонцы напустили на нихъ неосторожно. Многие разсѣялись для грабежа, они прогнали непріятеля до нѣкоторой возвышенности, съ которой могъ онъ обозрѣть рѣдкія толпы Саксонцевъ. Храбрые Нормандцы сохранили и въ самомъ пораженіи свое мужество: они поспѣшили вспять по своимъ спонамъ, напали на весьма увѣрившихся въ побѣдѣ Саксонцевъ, и изшоргнули у нихъ изъ рукъ честь сего дня. Ночь избавила бѣгающихъ отъ меча Нормандцовъ; не многіе только пали, но побѣда была проиграна, и народное мужество и слава уныли.

Однако Нормандцы купили побѣду великимъ проливіемъ крови, и Алфредова воинская способность возбудила въ нихъ шоль великое почтеніе къ его особѣ, что они заключили съ нимъ примиреніе, оставили западную Саксонію и обратили оружія свои противъ другихъ частей острова, въ которыхъ обладалъ Гурргедъ, Принцъ Мидлсекской. Они опустошили его земли, дали ему разныя сраженія и покорили послѣ его смерти государство его подъ свою власть. Восточная Саксонія и Норшумберландія были погребены своими развалинами, и не многими надежными ибъщами овладѣли Скандинавцы.

Горь

Гернъ и Амундъ напали скоро съ новыми войсками изъ неизчерпаемаго Сѣвера на бдѣщаго Алфреда, которой одинъ защищалъ еще вольность западныхъ Саксонцовъ. Но неушомимый и мудрый Король довелъ Нормандцовъ до того, что они выступили изъ его земли и обязались предъ своими богами присягою оставить Алфредовы области. Но вскорѣ послѣ того сіи вѣроломцы напали на придворные конскіе заводы, съѣли себя лошадьми и взяли Екчестеръ приступомъ.

Король представлялъ ушомленнымъ и безыдежнымъ своимъ Саксонцамъ; что понеже никакой миръ и никакая присяга не можетъ связать вѣроломцовъ, слѣдовательно не надлежитъ ожидать помощи ни отъ кого, какъ отъ себя самихъ и мужества народнаго. * И поелику не осмается имъ никакого средства къ спасенію, то самое ошчаянѣе должно придашь имъ силъ; ибо гораздо похвальнѣе умереть съ мечемъ въ рукахъ, нежели допустить себя, какъ дикихъ звѣрей, давить безъ всякаго защищенія. Оживотворены будучи сею рѣчію, схватились Саксонцы за оружіе и прошивились Нормандцамъ. Семь кратъ Алфредъ побѣдилъ сихъ вѣроломцовъ. Наилуководнѣйшая Саксонская кровь текла вольно по полямъ рѣками; но и Нормандцы потеряли также половину изъ своего войска, и вступили наконецъ въ прежніе договоры оставить Вест-Саксонію и не вводить никогда новыхъ войскъ изъ Сѣвера въ государство Алфредово.

Побѣдоносный Роллонъ, родоначальникъ Нормандскихъ Государей, которой самимъ Провидѣ-

видѣніемъ сохраненъ былъ для Алфредова престола, остался вѣренъ сему договору; выступилъ изъ Англїи и перенесъ оружіе свое въ Нестрїю, которую онъ завоевалъ, и гдѣ преемники его царствовали со славою и честию.

Ничто не укрывалось отъ проицанїя Алфредова; тщетно бы было принуждать Нормандцовъ къ заключенію договоровъ, доколь оставалось имъ море открытымъ. Неисповествованіе ихъ къ грабленію и кровожаждущее ихъ славожеланіе не позволяло имъ упражняться въ художествахъ, жизнь ихъ сдѣлалась имъ въ штыгость, какъ скоро шумъ оружія и надежда близкаго побѣды ихъ не возбуждала. Алфредъ предугрѣлъ далѣе прежнихъ Саксонскихъ Государей. Англїя не имѣла опасаться никакого непрїателя, кромѣ нападающаго моремъ. Онъ приказалъ строить во веѣхъ своихъ гаваняхъ корабли, принялъ изъ рыбаковъ охотниковъ и знающихъ мореплаваніе на свое жалованье, съ которыми соединилъ онъ своихъ солдатъ, и раздѣлилъ ихъ около устьевъ рѣкъ, гдѣ Скандинавцы обыкновенно высаживались изъ кораблей.

Саксонцы выходили бодрѣе и изряднѣе вооруженны изъ своихъ гаваней, когда разбойники изъ отдаленной Скандинавіи, удручась и ушомьясь долгимъ мореплаваніемъ, старались достигнуть Аглинскихъ береговъ. Уже и тогда мало обученные Саксонцы одерживали надъ ними верхъ; они побѣдили два великія войска Нормандскихъ кораблей, изъ коихъ большую часть потопили, а прочіе назадъ убѣжали въ холодныя свои страны. Алфредъ поспѣшилъ сухимъ путемъ

темъ къ Екчестеру, окружилъ Нормандцовъ, запасшихся лошадьми, принудилъ ихъ дать заложниковъ и оставилъ совсѣмъ Южную Саксонию.

Не многие между Нормандцами остались общанію своему вѣрными. Большая часть не находила другаго пропитанія, кромѣ грабленія; они наводнили вновь Алфредовы земли, овладѣли мечаяннымъ нападеніемъ Гиппенгалсомъ, наиндежнѣйшею крѣпостію приптѣсненныхъ Саксонцовъ, внесли во всѣ углы государства пожирающій огонь и кровавые мечи. Упомясь продолжитель-
~~но~~ часъ самыми своими побѣдами, потеряли наконецъ Саксонцы всю надежду къ своему спасенію: разсѣялись по полямъ, дикимъ мѣстамъ, и по непроницаемымъ еще сими варварами долинамъ искали у самыхъ прежнихъ своихъ непріятелей безопасности, которой никакое сопротивленіе не могло имъ доставить. Не вооруженные подкнули выи свои подъ иго и подверглись со смиреніемъ своимъ гонителямъ.

Алфредъ былъ своимъ народомъ оставленъ, онъ не видѣлъ никакой возможности собрать разсѣявшихся, ни возставить утраченныхъ; ему не оставалось ничего, кромѣ какъ спасти себя самага; ибо съ нимъ бы исчезла вся надежда возвыситься когда нибудь Саксонское государство. Онъ сложилъ Царское украшеніе, облекся въ ветхое рубище поденщика, подчернилъ разцвѣтающее свое лице сокомъ нѣкоторыхъ плодовъ и избралъ себѣ убѣжищемъ хижину стараго пастуха, находившагося еще при сшадахъ Королевскихъ

скихъ предковъ. Сей вѣрный рабъ ушанлъ достоинство своего Государя и ошъ самой своей жены, встрѣчавшей Монарха съ непристойною грубостію, въ кошорой Алфредъ находилъ свою безопасность. Цѣлый годъ скрывался сей молодой Государь, но дѣйствующая душа его была не праздна и въ семъ прищѣненіи.

Нормандцы имѣли разсѣянный лагерь въ болошистой Амельнейской спранѣ, между двумя рѣками, въ Графствѣ Самморзешскомъ: они почитали себя безопасными въ сихъ кустахъ между глубокими болотами, и чинили изъ сей ~~бѣдъ искусства сдѣланной истребленіи~~ несчастную Вестъ-Саксонію; въ сей-шо непроходимой сщепи скрывали они свое грабленіе и богатство опустошеннѣя Англїи.

Часто Алфредъ нападалъ съ немногими Саксонцами, или вооруженными паспухами на Датской спанѣ, побивалъ нѣкогорыя шайки умышленниковъ, и упреждалъ опщженіе, кошорое онъ вознамѣрился взять нѣкогда надъ сими вѣроломцами. Не рѣдко опщнималъ онъ у нихъ похищенную скошину, и раздѣлялъ добычу между вольнослужащими, помогавшими ему обезпокоивать непрїяшелей опечества. Единый оставленный Король составлялъ для Нормандцовъ цѣлую армію, побивалъ изъ нихъ сотни, а самъ всегда оставался невидимымъ. Многія малыя побѣды прославили неустрашимое паспущье имя, и Вульфъ сдѣлался страшнымъ именемъ.

Алфредъ ожидалъ съ печалію и нестерпливостію времени освобожденія своихъ народовъ ошъ ига прищѣненія, подъ кошорымъ они спонали.

нали. Вѣрный его хозяинъ былъ бѣденъ, бранные Дашчане похищали у него скошину, Алфредъ ѣлъ съ нимъ умеренно хлѣбъ, да и того лишаемъ онъ былъ иногда разными приключеніями. Единный хлѣбъ составлялъ Царскую и пишашеля его пищу; онъ находился одинъ, когда нѣкій бѣдный странственникъ, приближась къ хижинѣ, сказалъ: я умираю съ голоду. Алфредово сердце не довольно было твердо, дабы пропившись сему зрѣлищу; онъ раздѣлилъ съ симъ несчастнымъ послѣдній свой кусокъ. Я полагаюсь совершенно, сказалъ молодой Государь, на Пишающаго враговъ. Онъ заснулъ въ уединеніи, и исторія говоритъ, что въ сѣмъ пріятномъ снѣ, которой ешь сонъ добродѣтели, явилось ему Всевышнее Существо. Несчастіе швое кончилось, Король Саксонскій! престолю швой для себя отверсти, будь шакимъ въ шастіи, какимъ шы былъ въ бѣдности.

Слова сіи услышалъ Алфредъ, и чрезъ нѣсколько часовъ возбудилась съ зарею его надежда. Пастухъ былъ шасшливъ въ ловленіи рыбы, другіе же пастухи ошѣискали одну изъ своихъ овецъ, заблудившуюся отъ малаго ихъ стада; но новая важнѣйшая вѣдомость звала его къ великимъ предпріятіямъ. Одинъ Графъ Девонскій заперся въ замкѣ Кинвишѣ; великое число разсѣявшихся Саксонцовъ собралось подъ его знамена. Губба и Ингваръ возвращались ошяченны добычею изъ Валлиса, въ которую они загнали въ бѣгъ обратившихся Саксонцовъ. Они надѣялись безъ всякаго затрудненія овладѣть Кинвишомъ, въ кошоромъ для множества осажден-

жденныхъ не довольно находилось сѣснаго припаса; они окружили замокъ и пресѣкли осажденнымъ воду.

Кровь Алфредова кипѣла при воспоминаніи о наступающей опасности своего народа. И такъ, переодѣвшись въ музыкантское платье, оставилъ онъ уединенный Амелней и удалился въ лагерь Нормандцовъ, гдѣ воспѣвалъ на люпинѣ древнія воинскія пѣсни; и Нормандцы слушали его съ жадностію; они довели его до самой спавки своего Полководца. Король пребылъ два дни въ стану непріятельскомъ, обозрѣвъ все положеніе ихъ войска, примѣшилъ безопасность Нормандцовъ и ихъ презрѣніе къ поль часно побѣждаемымъ Саксонцамъ. Черезъ вѣрныхъ вѣстниковъ созвалъ онъ изъ Вильискаго, Гангскаго и Соммерзетскаго Графствъ разсѣявшихся своихъ Саксонцовъ; собрались они въ Зелльвоодскомъ лѣсу, а въ Егбрисшрѣкѣ вступили подъ знамена. Онъ показался имъ въ Царскихъ одеждахъ, и во всемъ блескѣ побѣдителя, коимъ поведетъ ихъ противъ непріятеля въ полной надеждѣ. Онъ говорилъ имъ рѣчь, коимъ ободрилъ ихъ къ мужественному нападенію.

Вамъ предлежитъ выборъ, сказалъ Король, допуститъ умертвить себя варварамъ. Хотите ли вы отдать имъ женъ своихъ въ добычу, чадъ вашихъ въ невольники, отечество ваше подъ наименеешайшее изъ всѣхъ иго, или лучше хотите опасностію единого дня освободить отечество, дѣтей, женъ вашихъ и самихъ себя? Не спрашиваете браннаго мужества и опытности непріятелей; я ихъ видѣлъ вблизи, они не го-

шомы

швы къ бою, они не ожидаютъ непріятеля, они приугоповлены къ поражению; мечи ваши будутъ въ грудяхъ ихъ прежде, нежели про- нутся сіи безпечные.

Все войско Саксонцовъ ударило щитами и всеобщее возклиданіе проникло даже до небесъ. Алфредъ не допустилъ прохладиться сему жару. Онъ шелъ цѣлую ночь къ Нормандцамъ, и при неизвѣстномъ освѣщеніи восходящія зари, когда огни непріятельскіе поухли и большая часть погружена была въ глубокомъ снѣ, продрался онъ въ ихъ лагерь, бывшій тогда безъ всякаго защищенія.

Въ то же самое время вышелъ Одунъ (*) изъ крѣпости съ своимъ гарнизономъ, возпламененнымъ недостаткомъ и самимъ отчаяніемъ къ презрѣнью смерти. Нормандцы, дышащіе войнсю, были почти безъ сопротивленія побиты; шипный вранъ, главное Скандинавцовъ знамя, шрудовъ Губбиныхъ сестеръ, ошъ волшебства копорыхъ по суевѣрью Нормандцовъ зависѣла побѣда, попалось въ руки Алфреда. Не многое число ушло на свои корабли, а большая часть побита; всѣски наши крѣпкое положеніе, которое опда- лило

(*) Шпельманъ вмѣсто сего сраженія повѣствуетъ о двухъ битвахъ, изъ копорыхъ на первой Одунъ одинъ побѣдилъ и овладѣлъ главнымъ Нормандскимъ знаменемъ, а на другой Алфредъ побилъ на голову и вскорѣ по томъ прину- дилъ къ сдачѣ.

лило свое паденіе не болѣе, какъ на нѣсколько шолько дней.

Алфредъ окружилъ бѣглецовъ своихъ побѣдоноснымъ станомъ; на второй недѣлѣ принудилъ недоспашокъ и спужа унылыхъ спранниковъ подвергнуться Королю, на котораго состраданіе полагали они нѣкоторую надежду. Пльнясь униженіемъ ушрашенныхъ сихъ воиновъ, предложилъ онъ имъ наисправедливѣйшіе договоры. Гормундъ, одинъ изъ ихъ предводителей, избѣгшій пораженія съ трицатью знашійшими ихъ бойцами, принялъ крещеніе; Алфредъ далъ самъ Сѣверному Принцу имя Адельштанъ; онъ раздѣлилъ между новыми своими новообращенными богатые подарки, и Гормундъ получилъ изъ недвижимаго имѣнія Восточную Саксонію и Нортумберландъ. Народы достигаютъ постепенно до познанія истинны. Долго бывають они варварами, и желанія ихъ ограничены необходимостями, которыя они имѣють общія со звѣрями. Зря обычаевъ и искусствъ наконецъ восходять. Свѣтъ умножается медлительно, и полдень слѣдуетъ послѣ ночи чрезъ сумракъ и черезъ прохладные ушренніе часы. Алфредъ принудилъ Нормандцовъ креститься; намѣреніе его было наилучшее: онъ надѣялся купно дикихъ воиновъ союзомъ вѣры принудить къ сохраненію ихъ обѣщаній и створить имъ путь, ошвращающій ихъ отъ блаженныхъ вѣчности. Но сей великодушный Государь не предвидѣлъ, что единая разпрысканная вода не дѣлаетъ Христіанами, что страхъ и мечъ побѣдителя не производить никакого убѣжденія, и что достоинство крещенія,

ценія, знакъ принятія въ сообщество вѣрныхъ, наидостойнымъ наказанія образомъ оскверняется, когда къ оному принуждаются не разумѣвающіе священныхъ истинъ онаго, и копорыхъ воля не подвергается должностямъ вѣры. И шакъ ни Гормундъ, ни его Нормандцы не были вѣрны Королю, и надлежало ихъ покорять новыми войнами. Между Саксонскими жрецами не было ни одного, копорый бы имѣлъ довольно ревности и мудрости, попребныя къ обращенію столь многихъ въ грабленіи и кровопролитіи закоренѣлыхъ воиновъ. Торжественное крещеніе страшныхъ Нормандцовъ влекло кучами Саксонское дворянство въ Всадморъ. Алфредъ самъ приступилъ между шѣмъ къ жертвеннику, и изрекъ имя, копорое долженствовало носить Гормундъ, яко христіанинъ; онъ обѣщався припомъ вмѣсто новообращеннаго бытъ вѣрнымъ закону, имъ принятому.

Король Саксонскій не упускалъ никогда изъ виду пользу своего народа, онъ начерпалъ законы, копорыя Гормундъ подписалъ, и копорыя впредь должныствовали служить правиломъ Нормандцамъ, имѣющимъ посѣлишь въ восточной Саксоніи и Нортумберландъ.

Гормундъ удалился въ назначенную себѣ область; Нормандцы, не хотѣвшіе подвергнуться христіанскому закону, переѣхали во Францію и опустошали худо защищаемыя провинціи; однако не осмѣливались опять вступать въ войну съ Саксонцами, отъ копорыхъ не надѣялись они благополучнаго успѣха.

Алфредъ продолжалъ стараніе о составленіи флота, кошорымъ бы можно было удерживать чужестранныхъ разбойниковъ: ему не безвизвѣстно было, что каждый морскій заливъ на сѣверѣ вооруженъ былъ кораблями морскихъ разбойниковъ, почитавшихъ все за свою добычу, что не могло противиться ихъ оружію. Въ слѣдующій годъ разбилъ онъ и другій сѣверный флотъ, пощипилъ наибольшіе корабли, а прочіе принудилъ бѣжать къ другимъ берегамъ, на кошорыхъ престолъ слабые Карловинцы сидѣли безъ могущества и достоинства, отдавая народъ свой иноплеменникамъ въ добычу. Однако другое войско вшло изъ самыхъ сихъ береговъ въ близкую Темзу, и осадило Рошестеръ. Но не дремающій Алфредъ пришелъ скоро къ сему городу на помощь. Норманды убѣжали, не осмѣлясь вступить въ бой, и похищенное ими досталось Саксонцамъ въ добычу. На другое отдѣленное войско напалъ Алфредъ въ устьѣ Шпурры, взошелъ на часть кораблей, а прочую принудилъ къ договору, но кошорый вѣроломцы нарушили, какъ скоро не удерживало ихъ болѣе страшное Королевское присутствіе.

Онъ упражнялся въ возстановленіи и укрѣпленіи разореннаго Лондона: ему - то обязанъ благодарностію сей обширный городъ за то, что онъ воздвигъ его изъ подъ развалинъ. Сей мудрый Государь укрѣпилъ также множество другихъ городовъ, предвидя, что сѣверные разбойники не споль удобно могутъ разорить подданныхъ его, башнями и стѣнами

ми огражденныхъ, какъ дѣлывали они съ открытыми селеніями прежде, нежели могло подоспѣть войско на помощь. Но важнѣйшее еще попеченіе упражняло Государя.

Еще настояла буря, копорую Алфредово благоразуміе отклонило. Арнулевъ, соединя всю силу государства съ Франками, принудилъ удалиться изъ Сейна Нормандцовъ, которые ищешно осаждали многолюдный островъ, на которомъ лежишъ Парижъ. Триста кораблей наполненные сими бранными разбойниками, напали на Апледоръ близъ гавани Ріо, и укрѣпились въ Беамъ - Фреатъ, многіе изъ Скандинавцовъ, клявшихся Алфреду вѣрностію, приняли оружіе, и соединились съ пришельцами для раздѣленія добычи. Алфредъ поспѣшалъ на помощь пришеннымъ воспочнымъ Саксонцамъ; граждане населеннаго паки нородомъ Лондона присоединились къ нему. Беам-фреатъ взятъ былъ приступомъ. Супруга и дѣши Гаспинга, Датскаго предводителя, достались со всею добычею въ руки Саксонцамъ. Алфредъ никогда не отступалъ отъ своихъ положеній: я не веду войны противъ женщинъ, говорилъ сей великодушный Государь, отсылая Гаспингу его возлюбленную со всѣми женами Нормандцовъ. Но и сіе великодушное дѣйствіе не пронуло варвара: онъ разграблялъ и опустошалъ Англію, отъ Темзы до гористыхъ областей Галловъ, и вшорично укрѣпился въ Бушингтонъ, въ Графствѣ Шрапскомъ. Но ушомленные Нормандцы оставили обнаженный во всякомъ запасѣ замокъ, и поспѣшали къ Темзѣ. Они ввели свои кора-

корабли въ маленькую рѣку Лее, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ Темзу; они окружили свои корабли шанцами, и ожидали бѣдшаго Алфреда. Онъ почиталъ окопы за непресборимые, но объѣхавъ самъ верхомъ непріятельскій шанъ, вспомнилъ о Кировомъ въ подобномъ случаѣ поступкѣ. Онъ отшелъ войскомъ своимъ воду изъ рѣки Лее, сѣверные корабли омѣлѣли, болошисшая долина сдѣлалась плодоноснымъ лугомъ, и отчаянные Скандинавцы оставили укрѣпленный свой шанъ; многіе погибли отъ меча Саксонцовъ, прочіе же нашли въ Восточной Саксоніи корабли, и покушались по возможности своей вредить на морѣ Англичанамъ. Но и на сей спихіи мудрость Алфредова вознеслась превыше ихъ: онъ примѣшилъ, что Нормандскія суда были не велики и не многлюдны; почему и приказалъ построить корабли, копорые бы были больше ихъ, и посадилъ на оныя гораздо больше народу. Челноки Нормандцовъ не могли противиться превосходной силѣ Саксонскихъ кораблей: многіе поплонули отъ одного сильнаго оныхъ удара, а другіе были взяты, избавившіеся же убѣгали по жизнь Алфредову острова, надъ которымъ бодрствовала постоянная и непоколебимая мудрость.

Удрученный часто злоупотребляемымъ милосердіемъ, опредѣлилъ Алфредъ надъ Нортумберландомъ и Восточною Саксонією двухъ Саксонскихъ Графовъ, и отнялъ у Нормандцовъ всю власть надъ Скандинавцами, поселившимися въ Англіи. Принцы Галлійскіе, копорыхъ

рыхъ Егбертъ великій не могъ покорить подъ свою власть, добровольно поверглись въ объятія Саксонскому Королю, и искали его покровительства. Онъ сдѣлался всеобщимъ Королемъ Южныхъ Бриѳаннн, долго еще послѣ того называвшейся Англіею. Владычествованіе его было не ограничено, поелику оно было основано на почтеніи и любви.

Слава Алфредова разпространилась по ту сторону моря. Въ браняхъ побѣдоносный, милосердѣ къ побѣжденнымъ, отецъ народа, словомъ онъ былъ удивленіе своихъ временъ. Саксонцы, удалившіеся изъ притѣсненнаго своего отечества, и разсѣявшіеся по всей Европѣ, спекались подъ покровительство возлюбленнаго Государя. Нормандцы, обладавшіе различными частями Бриѳанскаго острова, добровольно покорились справедливымъ его законамъ. Земля, лежавшая впускѣ и безъ воздѣланія, покрывалась богатою жатвою. Миръ и изобиліе изливали дары свои на оскудѣвшую сію землю.

Младый Годвинъ, Саксонскій дворянинъ, былъ за свою красоту похищенъ Сѣвернымъ морскимъ разбойникомъ, и приведенъ въ Скандинавію. Онъ приобрѣлъ любовь разбойника въноснью своею и храбростію, и какъ Нормандцы перешли напасть на Англію, то получилъ онъ наконецъ свою вольность. Протѣхавъ большую часть острова, прибылъ онъ въ Винчестеръ и былъ предсказанъ Королю.

Сей человекъколюбивый Государь выслушалъ повѣствованіе спрданій, угнѣшавшихъ молодого дворянина въ его рабствѣ; Годвинъ заклю-

чилъ рѣчь свою добрымъ свидѣтельствомъ, отдаваемымъ благоразумію своего Государя. „Вольность, говорилъ онъ, была мнѣ шѣмъ пріятнѣе, что я нашелъ свое отечество столь счастливо перемѣнившимся. Когда я былъ похищенъ, то большая часть Англическихъ городовъ была обращена въ пепелъ. Несчастные жили съ жаромъ искали сокровеннаго между спремнинами угелка, неприслупнаго болоша, норы сдѣланной для дикихъ звѣрей, гдѣ бы они могли сокрыться отъ ярости побѣждающихъ разбойниковъ. Пустыя поля оспавлены были осокѣ. Украшеніе садовъ было не извѣстно, нигдѣ не слышадся гласъ радостныхъ жнецовъ. Страхъ и опчаяніе изображались на лицѣхъ бѣгствомъ спасающихся граждамъ. Училища, въ которыя я посыланъ былъ для наукъ, лежали подъ пепломъ. Руки рабочихъ опустились, нигдѣ не наславляли мудроси и добродѣтели. И самому высочайшему существу несчастные должныствовали поклоняться шайно; ибо неисповсство невѣрныхъ гнало кровопролитною ненавистію наславленія богослужителей. Мы забыли единое ушѣшеніе, могущее подкрѣпляшь насъ въ шодикихъ бѣдсвіяхъ.„

Безконечная радость нынѣшнія Англій: грады в здвигнулись изъ своихъ развадинъ съ сугубою изящностію; мѣста, въ которыя собирающся христіане, приняли пакы достояніе, заслуживаемое богослуженіемъ. Училища наполнились учеными мужами, наславляющими юношество гсударства въ мудроси и добродѣтели. Поля покрываетъ богашѣйшій стѣвъ, гдасъ

гласъ радостнаго поселенина оживстворяетъ его труды, и раздаешя при собраніи даровъ земныхъ. Пустыя болошы сдѣлались улыбающимися лугами. Сіе мѣсто ошчаянія покрыто спадами, пишающими сѣмейство своего [земля-дѣльца. „

„ Древніе побѣдители Саксонцовъ живутъ еще въ пещерахъ, въ разсѣлинахъ неопесанныхъ камней; поля ихъ пусты, земля, о воздѣланіи которыя они не радятъ, отказываетъ имъ въ своихъ дарахъ. Лѣности ихъ не ошается никакого средства, какъ покушать кровію своею пропитаніе, котораго прилѣжательнѣе снискивать пренебрегаютъ. „

Что бы могло бытъ причиною различія между ими самими и Англією; между ею и Скандинавією? Алфредъ, одинъ человекъ умѣлъ дать новый образъ сему ошрову, и сдѣлать степь садомъ Божиимъ.

Сколько скромнѣ Алфредъ ни былъ, однако не могъ скрыть искренняго удовольствія, возбуждаемаго въ немъ побудительнѣею истинною. Тайно трепетало сердце его, и онъ вознамѣрился трудиться еще и шого рачительнѣе о благополучіи возлюбленныхъ его Саксонцовъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Чрезъ шриццать лѣтъ Алфредъ рѣдко выпускалъ мечъ изъ рукъ, онъ мало помалу завоевывалъ Англію, отвращалъ набѣги варваровъ, снискивалъ владычество на морѣ, изъ пятидесяти двухъ сраженій одержалъ онъ большую часть побѣдъ, изъ которыхъ онъ единственно обязанъ собственнымъ своимъ разположеніямъ; наконецъ достигъ онъ предмета своего, и всегдашній миръ купленъ былъ великимъ трудомъ и пролитіемъ крови наиблагороднѣйшихъ; Алфредъ отдышалъ, и упражнялся уже во внутреннемъ исправленіи государства, и въ увѣреніи спокойствія.

Слава Алфреда безпримѣрна; никакая побѣда не могла довести его любить войну. Сей милосердый Государь часто былъ самоличнымъ свидѣтелемъ, какимъ образомъ наиблагороднѣйшіе лавры обогрѣлись самою лучшею кровію мѣновъ, сколько тысячъ содѣлываетъ война бѣдными, какъ она поглощаетъ въ цѣлѣ лѣтъ надежду опечесства, храбрѣйшихъ юношей, какъ другіе получаютъ еще бѣдную жизнь, подъ бременемъ болѣзни и безпрестанныя бѣдности, воздаянія за храбрѣйшія свои дѣйствія, и какъ наконецъ пожираетъ необычайный огонь войны имѣніе мѣновъ. Онъ видѣлъ, какимъ образомъ повсемѣстная бѣдность и голодъ ей сопутствующій, и влекущій за нею поглощающія заразы, спѣшнѣе къ разрушенію народному. Алфредъ никогда не нападалъ; все его войны были оппкленіемъ неправедныхъ сраженій;

сраженій; единая невинность яковыхъ браней могла побудить ссспрадастельное его сердце, жертвовашь кровію своихъ собратій всеобщему благоденствію.

Но онъ и въ самомъ мирѣ находилъ раздранное Государство, въ которомъ единая власть меча господствовала многіе годы, а законы никого не защищали: слабая невинность должна была все претерпѣвать, собственность каждаго, гражданина въ столь же малой находилась безопасности, какъ и самая жизнь. Для извлеченія народа своего изъ сего лабиринша, благоразумный Государь познакомился съ законами мудрѣйшихъ народовъ; сперва съ Еврейскими, произшедшими отъ самой верховной премудрости, потомъ съ Греческими, Римскими, Датскими и Саксонскими. Онъ принималъ оныя за трудъ, и изблагоразумнѣйшими мужами для него изготовленный, избиралъ изъ оныхъ, что почиталъ необходимымъ и полезнымъ для своего народа.

Король родился въ тѣ мрачныя времена, въ которыя западные народы забыли языкъ и искусство Римлянъ, въ которыя Караъ Великій долженствовашь занимашь познаніе искусствъ отъ Арабскаго Аарона, въ которыя суевѣріе начало садиться на престолъ религій, и жрецы начали присвоивашь себѣ всеобщую власть.

Король самъ воспитанъ былъ въ сихъ предразсужденіяхъ, училиши его и большая часть повѣренныхъ были жрецы. Обычай Саксонцовъ учинились его обыкновеніемъ и правдомъ. Алфредъ былъ мудрый законодатель,

но изъ неизбежныхъ недоспашковъ его временъ произшекли несовершенства, ошъ коихъ не могли его охранить никакія человѣческія дарованія.

Сколько Алфредъ ни подобострастенъ былъ Римскому Епископству, подъ надзираніемъ котораго препроводилъ онъ нѣкоторую часть младыхъ своихъ лѣтъ; однако не забылъ, что онъ былъ Король, и что вся власть въ Государствѣ его ввѣрена ему была всемогущимъ властелемъ. Онъ подвергнулъ духовныхъ тѣмъ же законамъ, которые предписалъ и прочимъ своимъ подданнымъ. Онъ не оставилъ Епископамъ никакой судейской власти, и наказывалъ виновныхъ жрецовъ не испрашивая наказанія ихъ ошъ Рима, какъ принужденъ былъ дѣлать сильный его прадедъ Планшагинешъ первый.

Законы Алфредовы учинились законами Едуарда, и истиннымъ источникомъ Англинскаго права, въ коемъ вольный и побѣдоносный народъ посвѣвляетъ благороднѣйшее свое преимущество. Онъ былъ первый, который каждому гражданину далъ въ судьи другихъ, выбранныхъ изъ такого же достоинства; и такъ обвиненные не могли ожидать никакой несправедливости ошъ тѣхъ, которыхъ судьями они могли быть взаимно, и которыхъ безопасность основалась на самой той справедливости, кошую бы они оказали своему брату. Алфредъ повелѣлъ, дабы благородный судимъ былъ двенадцатью дворянами; прослоюдимамъ опредѣлилъ онъ въ судьи одиннадцать другихъ граждамъ

жданъ подъ предводительствомъ одного дворянина. Право сіе находится и понынѣ еще во всей своей силѣ, хошя никакой другой народъ не принялъ сего равенства судей съ обвиненными. И въ самомъ дѣлѣ не шолько ли виновные имѣють бояшся шой опасности отъ невѣжества своихъ судей, отъ упорства единого изъ нихъ или отъ хитрости несправедливаго начальника между ими, какъ отъ неудобствъ въ другихъ государствахъ, подъ правленіемъ по средшвенныхъ судей произойти могущихъ. Но какъ бы шо ни было, Алфредъ предписалъ Саксонцамъ своимъ и Нормандцамъ сей образъ судить обвиненныхъ.

Уголовные законы Алфредовы были крошкн, какъ и всѣ законы вольныхъ сѣверныхъ народовъ: весьма не многіе простирались до прелишя крови. Буншы и измѣны противъ Государя, нарушение гражданскаго спокойствія, были одни, кошорыя наказывались смертію, да и отъ оныхъ, по древнему обыкновенію Германскихъ народовъ, можно было откупиться положенною шажестію золота. Прешупленія, прельщенія жены наказывалось шакже, какъ и великія злодѣянія, вредящія общему благоденствію; прелюбодѣй наказывался нацстрожайше, ибо онъ разрываетъ наисвященнѣйшія узы общества и разлучаетъ шѣхъ, кошорыхъ сопряженіе есть нацшѣснѣйшее, и для надежды пошомства необходимѣйшее. Священникъ, учинившій кляшвопрешупленіе, обагрившій руки свои кровію, прешупившій границы непорочности, хошя наказывался Епископами; однако долженствовалъ шакже пред-

спашь и предъ Королевскихъ судей, и заплашеть Государю предписанную денежную пѣню.

Подозрѣваемые въ какомъ либо злодѣяніи, должны были для общей безопасности сыскашь поручителей, или сидѣть подѣ стражею.

Нормандскіе разбойники наполнили островъ столь многими примѣрами явныхъ насилій, что похищеніе и завладеніе чужимъ имѣніемъ сдѣлалось общимъ преступленіемъ. И сію окаяность умѣлъ искоренить Алфредъ до основанія, и употребленное къ тому средство не было никогда извѣстно и самымъ просвѣщеннѣйшимъ народамъ. Сперва раздѣлилъ онъ Государство на Графства, которыхъ окружность была опредѣлена и утверждена. Каждое Графство раздѣлено было на сотни, которыя имѣли свое имя отъ принятія за оружіе (Weapontake) и каждая сотня раздѣлялась на десятины, состоящія изъ десяти ошцевъ семейства. Каждый десятокъ долженъ былъ давать ошчетъ за всѣхъ, къ числу его принадлежащихъ, и каждый изъ оныхъ долженъ былъ отвѣчать за всѣхъ, такъ какъ всѣ за каждаго, что ни одинъ обвиненный не предприметь ничего противу законовъ, и предстанеть предъ судію, какъ скоро его предъ онаго пошребуюшъ. Никто не могъ воспользоваться покровительствомъ правосудія, ежели не вписанъ былъ въ число котораго нибудь изъ сихъ десятинокъ. Не хонѣвшій подвергнуться сему сопряженію, исключался изъ покровительства законовъ, и всякій могъ напасть на него, не опасаясь наказанія и лишить его

его имѣнія и жизни. Еслии кто въ десятокѣхъ подозрѣваемъ былъ въ злодѣянствѣ, а сотоварищи его не хошѣли никакъ по немъ ручаться, что онъ предстанетъ суду; то ввергади его въ темницу. Еслии же увидешъ онъ прежде взлпнѣя подѣ спражу, то десятокѣхъ и еомня за свое небреженіе должны были Королю плашпшь денежный шшграфъ. Десятокѣхъ хошя и могъ бышь ошѣ онаго освобожденъ, когда всѣ его члены засвидѣтельствуютъ присягою, что злодѣй учинилъ пресшупленіе и ушелъ безъ ихъ вѣдома; однако сіе оправданіе долженствовало проче сосѣдственныя десятки подшвердпшь своимъ свидѣтельствомъ; когда же они на сіе не соглашались, то виновный десятокѣхъ подвергался шяжкому наказанію; имѣніе бѣглеца описывали на Государя, а когда онаго не доставало къ уплатѣ прежде рѣченного наказанія; то цѣбый десятокѣхъ долженствоваль недоспашочествующее число доплатпшь и обязывался предспавпшь виновнаго въ судѣ, какъ скоро его поймаешъ.

Чужеспранецѣхъ, завернувшійся къ подданному, два дни почитался гостемъ, пресшупленія его не приписывались хозяину его, какъ скоро онъ могъ подшвердпшь присягою, что онъ не имѣетъ никакого свѣдѣнія о его пресшупкѣхъ. Еслии же чужеземецѣхъ пробыль у него шри дни, то онъ ошвѣчалъ за него, шакъ какъ ва всякаго изъ своего семейства.

Алфредъ не осмѣливался напасшь на наслѣдственную власть Графовъ, глубоко вкоренившуюся въ образъ правленія; но онъ уменьшилъ власть знашнаго дворянства, давъ всяко-

му Графству Бургграфа, котораго назначалъ Король, и который былъ его надзирателемъ въ семь Графствъ, и отправлялъ ту же самую должность, какъ и депутаты Карловинцовъ. Сверхъ сего Король поставилъ судью, предъ которыми въ судъ рѣшились дѣла каждаго Графства. Сей судья уменьшалъ власть, какъ Бургграфа такъ и Графа.

Мудрыя сн усановленія произвели нѣкоторымъ образомъ чудеса. Прежде сего никто не осмѣливался вслушаться въ дорогу не всоружась; онъ долженъ былъ самъ себя защищать; ибо законы никого не защищали. Вдругъ возпослѣдовала во всемъ государствѣ всеобщая безопасность. Путешественникъ взиралъ безъ ужаса на ночь, покрывающую тѣню своею всю землю; злопо его и жизнь пребывали въ безопасности. Король приказалъ вѣшать тайно на деревья золотыя и драгоценныя вещи. Примаиъ добычи никого не побуждалъ подвергнуться спротоси законовъ, и служители Царскіе приносили сокровище обратно безъ всякаго ущерба. Таково есть доброе дѣйствіе строгаго правосудія, бдящаго о невинности, и убѣждающаго виновнаго въ томъ, что порокъ есть безуміе и суеша.

Послѣ сего первымъ Алфредовымъ попеченіемъ было сдѣлать описаніе всѣхъ имѣній и мѣстечекъ во всемъ Государствѣ съ ихъ обширностію, отношеніемъ и съ наложенными на оныхъ подашми. Сей неописанной трудъ привелъ Король къ окончанію въ Винчестрѣ посреди шолѣшя, науками обнаженнаго. Вильгельмъ

гельмъ завоеватель возобновилъ сіе разписаніе и попомощью пользуется почти чрезъ тысячу лѣтъ трудами мудраго Алфреда, который во многихъ случаяхъ можетъ служить къ вѣрнѣйшему разчисленію податей и къ прекращенію съ обѣихъ сторонъ споровъ.

На семъ разписаніи Государства и на раздѣленіи Графства на сотни и на десятки основались суды, которые возстановилъ Алфредъ въ каждомъ Графствѣ, въ каждой сотнѣ и въ каждомъ десяткѣ; сіе облегчило приступъ правосудія каждому гражданину и изоргнуло изъ невѣждъ и великихъ людей, предавшихъ единственно оружію, высокое право упражняться въ правосудіи.

Бургграфы и судьи были предсѣдателями въ сихъ судебныхъ мѣстахъ и каждый Саксонецъ былъ судимъ предъ своимъ десятомуужиемъ; по шомъ предъ судомъ снѣ мужей и Графствомъ.

Алфредъ нашелъ мало мужей, способныхъ отдавать правосудіе; но мудрость его умѣла ихъ содѣлать таковыми. Онъ чинилъ съ безпримѣрнымъ прилѣжаніемъ всѣ шяжебныя дѣла, которые отдавались на высочайшее его рѣшеніе. Еслии его Бургграфъ или судьи рѣшили не право; шо наказаніе было неизбѣжимо. Самого незнанія онъ не прощаль; каждый знаетъ свои силы, и по шому никакого не долженъ отваживаться пребывать судейскаго чина, должности кошораго исполнишь находишь онъ себя не въ состояніи. Когда корыстолюбіе или ненависть управляли судомъ; шо прошиву обыкновенія

кнзвенія Саксонцовъ смертное наказаніе было не избѣжимо, и Алфредъ, прощавшій шоль часто бунповщикамъ и вѣроломнымъ разбойникамъ, не щадилъ никакого несправедливаго судью. Въ одинъ годъ онъ повѣсилъ сорокъ пять судей, поступившихъ несправедливо. Кадвинъ осудилъ на смерть такого челоуѣка, кошораго между двенадцатью присяжными прое находили невиннымъ. Гале заплашилъ свою жизнью за упущеніе знаменитому челоуѣку, отнявшему силою у одного Саксонца имѣніе, и приписавшему оное къ доходамъ Царскимъ. Другой судья долженъ былъ умереть за то, что онъ обвиненнаго ввергнулъ въ шемницу и лишилъ его чрезъ то случая къзащитенію себя. Оскишель приказалъ вести обвиненнаго не смерть, признавшагося чрезъ пышку въ злодѣяніи, заслужившемъ оную, кошораго однако не можно было подшвердити никакими другими доказательствами. Алфредъ довольно вѣдалъ, что закоренелый въ грѣхахъ бездѣльникъ, часто смѣется надъ всѣми болѣзнями изспязаній и ругается надъ правосудіемъ, не хотящимъ его осудить безъ осужденія самаго себя: напрошивъ шого челоуѣкъ съ нѣжными жилами не можетъ внести мученія и охошнѣе обвиняетъ самъ себя, и соглашается лучше такимъ образомъ осудить себя на смерть, нежели подвергнувшись нестерпимому изспязанію. Мучительный допросъ производилъ два дѣйствія; часто наказываетъ онъ невинность и освобождаетъ преступниковъ.

Сстрахъ, что Король когда ибудъ проикнетъ въ несправедливость, и въ самый недостой-

досстойный приговоръ, учинившаго погрѣшность спрога накажешъ, принудилъ судей учинишья справедливыми, и пребывашь вѣрными законамъ. Она такъ всегда поступали, какъ будто бы они судили вѣ присуствіи самаго Государя. Вмѣсто незнающихъ воиновъ сидѣли чрезъ нѣсколько лѣтъ на судейскихъ стульяхъ все просвѣщенные и рачительные о должности своей мужи.

Король самъ сдѣлался общимъ своего народа учителемъ. Онъ умѣлъ употребляшъ чщеніе свое и знаніе вѣ стихошворствѣ на исправленіе всеобщихъ нравовъ, и скрывашъ нравоученіе вѣ басняхъ, вѣ повѣстяхъ, и остроумныхъ изреченіяхъ, къ пользѣ своего народа служащихъ. Ему не безвѣстно было, что пріятность стихошворенія доставляешъ доскупъ къ важнымъ наставленіямъ добродѣтели, и что мѣра слоговъ и крашкія повелѣнія мудрости стихошворенія удобнѣе вѣ память впечатлѣваются.

Онъ былъ своего времени стихошворецъ, герой и законодатель. Преимущественная милость, оказываемая имъ ученымъ и великимъ мужамъ, сдѣлала науки предметомъ общаго почтаванія, цѣлю наиважнѣйшихъ упражненій. Потомство читаетъ еще древнія пѣсни, вѣ которыхъ вводился Алфредъ, наставляющій дворянство свое истинной премудрости, которая показуешъ путь къ блаженной вѣчности. Кавалеру, Епископу, судѣ показывалъ онъ его должности, и истинное величество, на исполненіи оныхъ основывающееся. Мы также читаемъ послѣднее его увѣщаніе, учиненное имъ младому

младому Эдуарду, его наследнику, котораго онъ содѣлалъ достойнымъ Принцомъ.

Алфредъ самъ испыталъ, что науки дѣлаютъ насъ способными быть добрыми. Кто знаетъ внутреннюю изящность добродѣтели, тотъ склоненъ ее любить. Отъ кого сія изящность сокрыта, тотъ полагаетъ свое блаженство въ удовлетвореніи своимъ чувствамъ. Книга премудрыхъ древности изображаетъ намъ добродѣтель достоинственною; а порокъ униженнымъ: изъ сихъ книгъ почерпаетъ душа склонность къ добру, которое оныя выхваляютъ съ шолікимъ краснорѣчіемъ. Свѣтъ есть гораздо опаснѣйшее училище: порокъ весьма часто въ ономъ увѣнчивается, между тѣмъ какъ робкая добродѣтель, не рѣдко презирается; ибо она гнушается пущами, обыкновенно ведущими насъ къ счастью. Въ писаніяхъ мудрыхъ изображался Антоній, а въ мрачныя времена, въ которыхъ науки лежали сокровенными, исчезла вся истинная добродѣтель, все величество души и человѣколюбіе. И между самыми Деспотическими обладателями поработеннаго Кашая, маставленія древнихъ мудрецовъ, блестящіе примѣры, которыхъ сохранили они память, содѣлали внуковъ сихъ дикихъ Скифовъ опцами своего народа, и между сими варварами произошелъ Юнгши и Кіенлонгъ.

Отъ продолжительныхъ браней, опустошившихъ Англію, совершенно уничтожились и науки. Въ сіи несчастныя времена люди забыли все не принадлежащее непосредственно къ ежедневному ихъ обращенію. Во всемъ государствѣ

не

не находилось ни одного человека, который бы умѣлъ истинный смыслъ Латинской книги перевести на свой языкъ; однакожь все богослуженіе Саксонцовъ основывалось на Латинскихъ книгахъ, пѣсняхъ и молишвахъ. Алфредъ принужденъ былъ искать орудій для наученія своего народа по другую сторону моря. Онъ нашелъ въ Ирландіи меньше тогда опустошенной, Иоанна Гиберна, препроводившаго нѣсколько лѣтъ въ Аѳиннахъ и въ Италіи, который разумѣлъ давно забытые восточные языки, и который находился у Карла Кальва въ милости и въ довѣренности; онъ человекъ, умѣющій оспрошущий, онъ былъ убитъ своими учениками, имъ самимъ раздраженными. Алфредъ вызвалъ въ Апеллингской монастырь изъ Германской Саксоніи, отечество его народа, ученаго Игумена. Ассеръ Монмушъ былъ столь приверженъ къ своей должности, что Король не могъ болѣе полугода удержавъ его при себѣ, хотя онъ и предлагалъ ему Винчестерское Епископство.

Одаренъ будучи удивительнымъ провинциалемъ и опытною въ познаніи человекѣвъ, умѣлъ онъ узнать въ мальчикѣ, пасущемъ свиней, ошмѣнныя дарованія, возвышающія человѣчество; онъ извелъ его изъ сего подлаго состоянія, и данное ему воспитаніе сдѣлало изъ него Достойнаго Епископа.

Включенный въ число священныхъ Недръ рѣдомъ былъ изъ Корнваллиса; непорочное его поведеніе пріобрѣло ему еще при жизни его всеобщее почтеніе. Онъ восприималъ Короля и находился

ходился у него въ великомъ почтеніи. Его увѣщаніямъ и совѣтамъ приписываютъ многія превосходныя предпріятія Алфредовы.

Съ помощію сихъ ученыхъ и благонадежныхъ мужей привелъ Алфредъ нечувствитель-но всеобщее наставленіе народа въ лучшее состояніе. Онъ взшелъ на престолъ въ такое время, въ которое ни одинъ Епископъ не разумѣлъ Латинской Богослужительной книги, дожилъ до того, что не было ни единого въ Англіи Епископа, который бы не зналъ сполько Священнаго Писанія, сколь требовало онаго достоинства его сана. Король облегчилъ духовенству изученіе необходимыхъ наукъ, приказалъ употребительнѣйшія книги переложить на Саксонскій языкъ, и перевелъ самъ книгу, въ которой описывались должности священнослужителя.

Къ спасительному его намѣренію училища были необходимо нужны. Алфредъ распочалъ свои сокровища на сіи изъ всѣхъ изящнѣйшія заведенія. Совершенныхъ лѣтъ люди уподобляются старому негибкому древу, не могущіе уже приведены бытъ къ лучшему расположенію. Юношество напрошивъ того можно склонить, къ чему ни пожелаетъ образовашъ ихъ мудрое воспитаніе, и чистый еще ихъ духъ принимаетъ съ шolikoю же удобностію любовь къ добру и истинѣ, съ какоюю предается оно за недостаткомъ ученія дикимъ побужденіямъ спростей.

Между всѣми швореніями Алфреда нѣтъ ни единого, которое бы больше представляло его

Госу-

Государство, какъ основаніе славнаго въ Оксфордѣ училища: тысячи ученыхъ, тысячи учившихъ добродѣтели и истинны образованы были въ семь храмъ музъ, добрыя дѣянія которыхъ имѣли первой свой корень въ кротости Алфреда и въ великодушіи, въ которомъ посвяшилъ онъ сіе училище добродѣтели и мудрости. Чрезъ тысячу лѣтъ не было въ Оксфордѣ изобрѣшено ничего полезнаго, не доказано никакой спасающей истинны, не говорено ни одной проглаголюющей рѣчи, возбуждающей челоуковъ къ исправленію, никакая не просвѣтилась часть наукъ глубокоииспытательными книгами, чтобъ Алфредъ не имѣлъ участія въ причиненномъ добрѣ.

Заведеніе новаго училища было конечно взято съ монастырей, бывшихъ во времена Алфредовы единымъ наукъ обиталищемъ. Король основалъ при зданіи, въ которыхъ все семьдесятъ юношей должны были всегда на опредѣленную для содержанія оныхъ училищъ ежегодную сумму воспитываться. Онъ подвергнулъ ихъ извѣстнымъ законамъ, которые съ ученостію имѣли также предметомъ вѣру къ богослужительнымъ упражненіямъ, которые щадательно приневоливали учениковъ. Сіе высокое училище сдѣлалось для попомства образцомъ. Благочестивые мужи и мудрые Государи умножили оное новыми основаніями, и оно процвѣтаетъ еще посреде всеобщаго почти развращенія, а особливо въ разсужденіи изящныхъ наукъ, языковъ и богословія.

Духъ

Духъ порядка, опличавшій мудраго Алфреда отъ всѣхъ, простирался на всѣ вѣтви государства: онъ сдѣлалъ всѣхъ своихъ Саксонцовъ воинами отечества, безъ малѣйшаго нанесенія ущербу земледѣлю или храненію домостроительства. Всѣ жилища Графства были исчислены и записаны. Частыя оныхъ находилась вмѣсто гарнизона въ городахъ и крѣпостяхъ, изъ которыхъ Алфредъ укрѣпилъ довольно число, чѣмъ могли они каждой части государства служить защитою. Прочіе же жилища должны были всегда быть въ готовности къ виѣзнымъ нападеніямъ, весьма часто производившимъ отъ возмущительныхъ Саксонцовъ.

Одной половиною приказываемо было потчасъ ипши шуда, куда требовала нужды; другаяжъ половина опредѣляема была на смѣну прочимъ, и вступала на мѣсто первой, когда она выслуживала назначенное время. Такимъ образомъ всѣ Саксонцы упражнялись въ воинскихъ подвигахъ, и Алфредъ шелъ уже не съ грубыми крестьянами и сокрушеннымъ сердцемъ прошивъ бранныхъ Нормандцовъ, надъ коими не надѣялся онъ одержать побѣды. Но во всякомъ Графствѣ находился полководецъ, коему препоручено было войско. Спасительными законами и безпрестаннымъ упражненіемъ въ оружіи получили Саксонцы паки потерянную довѣренность къ самимъ себѣ, и выступали прошивъ смрачныхъ Нормандцовъ съ неперпѣливостію, которую предводители ихъ должны были удерживать. Сія великая перемена, была несчастнымъ прежде саксонцамъ новымъ

новымъ доказательствомъ, что ихъ мудрому Государю все возможно, и что нравы народа его были въ рукахъ его, какъ глина, изъ которой онъ могъ все сдѣлать по своему наизобрѣненію.

Корабли его были по тогдашнему обыкновенію съ веслами; они были весьма велики и каждый изъ оныхъ приводился въ движеніе сорочкомъ веслами. При томъ были они вдвое выше Нормандскихъ и войны, мѣшавшіе копья и стрѣлявшіе по непріятелѣ съ шаковой высоты имѣли презосходство надъ Нормандцами. Алфредъ достигъ цѣли своихъ желаній, привелъ государство свое въ безопасность отъ Сѣверныхъ разбойниковъ, кои прежде прогоняемы были, по учиненіи уже многихъ тысячъ несчастными, а тогда боялись даже и береговъ государства, охраняемаго сильными флотами. Алфредъ сдѣлалъ и того еще больше; онъ, который прежде лишенъ былъ своихъ земель, достигъ наконецъ до обладанія морями врожденнаго права Англинскаго Короля, которе Алфредовы преемники распроспранили на всѣ моря, обещающія обѣ части сѣша.

Алфредъ, какъ и великіе его послѣдователи, искалъ подданнымъ своимъ отворить новые пути къ полезному труду; стараніе гораздо благоразумнѣйшее и спасительнѣйшее, нежели прощая щедрость. Сія доставляетъ подданному дневно не только пропитаніе, но та приводитъ его и внуковъ его въ состояніе доставить для себя во всякое время и безъ малѣйшаго старанія вѣрное содержаніе.

Всѣ

Всѣ искусства сопряжены между собою, и должны взаимно другъ друга подкрѣплять. Военное искусство пребудетъ тысячу другихъ искусствъ работающихъ металловъ, на деревѣ, изверкахъ, рисующихъ и начерпывающихъ военныя орудія; во всѣхъ сихъ искусствахъ Англія обѣдѣла; поелику прицѣпъ лѣшій мечъ хищныхъ Нормандцевъ безпрестанно висѣлъ надъ ея главою, и всѣ силы жителей ея соединялись къ ошклоненію неизбѣжимаго паденія. Искусства сіи Алфредъ ввелъ паки въ государство.

Щедраго его обѣщала художникамъ довольнее пропитаніе, а челоуѣколюбіе его умножило пріятность пребыванія въ его государствѣ. Изъ всѣхъ странъ обширныя Германіи, изъ государства Франковъ, спешащаго тогда подъ правленіемъ худыхъ обладателей, изъ завиствующія Шотландіи, изъ примирившейся съ Алфредомъ Валліи, изъ трудолюбивыхъ Нидерландцевъ, спѣшили художники и ремесленники подъ покровительствѣ щедрого Короля, отъ котораго не должно было опасаться незаслуженнаго негодованія или безвиннаго изгнанія. Англія наполнилась искусными людьми, дѣлавшими для самаго Короля совершеннѣшія работы, копорыя сообщили Саксонскому юношесству наилучшее рукоумѣло и равное искусство.

Алфредъ зналъ, что Государь челоуѣкъ, что онъ самъ всего проникнувъ, во всѣхъ случаяхъ избравъ наилучшія пути и изобрѣсть для всѣхъ намѣреній наилучшій средства не можешь. И такъ онъ съ удовольствіемъ совѣщавался съ шѣми, коимъ дѣла были извѣстны;

онъ

онѣ выслушивалъ съ терпѣливостію и вниманіемъ предлагающихъ ему заключенія опытноспи, и сравнивая мысли разныхъ знашюковъ, въ состояніи былъ избирать лучшей совѣтъ.

Во время его правленія Англія обыкновенно содержала три совѣта, въ которыхъ отправлялись дѣла. Великій государственный совѣтъ рѣшилъ наиважнѣйшія государственный дѣла, распоряжалъ учрежденіями онаго, и исправлялъ законы. Епископы, Графы, Бургграфы, судьи засѣдали въ семъ совѣтѣ; также допускались въ оный и Вазаллы, получившіе отъ Короны ленныя владѣнія въ награжденіе за воинскіе ихъ подвиги, которыхъ они обязались исполнять.

Не столь многолюдный совѣтъ имѣлъ попеченіе о дѣлахъ, пребывавшихъ большей скромности и скорѣйшаго исполненія: онъ разсматривалъ также и тѣ дѣла, которыхъ долженъ былъ рѣшить великій совѣтъ. Алфредъ употреблялъ къ сему Епископовъ, Игуменовъ и духовныхъ, безпрестанно при немъ находившихся, добродѣтель которыхъ была ему извѣстна, и духъ которыхъ просвѣщенъ былъ науками. Ибо въ несчастное столѣтіе, въ которое царствовалъ Алфредъ, невѣжество не только благородныхъ, но и самыхъ Государей лишало чтенія полезныхъ книгъ, и препятствовало имъ стараться о изысканіи важныхъ дѣлъ. Свое малое число между ими умѣло чинить, и они думали, что уже удовлетворили всѣмъ

В

въ

въ разсужденіи опечества должностямъ, когда храбро за Оное сражались и мужеспвенно умирали.

Алфредъ не хотѣлъ лишиться удовольствія, бывъ извѣстнымъ о всемъ, могущемъ имѣть нужду въ возобновленіи въ каждой сгранѣ и въ каждомъ городѣ его Государства, или о шомъ, ошъ чего въ случаѣ небреженія могли произойти опасныя слѣдствія. Онъ сдѣлалъ непремѣннымъ закономъ шо, чшобы великій Государственный совѣтъ, Епископы и знаменитые люди ежегодно собиралися къ Королю. Въ сихъ великихъ собраніяхъ разсуждали о законахъ, обнародованіе копсрыхъ зависѣло однако ошъ самаго Государя; судили о спорахъ великихъ людей, и ушверждали всеобщее государственное благоденствіе.

Алфредъ въ свое время былъ слишкомъ просвѣщенъ, чшобъ не чувствовать, сколько опасны были Графы для Царской власти. Они весьма близко приближались къ его могуществу и возвысились гораздо выше Вазалловъ; и такъ мудрый Король употребилъ разныя средства на ослабленіе Графскихъ властей. Онъ предспавилъ себѣ всѣ великія дѣла, въ число копсрыхъ включая и смершоубійство. Судьи его судили насилія, причиняемыя на большихъ дорогахъ, и малыя ссоры подданныхъ разныхъ Графствъ. Тяжбы малѣйшей важности входили въ судъ десяшомужія, въ судъ спа мужей,

а потомъ перенсались въ судъ Графства, въ которыхъ Графы, Епископы, Бургграфы, судьи и Вазаллы имѣли засѣданіе и голосъ. Изъ сего двора переносили къ Королю; Графы удерживали право сего предсѣданія, предводительство воиновъ, и попеченіе обнародывать подданнымъ Царскія повелѣнія.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Въ концѣ почти разоренное Англо-Саксонское Государство принимало новый видъ; и вмѣсто замѣшательства порядокъ повсюду паки восцарствовалъ: воинское искусство, науки, художества, и правленіе были исправлены, и Алфредъ безпрепятственно могъ пецись о славу своего Государства, къ чему онъ заблаговременно изготавилъ уже все нужное орудіе. Первый его къ оной шагъ, послужившій къ защищенію Государства, было возстановленіе сожженныхъ и въ развалинахъ лежащихъ городовъ. Лондонъ обязанъ ему вторымъ своимъ построеніемъ. Изъ окопанной приспани Нормандцовъ сдѣлался онъ городомъ, а изъ сихъ началъ, возрастая мало по малу, учинился наконецъ пространѣйшимъ пребываніемъ правленія, торговли и столицею Государства.

Винчестеръ былъ разоренъ до основанія при правленіи Еделреда. Алфредъ построилъ вновь сей городъ съ большимъ великолѣпіемъ и швердостью. Въ прежнія времена Саксонскіе города состояли изъ нѣсколькихъ только жилищъ, и свѣпильники бранныхъ Скандинавовъ въ одинъ день обращали ихъ въ пепель; но Алфредъ возхотѣлъ, чтобы Винчестеръ, который онъ сдѣлалъ столицею своего государства, былъ построенъ изъ песанныхъ четверугольныхъ камней.

Устья великихъ рѣкъ, берега морскіе обезопасилъ Король новыми замками и окопами,
въ

въ которыхъ безпрестанно находилса гарнизонъ, который до тѣхъ поръ можетъ отражать первое нападеніе вышедшихъ на берегъ грабителей, пока Саксонцы собравшись вооружаясь и съ довольною силою выступяшъ противъ разбойниковъ. Се шоль легкое средство, держашъ въ уздѣ морскихъ хищниковъ, Саксонцы пренебрегли и заплашили за нерадѣніе свое благороднѣйшею своею кровію.

Алфредъ жилъ въ такое время, въ которое вѣра и науки находилса у однихъ шолько монаховъ. Они были просвѣщены, по чему и почитали ихъ святыми. Король не совсѣмъ могъ избавитса отъ предразсужденія своего вѣка: сердце его, склонное къ истинной богобоязности, смѣшивало почитеніе, которое заслуживаетъ слово Божіе, съ почитеніемъ, которое служители его себѣ присвоили; онъ былъ привлеченъ къ жрецамъ, которые были шайнѣйшими и довѣреннѣйшими его совѣтниками. И такъ построилъ онъ монастыри и основалъ убѣжища для желающихъ удалитса отъ шума большаго свѣта, и совсѣмъ посвятивъ себя въ уединенной кельи размышленію о вѣчности. Первый монастырь, имъ построенный, былъ Апелдэнгъ. Онъ учинилъ вѣчнымъ воспоминаніемъ униженія, претерпеннаго имъ въ Амелнеѣ, построивъ на сваяхъ монастырь въ болошахъ, скрывавшихъ его отъ побѣдоносныхъ Нормандцовъ. Для благородныхъ дѣвицъ основалъ онъ домъ въ Шахбургѣ, а въ Винчестерѣ въ новомъ монастырѣ приказалъ построить кладбище для себя и своихъ преемниковъ.

Онъ одарилъ Епископство Дургамское и разныя монастыри впусщѣ лежащими землями. Щедрый Монархъ не довольно предвидѣлъ, что самымъ лучшимъ по видимому намѣреніемъ, приготовлялъ онъ священнослужителямъ чрезъ богатство совершенный ядъ. Напитокъ сей, упоя ихъ и умножа слишкомъ ихъ власть, открылъ въ сердца ихъ входъ гордости и самовласію.

Сколько онъ ни приверженъ былъ къ вѣрѣ, однако не забылъ, что для Государей не обходимо нужно также и вѣшнее великолѣніе; поколику народъ почитаетъ своего Обладателя не только по внутреннему сердцу ихъ достоинству, но и по знакамъ блеска и величества, ихъ окружающаго. Алфредъ паки возобновилъ и украсилъ избѣченными каменьями разрушенные Царскіе чертоги и увеселительные дома, въ которыхъ искали иногда Государи убѣжища отъ сѣменящихъ ихъ дѣлъ.

Какъ всеобщій овецъ порядка, воздвигъ онъ дома свои по самымъ благоразумнѣйшимъ основаніямъ. Служители его раздѣлены были на три очереди; изъ которыхъ каждая служила четыре мѣсяца въ году, а восемь остальныхъ мѣсяцовъ препровождала въ отдохновеніи.

Добродѣтель его не имѣла ничего строгаго, ни упрямаго. Онъ любилъ музыкальныя инструменты. Онъ снискалъ въ Римѣ в-усъ къ пріятному сему удовольствію, и вызвалъ наилучнѣйшихъ музыкантовъ и наилучнѣйшихъ пѣвчихъ къ своему двору. Онъ вѣдалъ, что слабыя орудія духа удручающа въ человекѣ

из-

излишнимъ вниманіемъ, и что безпрестанная работа дѣлается наконецъ бесполезною, и производитъ несовершенныя шокмо дѣйствія.

Яко Саксонецъ онъ прилепенъ былъ въ молодости своей къ песьей и сокольничей охотѣ. Упреннее прохлажденіе, вольный воздухъ, и шлодаженія дѣлали упражненія сіи спасительными; но Алфредъ умѣлъ и сіе увеселеніе ублагородить и употребить къ общему благу: онъ обращалъ оружія свои при охотѣ прошиву вредоносныхъ звѣрей, которыхъ онъ изкоренялъ. Онъ былъ въ сихъ упражненіяхъ искуснѣйшій между Саксонцами.

Алфредъ не пренебрегъ также и самыя украшенія, служащія собственно къ возвышенію придворнаго великолѣпія. Онъ былъ первый изъ Саксонскихъ Королей, который принялъ къ себѣ во услуженіе художниковъ, умѣвшихъ отдѣлывать золото и драгоценныя каменья. Алфредъ приказалъ для великихъ торжествъ сдѣлать Королевскую корону. Сему искусству онъ самъ научился, и сдѣлался способнымъ наставлять другихъ.

Онъ былъ также первый изъ Саксонскихъ Королей, который вздумалъ сдѣлать кавалеровъ. Награжденіе сіе за воинскіе подвиги состоитъ во власти Государя; оно не изщерпываетъ его сокровищъ, и не дѣлаетъ имъ убытка отъ награжденія; однако не менѣе споспѣшествуетъ блаженству награжденнаго, сколько бы могло произвести самое золото и серебро: оно будучи раздѣляемо по долгу служишь явнымъ свидѣтельствомъ почтенія Государскаго, на кото-

ромъ основывается почтеніе народное; одно изъ изчувствившійшихъ удовольствій, какого ошущительное сердце желать только себѣ можешь. Алфредъ далъ рыцарское достоинство внуку своему Адельстану, одѣвъ его въ багряное платье и препоясавъ его поясомъ, на которомъ висѣлъ коротенькій Саксонскій мечъ въ золотыхъ ножнахъ. Адельстонъ совершенно ошвѣщствовалъ намѣреніямъ во всемъ свѣду щаго дѣла, и сдѣлался сильнымъ и почтеннымъ Королемъ.

Алфредъ умѣлъ раздѣлить себя на шоль многія искусства и познанія, и во всякомъ изъ оныхъ оставался онъ великимъ. Трудно было въ то время изъ Государей найти шакого, которій бы могъ подобно ему съ шаковою скоростію обращать всѣ силы своего духа на шоль многія и на шоль многоразличныя дѣла, все предвидѣшь и обо всемъ стараться. Между всѣми сими Царскими упражненіями не было ни одного, которое бы не имѣло крайнимъ предметомъ благоденствіе своего народа.

Главнѣйшимъ стараніемъ сердца его было угодишь Богу. Никшо и въ наши шолько перемѣнившіяся времена не уменьшишь за то славы Алфредовой, поколику богослуженіе его, слѣдуя участи вѣка его, имѣло въ себѣ ибѣшо монашеское. Но Сердцевѣдецъ пребуешь оиъ челоуѣка шого только, чшо онъ можетъ сдѣлать въ шѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя пославленъ онъ всевысочайшею его премудростію, и замѣшавшаяся плева въ очахъ Всешвѣдущаго

еще не отниметъ достоинства предпочесть имѣющей пшеницѣ.

Надлежитъ признаться, что въ благочестіи Алфреда видны были слѣды вкуса его вѣка; но онъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобъ поступить такъ, какъ весьма часто дѣлавали въ тогдашнія времена Государи, оскорбленные своими недостатками, оставя народу своему полезное правленіе, запирались въ монастырь, дабы пещися токмо о себѣ самомъ. Онъ навсегда оставался трудолюбивымъ, и для блага народа своего неутомимымъ Государемъ.

Алфредъ дѣлилъ съ закономъ время и имущество свое. Онъ раздѣлилъ доходы свои на двѣ равныя части, изъ которыхъ одну опредѣлилъ на благочестивые дары, которая паки раздѣлялась на бѣдныхъ, на монастыри и училища. Другуюжъ удерживалъ Король для себя, изъ которой удѣлялъ онъ также нѣкоторую долю придворнымъ своимъ, художникамъ, трудолюбивымъ ремесленникамъ и чужестранцамъ, поселившимся въ его Государствѣ. Подати, съ помѣстьевъ собираемыя, опредѣлены были для содержанія двора, которыя оставались иногда земледѣльцамъ за нѣкоторую плату: они привозили ко двору земные плоды, овощи и доходы, получаемые отъ своихъ стадъ.

Алфредъ удѣлялъ половину времени своего на богослуженіе, доброе употребленіе котораго составляетъ собственное наше бытіе; онъ причислялъ къ сему изреченія, замѣчаемыя изъ книгъ откровенія Господня, сопровождая ихъ собственнымъ своимъ разсужденіемъ записывалъ

въ карманныя книжки, изъ коихъ произошли цѣлыя собранія, въ которыхъ Алфредъ сопровождалъ наимпріяшнѣйшее время своего упражненія. Онъ былъ столько попечителенъ, чѣмъ ничего не увести изъ времени, посвященнаго закону, чѣмъ перевѣсилъ свѣчи для опредѣленія часовъ въ такое время, въ которое не знали еще ни о какомъ родѣ часовъ. Ему приписываютъ изобрѣшеніе, которое конечно древнимъ было не безъизвѣстно, но которое уповашельно во время непросвѣщенія пропало, обноситъ упомянутый воскъ прозрачнымъ рогомъ; поколику стеклянныя оконницы не были еще тогда изобрѣшены. Стараніемъ, которое Алфредъ принялъ опредѣлить время, обязаны мы обѣщанію его, сдѣланному послѣ побѣды, одержанной при Ашельнгѣ.

Важно вымышленное желаніе сего Государя весьма далеко простиралось, чѣмъ слабое его сложеніе или безпрестанные недуги удерживали его вовсе предаваться чувственнымъ веселіямъ. Въ юношесствѣ своемъ онъ весьма бы удобно могъ исполнить желаніе сіе, если бы страхъ озлобихъ Бога его ошъ онаго не удержалъ; цѣлыя двадцать пять лѣтъ мучило его внутреннее и никому неизвѣстное зло, которое посреди цвѣшущихъ его дней прекратило печеніе неощѣненной его жизни. Долженъ ли былъ Алфредъ сомнѣваться о премудрости того, у котораго просилъ онъ о воздержаніи? и подашь всѣхъ благихъ даровъ не былъ ли обиленъ другими средствами, которыя бы не прекратили дѣй Алфредовыхъ, и не сдѣлалибъ

жизнь

жизнь его бесполезною въ такое время, въ которое болѣзни его превосходили всякое шerp-пѣніе?

Живое сіе чувствованіе должностей закона произвело въ немъ сіе непоколебимое милосердіе, подкрѣпляющее его посреди шoликихъ бра-ней, не взирая на вѣроломство и невѣрность, которыми непріятели плашили ему за крайнюю его благость. Ничто не вѣроятно было пре-возмочь принятаго намѣренія прощанья, онъ желалъ также, чтобы и ему было опущено. Послѣ побѣды, дорого купленной, прощалъ онъ безъ всякаго договора шому, который десять крашъ прошивъ его возмущался, и не позво-лялъ себѣ никакого дѣйствія ощущаемаго мще-нія.

Въ нѣдрѣ Государства былъ онъ вѣрный и любви достойный супругъ, нѣжный отецъ и милостивый Государь. Сколь много времени ни обязанъ онъ былъ употреблять на спасеніе своего народа, и на неизбежныя брани, хотя искусство его въ рыцарскихъ упражненіяхъ и было велико; однако онъ съ первыхъ лѣтъ юношества своего желаніе къ наукамъ пред-починалъ есмъ прочимъ. По причинѣ неща-стныхъ сихъ временъ Алфредъ едва и на две-надцатомъ году могъ худо разбирать книгу, которая его всегда шоль привлекала, что онъ не прежде успокоивался, какъ когда могъ безъ ошибки читать и совершенно понимать содер-жаніе оныя.

Сколько-Саксонскій языкъ ни былъ грубъ, но въ ушахъ Алфреда казался пріятенъ и пла-

венъ: онъ перевелъ на Саксонскій языкъ сочиненія древнихъ мудролюбцевъ съ такою вѣрностію и выраженіемъ, чего ни одинъ ученый дажь былъ въ состояніи. Спраніе сіе прилагалъ онъ на изученіе законовъ просвѣщенныхъ народовъ, исторіи, рѣчей и иносказаній, однимъ словомъ, всѣхъ твореній разумныхъ и превосходнаго вкуса людей; онъ переложилъ на свой языкъ все собраніе ожкровенныхъ писаній. Онъ написалъ также собственую свою исторію, и приключенія своя многотрудныя и во многихъ нещастіяхъ обращающіяся жизни. Онъ сохранялъ всегда во всѣхъ своихъ твореніяхъ постоянную привычку ничего не начинать, чего не надѣялся привести къ концу.

Въ самой болѣзни, при мучительной жизни и многихъ испытанныхъ чувствительныхъ нещастіяхъ, Алфредъ всегда былъ веселъ и миролюбивъ: сею добродѣтелию обладають однѣ избраннѣйшія токмо души, которыя кротостію своею преодолевають всякое волненіе и досаду. Вѣсьма часто случается, что простыя души уступаютъ послѣдному впечатлѣнію; маловажными причинами бывають возмущаемы, и при перевѣсѣ господствующія досады не чувствуютъ важности другихъ предметовъ. Сколь мало шлоало его нещастіе, столь мало господствовало надъ Алфредомъ щастіе и чувствованіе своихъ достоинствъ: онъ прудился и сражался съ неустрасимою бодростію, молчалъ о своихъ великихъ дѣланіяхъ, будто бы они были не имъ произведены. Часто одинъ онъ удерживалъ воиновъ своихъ отъ побѣга, прошиву-

шивупологая непреоборимую твердость наступающему непріятелю; онъ почиталъ храбрость свою за нѣчто случайное и спрванное, поколику вся душа его привержена была къ Богу, на котораго онъ полагалъ всю надежду.

Слава его не многія лѣта краткія его жизни пролетѣла за ту сторону Европейскихъ предѣловъ. Единодушный и свободный гласъ народа далъ ему имя великаго Алфреда, кошорое не многіе Государи достойно получаютъ. Римъ почиталъ его добродѣтели, Патріахъ Іерусалимскій изъ за столъ многихъ морей оказывалъ почщеніе, кошорое великія добродѣтели въ ошдаленнѣйшихъ спранахъ Королю Саксонскому снискали. Изъ всѣхъ мѣстъ спѣшили воины, художники и ученые къ престолу, на кошоромъ сидѣлъ хрстіанинъ, мудрый герой, и всѣхъ полезнѣйшихъ искусствъ защитникъ.

Ошъ прекрасныя Алсвицы Король имѣлъ двухъ сыновей: Едуарда старшаго, мудраго Короля и законодателя, и Едельварда, ученаго Принца, умершаго въ Оксфордѣ въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ. Потомъ мужественный Алфредъ женился на сунругѣ Графа Мерси, кошорая послѣ ссерпи его правила обширную сею землю, усмирила буншующихся Нормандцовъ, и основала многіе города, между кошорыми щитаются шакже Шестеръ, Шшаффордъ и Варванъ. Она завоевала паки часть взбуншовавшася и ошдѣлившагося Валлиса, и заслужила Королевское имя добродѣтелями, кошорыми она обладала.

Ашельсвиша выдана была за Балдуина, сильнаго Графа Фладрскаго; одна изъ ея правнукъ, именемъ Машильда, сочелась бракомъ съ Вильгельмомъ завоевателемъ. Отъ второй Машильды произошли Плантагенеты; а отъ сихъ самыхъ Плантагенетовъ, послѣ обладанія ихъ Англією чрезъ шреста лѣтъ, произошли Тудоръ и Стюарты, права которыхъ пали на знаменитый домъ Вельфовъ. Третья Машильда, дочь перваго Плантагенета, была супруга Генриха Льва и родоначальница Вельфовъ, изъ коихъ въ одномъ кровь Стюартовъ смѣшалась съ кровію Плантагенетовъ и сдѣлала, что съ обѣихъ сторонъ кровь Королевская Алфреда и Водана ожившворяетъ до сего времени сильныхъ Моноарховъ великія Британіи. Промыслъ опредѣлилъ скиперу ихъ неизмѣримыя земли въ такой части свѣща, которая во времена Алфредовы была еще извѣстна старому свѣщу. Обширныя владѣнія ихъ орошаютъ Нигеръ и Гангесъ, обширнѣйшее Индостанское Государство покоряется законамъ Алфредова преемника. Но наследство добродѣтелей, любовь къ наукамъ и художествамъ, выгода мира, предпочтенная побѣдамъ и торжествамъ, и брачное благополучіе, суть гораздо достославнѣе, нежели наследство земель: всѣ сіи высокія свойства соединились въ Георгъ III, преемникъ Вельфовъ и Алфреда.

Промыслъ видимо исполнилъ всеобщее обѣщаніе, что сѣмя Богоугодное процвѣтетъ и по пятидесяти родахъ благословеніе заслужившихъ

вшихъ предковъ падешъ на достойнаго наследника.

Алфредъ скончался отъ слабствій болѣзни, самимъ имъ испрошенной. Драгоценная и полезная его жизнь продолжалась только 52 года. Смерть постигла его точно въ концѣ десятаго вѣка, между тѣмъ какъ Карловинцы клонились уже къ своему паденію, а преемники сильнаго Роберта ежедневно приближались къ престолу западныхъ Франціи. Благочестіе, бывшее правиломъ его жизни, не оставило Алфреда и при самой его смерти: онъ сошелъ съ престола какъ бы для отбытія изъ одной резиденціи въ другую, въ твердой надеждѣ, что онъ въ оной будетъ благополучнѣе: онъ надѣялся стѣ верховнаго суди лучшей жизни, въ которую никакія земныя преимущества не могли проводить, но которая будетъ награжденіемъ жизни, посвященной единственно благоденствію вѣрнаго ему народа, и никто не сомнѣвался, что верховный всея вселенныя Владыка по среди толкихъ изящныхъ дѣланій непремѣнно спуститъ ему по благости своей нѣкошорыя неизбѣжныя прегрѣшенія, учиненныя великимъ симъ Государемъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Совѣты опытнаго Амунда.

Добродѣтели своей обязанъ ты благодарностию за приобрѣшеніе такого вонна. Я Амундъ, другъ Гаспинга, желающій сдѣлаться также и твоимъ, ешьли ты шолько похочешъ его принять. Имя Амунда было не безъизвѣстно, знали также, что онъ былъ благонравенъ и мужесвенъ, и благоразуміе его руководствовало какъ шѣмъ, такъ и другимъ. Алфредъ просперъ Царскую свою руку, и сказалъ Скандинавцу: я не шолько пріемлю швое дружество; но жадаю, чтобъ ты раздѣлялъ со мною и самое мое щастіе. Королева же дружески лобызала прекрасную Феофану. И такъ Алфредовъ дворъ сдѣлался для обѣихъ сихъ чешъ обихалищемъ всегдашняго удовольствія. Амундъ слѣдовавъ за Королемъ во всѣхъ его войнахъ, наиревностнѣйше стараясь отвращать непріятельскія оружія отъ его особы, и грудь его всегда служила Алфреду щитомъ.

Алфредъ, прогнавъ наконецъ всѣхъ внѣшнихъ непріятелей, навсегда прилѣжно упражнялся въ приведеніи порядка и общаго благоденствія между своими Саксонцами въ цвѣтущее состояніе. Амундъ со вниманіемъ слѣдовалъ за всякимъ шагомъ законодателя; сравнивалъ его намѣреніе правленія Саксонскаго Государства съ Византискою Монархіею, и съ шѣмъ, что онъ читывалъ о Римлянахъ и лучшихъ Грекахъ.

Ошъ

Отъ него не скрылись недоспашки Саксонскаго правленія, въ коемъ отъ древней вольности Тевтонцовъ не оспалось почти ничего, кромѣ сальнаго дворянства.

Долго Амундъ исправлялъ разсужденія свои новыми изысканіями; долго его сердце волновалось, и побуждало его открыться Королю, истинну любящему и съ удовольствіемъ оную слушающему. Наконецъ невѣрность нѣкопторыхъ вельможъ, Алфредомъ побѣжденныхъ и по врожденному его великодушію прощенныхъ, раздражила его. Предавшись въ размышленіе, удалился Король съ Амундомъ въ увеселительный домъ, лежащій не подалеку отъ его столицы; его благотворный духъ съ немалымъ прискорбіемъ чувствовалъ плачевную необходимость, въ которую видѣлъ себя часто ввергаемымъ принялся за оружіе, дабы дѣйствовать противъ мясешниковъ. Я люблю мой народъ, говорилъ сей великодушный Монархъ: дѣлаю все, что только могу по своему проицанію для общаго блаженія Англіи. Но возможно ли, что сыновья ея меня не любящъ, любящаго ихъ болѣе себя?

Амундъ поклонился своему Государю и купно своему другу; хочеть ли Алфредъ выслушать слугу, его любящаго? позволитъ ли онъ ему бышь рошкровенну и предложитъ себѣ свои мысли шакъ, какъ онѣ родились въ вѣрномъ ему сердцѣ? Саксонцы не злѣе прочихъ народовъ: естли они являкшся неблагодарными, то источникъ сего зла произшекаетъ отъ истиннаго неравновѣсія образа правленія. Гдѣ
нѣтъ

иѣшь равновѣсія, шамъ всегда бывають шѣ недовольны, коихъ вѣсовая чаша легче. Твои дворяне величавы и не довольно подвластны законамъ; а простый народъ Саксонскій слишкомъ униженъ: разность между шѣми и другими великая. Ежели бы твой простой народъ всегда имѣлъ свое природное величье, то дворяне твои не были бы всегда съ ними въ равновѣсїи, кое препятствовало бы имъ направлять свой подешъ съ излишнею дерзостію въ высоту.

„Амундъ довольно видалъ свѣтъ: онъ обращался съ опдаднѣйшими народами, ему известно состояніе его свободного Сѣвера. Саксонцы жили въ вольности; но предки твои, завоевавши Британіи, оставили руль правленія дворянству, и отдали ему простой народъ на волю. „

Аафредъ, внимавшій охотно совѣшамъ вѣрныхъ друзей, ошвѣчалъ Амунду: „Другъ мой видѣлъ восточныя земли; но что нашелъ онъ въ нихъ такое, чрезъ что бы можно было поправить образъ Саксонскаго правленія? „

„Далеко отъ насъ, сказалъ воинъ, на самомъ Воспокѣ, лежитъ сильное Государство, обширнѣйшее на всемъ земномъ шарѣ, Имперія Серическая (*); отшуда идетъ шелкъ: его провозятъ мимо источника рѣки Гангеса чрезъ покрышыя сѣгомъ Индѣйскія горы, и чрезъ Индію въ Визаншю; а на островахъ Егейскаго моря

- въ

*) Сѣверный Китай.

вЪ умбренномЪ поясѣ начинаютъ обрабошывашъ сіи ниши , кои суть рабошы нѣкоторыхъ гусеницѣ. Теофана шила сама шелкомЪ, она работаешъ занавѣсѣ, который посулила милосливой своей обладапальницѣ, прекрасной Алсвитѣ. Имперія Серическая есть обипалище искусствѣ, шоржество земледѣлія и пипашельница безчисленнаго множества жишелей; ибо прочая земля, сравнена будучи сѣ благополучнымЪ КафамЪ, ешъ только одна пустыня, покрываа нѣсколькими хижинами. Такъ я, слыхалъ отъ купцовѣ, дрѣхавшихъ вѣ Визаншю сѣ шоварами преприѣжнаго сего народа. „

„Серы суть наидревнѣйшій изъ просвѣщенныхъ и обходительныхъ народовъ : они имѣли мудрыхъ законодательей и изобрѣшали уже новыя искусства, когда Греки жили и пипались хищеніемъ животнохъ и дубовыми желудьями, природою производимыми для дѣнвыхъ дикихъ. Кафай ешъ обипалище порядка, а Императоръ ошецъ всего народа, владычествующій надъ милліонами подданныхъ сѣ такою же властію, сѣ какою ошецъ управляетъ своею семьею : подданные любяшъ и почитаюшъ его шахъ, какъ дѣши родителей своихъ. Онъ испочникъ прямая честности, всѣ его подданные уподобляюшя шяжелой монешѣ, цѣна которой возвышается при Имперашорскомъ штемпелѣ и означаешъ различіе. Они не знаютъ никакого дворянства; повелѣнія идушъ отъ Имперашора постепенно до назкаго изъ его служителей, до просшаго поселянина; и нѣшъ изъ нихъ ни одного, который бы дерзнулъ про-

прошившись, или хотя малѣйше умедлишь въ исполненіи оныхъ. Никто не родится съ отличными правами, возвышающими его предъ простымъ народомъ. Дворянство состоишь въ пошомкахъ кокого либо мудреца, наставляющаго народъ за 16 вѣковъ въ Серической Имперіи добродѣтели; въ то же самое время, когда Пизагоръ училъ грубыхъ Грековъ землемѣрію и познанію Божества. „

Алфредъ, никогда не выдавшій такого народа, котораго бы дворянство не составляло наизнашиѣйшей части, прервалъ шутъ рѣчь своего друга. „Такой народъ, сказалъ онъ, долженъ быть слабъ. Одно нѣжное чувствованіе можешь побѣдить любовь къ жизни; а такое чувствованіе не можешь ни въ комъ споль живо господствовать, какъ въ дворянствѣ, для коего малѣйшее безславіе не сносно, и которому самая жизнь кажется тягостною, ежели онъ спанешъ провождать оную безчестно. Сверхъ всего благородный свободенъ отъ всякихъ неприличныхъ пристрастій: руки его опредѣлены нести мечъ, шѣло склонное къ верховой ѣздѣ, охота предуготовила къ войнѣ, а побѣда составляетъ одно званіе и предметъ его жизни. Неимущій земледѣлецъ забываетъ честь въ нужныхъ работахъ о пропитаніи своемъ: привыкши къ низкости не ощущаетъ онъ никакихъ высокихъ побужденій, кои бы онъ чувствовать долженъ: воспитанный къ униженнымъ работамъ, не умѣетъ онъ побудить борзого коня противъ непріятеля, бросать копье въ шѣсную толпу враговъ, давать раны,

раны, а самому искусно оныхъ избѣгать. Я многократно испыталъ, что вся сила моего войска состоишь въ моемъ дворянствѣ. „

Амундъ отвѣчалъ: „Алфредъ, чинавшій много, знаетъ исторію Грековъ: у нихъ не было дворянства; однако кшождь былъ мужескиеннѣ Спаршанцовъ, кои едвали умѣли произносить имя своего отца, а были сыновьями опечесства? Чувствованіе чести въ людяхъ такого состоянія весьма стѣсненно, и никогда не можешь быть велико; потому что оно праздно, и должно получашъ свое пропитаніе отъ пошу работавшихъ имъ. Мудрѣйше учрежденное правленіе, въ коемъ жили сущь самохрабрѣйше, есть то, въ кошромъ сіе чувствованіе разпространяется на весь народъ, и гдѣ каждый гражданинъ горитъ къ побѣдѣ желаніемъ, воспаменяющимъ полководца. Не досташокъ въ дворянствѣ дѣлаеть Серовъ боязливыми, но есть пошу иныя причины. Страшные Сарацины не что иное были, какъ верблюжьи паспухи, но кто опважиѣ ихъ сражался? кто больше ихъ одержалъ побѣдъ? кто больше ихъ несчастныя Аравіи покорилъ земель? У Серовъ есть много ремесленниковъ и купцовъ, и большая часть Государства состоишь изъ людей, потерявшихъ отъ легкія работы члены, не укрьплявшихъ ссе тѣло трудными работами, не приобыкшихъ сносить никакихъ пятостей грубости воздуха и никакихъ принужденныхъ ночныхъ бдѣній. Другая же причина слабости Серовъ есть та, что ихъ начальники съ ними безчеловѣчно поступаютъ.

Сіе

Сіе обширное Государство управляется такимъ образомъ: самый знатный Серъ подверженъ жесточайшимъ наказаніямъ; чрезъ сіе самое впадаетъ въ уныніе народное мужество, безъ сопротивленія подвергается своему игу, чувствуешь, вмѣсто поощренія къ честности, только движенія, побуждающія его къ соблюденію своей жизни, или ко удовлетворенію прихотямъ своимъ. И такъ Государство Серовъ всеконечно ошъ сего дѣлается меньше къ войнѣ способнымъ: Государь ихъ не щиптся чинить завоеванія, онъ довольствуется неизмѣримымъ проспанствомъ наслѣдственныхъ своей области, и не соглашается даже принять подъ свою державу добровольно, ему покоряющихся народовъ, кои, зря благосостояніе Серовъ, ищутъ покровительства Государя ихъ, который есть прямой ошець народа своего.,

„Однако сіе обширное Государство наслаждается безпредѣльнымъ преимуществомъ, потому что никакая знаменитая особа не дерзаетъ прошивиться державѣ; и какъ она находится одна и безъ подпоры союзнаго и сильнаго дворянства, що первая буря Монаршей немилоспи низвергаетъ его безпрекословно.

Правленіе Саксонское не можетъ наказашь ни одного вельможу, не огорча родственниковъ его сѣмейства и прочихъ своихъ вельможъ, взирающихъ на пониженіе каждаго изъ нихъ съ такимъ негодованіемъ, какъ и на собственное свое. Бранное мужество не такъ нужно Серамъ; ибо они имѣють разсѣятыхъ и раздѣленныхъ соудей, кои хошя могутъ нападать на ихъ пре-

предѣлы, но никогда не возмогутъ причинить Государству вреда. Отъ начала Испоріи, Государство Серовъ было всегда непобѣдимо, Царскій родъ постепенно восходилъ на престолъ, но никакая чужая сила не покоряла Государство (*).

Великія преимущества имѣетъ Государство Серовъ, если возлѣтѣшь мыслью въ отдаленнѣйшія времена древности, въ тѣ времена, въ коихъ никакое другое Государство еще не существовало, и обратись назадъ къ баснямъ, изъ коихъ беретъ Исторія свое слабое начало; то всегда найдемъ въ Сервахъ народъ обходительной, прилѣжной и многочисленной, имѣющей художества, законы, мудрецовъ и великихъ Государей Иу, Шунги Венванга, Вуванга.,)

„Однако, продолжалъ Амундъ, поклонясь съ почтеніемъ Королю, я не слѣпой обожатель неограниченнаго владѣнія: я вольнорожденный Гошеъ, сердце коего хочетъ добровольное паче, нежели принужденное, воздавать монарху своему почтеніе. „

Чрезъ нѣсколько дней Амундъ проводилъ прекрасную Теофану ко двору, кошорая привезла благородной Алсвиѣ бѣлый изъ блестящаго шелка шканный занавѣсъ, на коемъ вышиты были цвѣшы и звѣри такъ, какъ оныя украше-
ны

(*) Набѣги *восточныхъ Татаръ, подѣ правленіемъ потомковъ Кинна, Западныхъ подѣ правленіемъ Ивена, и паки восточныхъ при Теингъ гораздо новѣе, нежели Алфредовъ 9 вѣкъ.

ны природою въ умѣренныхъ южныхъ странахъ блестящими цвѣтами, какихъ слабѣйшіе лучи солнца на Сѣверѣ не могутъ произвестн. Королева удивлялась искусству и отвѣчала на подарокъ прекрасныя Гречанки полошномъ Фландрскимъ, коего шонкія нити казались бытъ столь нѣжны, что руки смертныхъ дѣлашь ихъ не могли. Въ нашихъ холодныхъ странахъ, сказалъ Алфредъ, природа производитъ меньше, но больше предоставляетъ прилѣжности людей. Но прудолюбіе находитъ здѣсь сокровища, могущія столько же споспѣшествивать благополучію народа, какъ и щедрость природы. Феодана призналась, что она въ Византіи ничего не видела, что бы превосходило сію работу, и ленъ, по ея признанію, превосходилъ, или по крайней мѣрѣ, не уступалъ въ пользѣ шелку.

Добрый Монархъ безъ сомнѣнія употребляетъ величество силы своея на благоденствіе своего народа и дѣлаетъ шѣмъ болѣе добра, чѣмъ меньше онъ ограниченъ. Онъ имѣетъ свершныя очи на своихъ служителей, избираетъ ихъ съ разборчивостію, не дспускаетъ, чтобы самыя низкіе изъ его народа были не праведно угѣшаемы. Такъ бы были первые правители Императорскихъ владѣній у Серовъ. Но дѣти ихъ, родившіеся въ пурпурѣ, воснипанные въ наслажденіи верховныя власши, не заслужа пестрота знаменитыми и добродѣтельными дѣаніями, видя во власши своей единую способность удовлетворять собственнымъ своимъ спрашамъ, они наполнили чертоги свои предестны-

мк

ми женами, шерали при зрѣлищахъ дни, кошоры-ми одолжены своему народу, веселости сдѣлались ихъ единымъ упражненіемъ, служители ихъ, выбранные по злему совѣшу евиуховъ и возлюбленныхъ наложницъ, искали шолько приумноженія своей власпи, богашства и забавъ; каждый изъ нихъ нечувствительно дошелъ до того, что упошреблялъ подчиненныхъ своихъ орудіемъ страстей своихъ, а послѣдній полезнѣйшій гражданинъ сшеналъ подъ бременемъ несноснаго труда при увеселеніяхъ его. Плачевное опчаяніе побудило его для защищенія жизни своея принять оружіе прошивъ того, кто долженъ бытъ предметомъ егс любви. Такимъ образомъ изшребилась фамилія, содѣлавшаяся жертвою раздраженнаго народа.

Я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ подобнаго сему плачевнаго явленія, кошорое лишило нещаснаго Михаила Визаншійскаго престола: онъ не старался о государственной пользѣ, предавался всякому роду безпутствъ, упивался виномъ, забывалъ онъ должность, коковую надлежало ему исполнять, яко опцу своего народа. Одинъ человекъ изъ самаго низкаго сословія возшелъ по хорошему своему виду на высочайшіе степеня званій и имѣлъ скопъ убійцъ въ своихъ повелѣніяхъ.

Прежде, нежели Вязги могли упошребить оружіе свое, Михаилъ былъ убитъ. Вѣрность наша не имѣла больше никакого предмета. И такъ наслѣдникъ Константина и Кесари палъ подъ мечемъ немногихъ разбойниковъ: шоль мало брали участія въ его нещасной судьбѣ,

что ни единой слезы не было пролито, ни единого вздоха не было слышно, ни единая лавка не затворилась, и никакое дѣло не прервалось; а напрошивъ шго чрезъ нѣсколько часовъ вся Византія провозгласила многолѣтніе Императору Василию, съ такою же радостію и ревностію, какъ бы онъ былъ истинный наследникъ престола. Если бы Михаилъ умѣлъ согласовать величество свое съ пользою своего народа, если бы законы были его предѣлами, и если бы паденіе его поколебало благосостояніе земли: то никогда бы въ Византіи не возродилась ошважная мысль взойти на престолъ смертію Михаила.

Добрый Государь имѣетъ всегда около себя цѣлые корпусы, которые говорятъ ему правду; онъ имѣетъ вельможъ, не подвергающихся несправедливымъ законамъ.

Всѣ сіи власти, ограничивающія власть его, бдятъ купно о его безопасности. Онъ не дѣлается несправедливымъ, не лишаетъ собственности своихъ гражданъ и не опинаетъ жизни у служителей своихъ; поелику не достигъ бы онъ сего намѣренія, не обезслазя самаго себя, и не испытавъ непреодолимаго сопротивленія. Онъ научается изъ опытовъ, что нѣ только граждане повинуются, которые любятъ своего Государя; а чтобъ пріобрѣсть сію любовь, долженъ онъ дѣлать ихъ благополучными, и что онъ не можетъ осчастливить своего народа, если онъ самъ не будетъ трудолюбивъ, милосердъ и справедливъ. Единое воображеніе о дѣяніи, которое для восточнаго влады

шедя

педя показалося бы забавою для препровожденія времени, потрясло бы всю душу Государя мыслящаго, что величество его основывается на всеобщемъ почитаніи, а сіе на его добродѣтели. То, что тиранъ Византійскій спокойно учреждаетъ и съ хладнокровіемъ повелѣваетъ произвести въ дѣйство, ослепленіе Министра, четвершованіе подозрительнаго вельможи, никогда не входило въ мысль Скандинавскому Королю.

Я примѣчаю, ошвѣчалъ Алфредъ, что Амундъ не доброжелательствуетъ ни власни вельможъ, ни неограниченной силѣ Королей; но знаешь ли онъ шакое правленіе, гдѣ бы всѣ власни были въ безопасности отъ неповиновенія и возмущенія, а народъ отъ угнетенія? Я чиналъ Испорію и думалъ найти въ ней, что шо правленіе есть наилучшее, которое имѣетъ добродѣтельнаго Государя, хошябъ шо былъ Король, какъ въ Спартѣ вельможи, и какъ народъ въ Римѣ; гдѣжъ напротивъ того владѣтель не справедливъ и развращенъ, шамъ и Государство несчастливо. Таковъ былъ Римъ при злыхъ Кесаряхъ, Афины при неправедномъ народѣ, и въ позднѣйшія времена Спарты при угнѣшашедяхъ вельможахъ; а образъ хорошаго правленія можетъ возпрепятствовать произойши дурнымъ слѣдствіямъ.

Амундъ, поклонясь Королю, сказалъ, Алфредъ любитъ истинну; почему и надѣюсь я, что онъ меня выслушаетъ, хошя бы шо было противно его мыслямъ. Но сіе бытъ не можеть; ибо кто вицетъ истинны, шошъ всегда

ее находить. Конечно, все то, что управляется людьми, не лзя сказать, чтобы было совершенно; однако, не смотря на сие, великое спешеніе имѣеть образъ правленія во нравы народа, и въ самое правленіе.

Я доказалъ и самъ испыталъ злоупотребленіе неограниченныя власти; въ рукахъ Алфреда будеть она благословіемъ неба. Мудрость законодателя должна препятствовать, чтобы недостойный сынъ Соломоновъ не могъ разрушить всего, что создала рачительная премудрость отца. Она не должна допускать, чтобы участь народа зависѣла часто отъ шѣхъ малыхъ причинъ, которыя отнимають у царскаго сына или способность, или волю пещись о благоденствіи своихъ подданныхъ. Преждевременная смерть премудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго Государя можетъ оставить малолѣтнаго наследника въ рукахъ такихъ любимцевъ, которые вмѣсто нагбенія младаго сего расцѣпляютъ къ добродѣтели, пріобучають его ко всѣмъ порокамъ. Таковой наследникъ не можетъ имѣть ни свободы, ни удобства содѣлаться орудіемъ хорошаго управленія своими подданными. Я зналъ народъ великодушный, народъ ко всему благородному и великому удобный: онъ впалъ мало по малу и постепенно въ безпорядочное Аристократическое правленіе, которое купно было царствіемъ смятенія: онъ самъ себя лишилъ власти шворить что нибудь для пользы общей. Своенравный смутникъ, подкупленный наемникъ могъ удержаться на бѣгу, колесо правленія, при которомъ щещно труди-

дилось сто тысячъ благородно мыслящихъ. Дѣла дошли до того, что отъ законовъ произошли большія несчастія, нежели отъ пороковъ, а возмущенія были слѣдствіемъ законовъ; всѣ добродѣтели Царя и благородныхъ были потерянны для народа, поелику безпорядокъ сдѣлался законнымъ, а порядокъ достаточною причиною къ возмущенію. И вотъ начало паденія сего Государства.

Слѣдовательно мудрый мужъ долженъ стараться такъ согласовать между собою всѣ части Государства, чтобы онѣ всегда находились въ равновѣсіи, чтобы сила одной изъ сихъ частей не перевѣшивала другую, но чтобы одно всеобщее благо могло много соединять всѣ силы и ихъ приводить ко всеобщему дѣйствію; такое состояніе обезопасило бы Государство противу сильныхъ потрясеній, приводящихъ часто въ паденіе иныя Государства. Оно освободило бы каждого гражданина отъ опасности лишиться своей чести и имѣнія чрезъ насилие могущественнаго, чрезъ предразсужденіе колеблющагося множества; оно умножило бы силу Государства, препятствуя членамъ его вступаться въ противныхъ предпріятій, не приводя ихъ къ единому средоточію, которое есть согласная воля всѣхъ частей общихъ.

Амундъ, сказалъ Алфредъ, кажется мнѣ говорить, какъ врачъ, доказывающій основательно, сколько бы желательнымъ было такое средство или лѣкарство, которое бы распаленное прохлаждало, а прохлажденное распалало, ослабленное напрягало, ошвердѣлое смягчало; которое бы намъ помогало отъ всѣхъ противопологаемыхъ намъ

влыхъ. Легко можешъ онъ меня убѣдиль, что такое средство было бы величайшимъ даромъ небеснымъ; но трудно ему избрѣсти такое дѣлкарство.

„Природа, сказалъ Амундъ улыбувшись скромно, доставляешъ для исцѣленія нашихъ бодѣзней врачеванія; а ихъ зная и упопрелять есть должность челоуѣка. Образъ правленія, предупреждающій большую часть всеобщихъ золъ, есть врожденный невѣрнымъ народамъ: онъ возходитъ до сокровеннѣйшей древности. Керуски, которые были древиѣ Римлянъ, знали его и еще понынѣ онъ сохраняется въ Скандинавіи. Саксонцы отдалились отъ него: дѣяніе достойное бы было. Алфреда возстановить такое учрежденіе, при которомъ предки Саксонцовъ были свободны, склонны къ войнѣ и сильнѣе всѣхъ своихъ непріятелей. „

„Три части должны составлять существо великаго народа. Въ мадомъ Государствѣ Государь нуженъ; но въ области обширной больше находится дѣлъ, слѣдовательно и не возможно, чтобы они могли быть управляемы многими самодержавными особами, и чтобы разсужденіе великаго числа людей не вредило общему благу чрезъ неизбежную мѣлкость. Обширная Имперія обязана также препоручать важныя должности и великую власть одному гражданину, чтобы законы могли обуздывать его; она обязана содержать войска, которые скоро бы склонили вѣсы на сторону полководца. Римъ потерялъ свое равновѣсіе отъ того, что захотѣлъ имѣть обширныя земли, и много-

чи-

численные легионы. Силла, Помпей, Кесарь стали превыше безсильныхъ противу ихъ законовъ. И такъ Король долженъ управляшь великимъ народомъ; онъ долженъ имѣть исполнительную власть, управление войсками, сношеніе съ иностранными Государствами, словомъ все, что требуетъ скорого рѣшенія и самаго избранія войны, или мира. Законы владычествуютъ подѣ его именемъ; онъ жалуетъ въ судьи, онъ покровитель дворянства и чести; онъ полагаетъ должности, а по сему и долженъ давать свое соизволеніе на обнародованіе законовъ и на всѣ великія производсва въ Государствѣ. Народъ долженъ подкрѣплять его богатствами, достаточными къ сохраненію блеска двора, къ утверженію величества Государства, онъ долженъ безъ роптанія оставить Государство свое своимъ наследникамъ. Въ избирательномъ Королевствѣ всякое новое избраніе ослабляетъ власть Государя, такъ что ему наконецъ ничего болѣе не остается, кромѣ вѣнечной пышности престошной. Законы должны удостовѣрять священную Царскую особу, охранять оную отъ всякаго безпорядка и насилія, по тому что спокойствіе Государства основывается на его сохраненіи. Тотъ оскорбляетъ величество всего народа, кто не повинуется своему Государю, которому ввѣрилъ народъ представлять достоинство цѣлаго общества.

„ Но законы должны Государя защищать; а онъ не долженъ самъ себѣ позволять никакого права: власть его была бы весьма обширна надъ каждымъ гражданиномъ, онъ бы скоро сдѣ-

дядя деспотомъ и тиранномъ, естли бы самъ могъ наказывать, самъ могъ нападать на имѣніе и на особу того, копорый по его мнѣнію его оскорбилъ. Законы конечно должны защищать достоинства его прошивъ нападенія поносителей, которые сверхъ чаянія потрясаютъ больше основаніе правленія, лишая довѣренности народной того, коему ввѣрено общее благо; клеветники разводятъ медлительнo огонь, которой наконецъ дѣлается ужаснымъ пламенемъ, когда разходится повсюду, и когда о немъ извѣстны главнѣйшія Государства, и никогда Государь не низвергается безъ того, что бы Государство не ослабѣло и многія тысячи людей не пришли въ скудость.,,

„Плачевное признаніе! но исторія цѣлаго свѣта служилъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что недостойный Государь больше имѣетъ власти и себя лучше защищаетъ, нежели добрый властелинъ. Добродѣтельный Государь помрачается безъ всякой опасности въ умѣ своего народа, дѣлается ему подозрительнымъ; онъ сноситъ все то, что шолько сносить можно, и когда, поперявъ сердце, призываетъ медлительное вспоможеніе законовъ, тогда не находилъ въ нихъ никакой помощи, когда однажды большее число гражданъ исполненное предразсужденій, захочетъ его учинить. Злой Государь напрошивъ находилъ довольно средствъ во всѣхъ образахъ правленія повредить законы чрезъ судей, привлечь на свою сторону робкаго чловѣка, представляя ему свое мнѣніе, жаднаго разточеніемъ сокровищъ, честолюбиваго произведе-

веденіемъ въ чинъ: онъ употребляетъ такіа средства, которыхъ добродѣтельный Государь страшится, поелику они влекутъ за собою развращеніе людей; и такъ законы должны ревностно стараться защищать добраго Монарха, дѣлать его почтеннымъ въ глазахъ его народа, и ушущать казнями гласъ необузданныхъ клеветниковъ. Чѣмъ волюнѣ народъ, тѣмъ нужнѣ сіа подпора законовъ, безъ которой Государь не можетъ сохранить силы, нужной къ дѣйствованію возжами Государства. „

Алфредъ усмѣхнулся: Амундъ конечно желаетъ пещись о славу моей послѣ моей смерти, но не хочетъ ли онъ заглушить гласъ истинны, называющей злыхъ Государей и побуждающей заблаговременно гражданина пропитаться наступленіемъ вредныа власти на основанія всеобщія безопасности.

„ дѣлнія злаго Государя, сказалъ Амундъ, больше бы его обличали, нежели гласъ ненависти. Когда коренные законы твердо основаны, когда договоры, обязующіе Государя, изрядно ушвержены, и когда силы прочихъ могуществъ въ Государствѣ правильно ограничены; но Государь не можетъ увеличиться, не можетъ взойти прельше законовъ безъ того, чтобы не оскорбить прочихъ могуществъ Государства, и чтобы наималѣйшій изъ гражданъ не примѣтилъ того, что онъ выходитъ изъ положенныхъ ему законами предѣловъ. На самыхъ злѣйшихъ Монарховъ меньше клеветушъ: неизбежное мщеніе гонящее клеветника, подавляетъ жалобы и самыхъ пришѣсненныхъ. Народъ чѣмъ

больше ощущаетъ свои несчастія, тѣмъ больше онъ молчишь, и есть такія границы, которыхъ Государь преслупить не можешь, не вооруживъ противъ себя всѣхъ силъ Государства, и не будучи низверженъ. Миѣ бы не трудно было назвать тѣхъ Государей злыми, которые выговоренное по случаю слово наказывая, повелѣвали заплащать двѣ тысячи фунтовъ золота, а за жалобы, вольно произнесенныя, опубличивать какій нибудь членъ у человѣка и сѣдственно у Государства; у которыхъ не слышно было никакого другаго голоса, кромѣ гласа ласкашельства; кои нападали на коренные законы Государства; и тогда видѣнъ былъ тиранъ по поверженный уже соединенными силами всѣхъ частей, которыхъ, погнавши другъ друга, вмѣстѣ соединились противъ общаго притѣснителя.

Амундъ, сказавъ мудрый Алфредъ, предлагаешь здѣсь прудный для рѣшенія запросъ: когда начинаешь Государь терять свое право на престолъ чрезъ злыя свои дѣянія, какія тѣ границы, которыхъ онъ долженъ преслупить, чтобы доставить своему народу право его низвергнуть? Амундъ забываетъ, что погрѣшности Царскія безконечно различны, что народъ не столько просвѣщенъ въ сужденіи, чтобы могъ правильно объ оныхъ судить, и что если бы народъ сталъ разсматривать наималѣйшую погрѣшность Государя; то никакое правленіе не было бы твердо. Ибо нѣтъ ни единого Монарха, которой бы не дѣлалъ никакой ошибки; а предразсужденіе или корыстолюбіе могутъ показывать народу въ Государѣ такія

шакія слабости, въ которыхъ по истиннѣ нѣтъ ничего, кромѣ добродѣтели. Когда заключается договоръ между Государемъ и народомъ, то кѣмъ даетъ право Государю на обладаніе, доколѣ онъ будетъ исполнять условіе сіе, а народу право отказать отъ повиновенія ему, коль скоро сіи договоры не будутъ исполнены почтѣйшимъ образомъ его властелиномъ? Когда сей договоръ составляетъ коренный законъ всѣхъ правленій, то я сожалею о Государѣ, возходящемъ на толь зыблемый престолъ; я сожалею о народѣ, который безпрестанно обязанъ покупать насиліями и своею кровію лишеніе престола Государя и избраніе другаго, къ низверженію котораго найдетъ онъ столько же многія причины, сколько оныхъ находилъ къ низверженію перваго.

Когда напрошивъ того Государь можетъ пригнѣснить народъ свой безопасно; когда подъ видомъ всеобщаго спокойствія никто не долженъ противиться его насильствіямъ; когда, ни мало не жалѣя бѣдныхъ, опшимаешь у нихъ подашми своими наннужнѣйшее пропитаніе, и полунагихъ гражданъ заставляешь умирать съ голоду для удовлетворенія своимъ страстямъ; когда по особенной своей власти злоумышляетъ онъ на вольность и на жизнь своихъ подданныхъ, не выслушавши ихъ ввергаетъ въ темницу и осуждаетъ безъ всякаго доказательства къ смертной казни; когда, презирая чести и достоинства лучшихъ гражданъ, самопроизвольно низвергаетъ древнія Государственныя мѣста, и когда онъ гласъ бѣдности, предша-

Г 6

велепія

вленія истинны, съ негодованіемъ наказываешь: по должны ли столь многія тысячи людей бытъ злосчастны, когда одинъ смертный несправедливъ? не уже ли Всевышній соудалъ сіи тысячи людей для единого сего человека? блаженство столь многихъ тысящей, не должно ли перевѣситъ безумную волю единого? Попустятъ ли свободные граждане умерщвлять себя, яко агнцевъ, и спануть ли еще лобызать руку, закалающую ихъ. И такъ надлежитъ сыскать такой путь, которой бы дѣлалъ законное сопрошивленіе, но знаешь ли онъ сей путь? „

„ Трудно, мудрый Алфредъ, отвѣчалъ честный сей воинъ, трудно найти такую podporу; однако надлежало бы ей бытъ. Она находилась у самыхъ смиренныхъ народовъ, даже у самыхъ робкихъ Китайцовъ. Императоръ Тей соврашился съ нею и былъ низверженъ добродѣтельнымъ Вувонгомъ. Вувонгъ, обращаясь къ небу, возопилъ: единый пивой гласъ мнѣ повелѣваетъ защищать землю отъ насильствъ ширана. „

„ Единое средство, опредѣлить сіи границы, состоитъ въ томъ, чтобъ слѣдовать точнo мореннымъ законамъ и предѣламъ Царскія власти. Когда Государь не долженъ налагать никакихъ податей, а оныя налагаетъ; когда онъ самъ себя не долженъ придавать никакого права, а по собственной своей власти ввергаетъ подданныхъ въ шемницу и осуждаетъ ихъ на смерть; когда устанавливаетъ законы, которые не одобрены ни благородными, ни избранными чле-

членами народомъ; когда онъ законы, получивше свою силу онъ всѣхъ законодательныхъ властей, самовластнымъ опущеніемъ наказаній обезсиливаетъ; когда лишаетъ другихъ властей Государства вольности мыслишь и рѣшишь; когда онъ въ слѣдствіе всего онаго опровергаетъ коренные законы Государства: то онъ конечно теряетъ право свое на всеобщее послушаніе содѣлывается врагомъ своего народа, и народъ можетъ за неприязненность его плашиться ему шѣмъ же и прочія силы имѣющъ право ввести его опять въ предписанные ему законами предѣлы. „

„Коль скоро онъ ошибается, не касаясь коренныхъ законовъ, творитъ злое чрезъ худо избранныхъ совѣтниковъ, не умѣетъ благоразсудливо рѣшить Государственныя дѣла, коль скоро онъ слабъ безъ несповства: то онъ имѣетъ нужду въ важныхъ представленіяхъ отъ своихъ дворянъ и отъ народа. Онъ лишается всеобщаго почитанія, и можно его наказывать въ особѣ его служителей; а прочія могущества Государства могутъ возпрепятствовать произведенію въ дѣйство глупыхъ его предпріятій. Но низверженіе Государя съ престола есть самое великое зло. „

„Великое благополучіе есть то, когда они не вдругъ озлобляются, когда вліяніе яровъ и страхъ послѣдствій не попускаетъ ихъ скоро низвергаться въ бездну порока, и когда они постепенно доходящъ до великихъ злодѣяній. слѣдственно въ умѣренномъ правленіи Государь можетъ быть удержанъ по большей части въ

несчастномъ печеніи своей закоренелости разумными совѣтами, законнымъ спропивленіемъ ему соединенныхъ съ нимъ могущесствъ, знаками всеобщаго неудовольствія, обличеніемъ злыхъ его Министровъ. Рѣдко случается въ благоустроенномъ правленіи плачевная необходимость, принуждающая народъ вооружиться противъ того, за котораго впрочемъ обязанъ онъ жершвовашъ жизнью своею. Въ однихъ токмо худо учрежденныхъ, колеблющихся, безъ равновѣсія, не подкрѣпленныхъ никакими законами Государствахъ, бывали шираны, кои, при гибели своего Государства, погибли и сами. Такимъ образомъ Римская Имперія сдѣлалась добычею воинской силы и лицѣмѣрной политики; такимъ-по образомъ, сохраняя еще въ ней видъ республики, вся власть была предсставлена мечу Преспоріанъ и Легіоновъ. То же самое производилъ и въ Византіи, гдѣ правителю не предписано никакихъ предѣловъ, гдѣ воля его производится въ дѣйство безъ помощи законовъ, гдѣ ничто ему не предяпсшвуетъ попускаться на все, и гдѣ никто также не защищаетъ его отъ опчаянной ошвати угнѣжаемаго народа. Угрожаемый немилостію Министръ, лишенный достоинства своего полководецъ знаетъ, что для него не больше будетъ сѣдствія, когда произведетъ онъ бунтъ, нежели повинувшись; что не спросится онъ ни народа ни законовъ, но что нѣтъ для него страшнѣйшаго врага; какъ его Государь: что ему оспашается еще надежда вонзить Государю въ сердце мечъ прежде, нежели шопоръ посѣченъ главу его: онъ

ош-

оправдывается на небезнадежное предприятие, и часто низлагается Государь почто по тому, что онъ могъ все сдѣлать; пошому что никакихъ законовъ почтшанія не ограничивало его власти и не удерживало его отъ низверженія себя въ бездну. „

„Весьма рѣдко случается, и можетъ быть во многіе вѣки случится единожды, чтобы ограниченный Государь сдѣлался самъ себѣ непріятелемъ, и предпріялъ бы, преодолевъ всѣ препятствія и поправъ ногами всѣ законы, шакія насилія, кошорыя бы подданныхъ его привели до шакого опчаянія, безъ кошораго бы они никогда не предпріяли опаснаго низверженія законно на своемъ престолѣ сидящаго Монарха. Напротивъ шого весьма много находится возмущеній въ Деспотическихъ Государствахъ, и производящъ оныя отъ самамалѣйшихъ причинъ. Въ самой Визаншн, въ кошорой Христіанство училъ шерпѣнїю и послушанїю, въ кошорой многомощный духовный мужъ, большею частїю преданный Государю, удерживаетъ народное волненїе; въ семь градѣ, говорю я, сидитъ, можетъ быть, пятидесятое Императорское крѣпко на престолѣ, съ утѣсненія вольности первымъ Кесаремъ и у дикихъ Восточныхъ народовъ одинъ мучитель прогоняетъ другаго, какъ облака, гонимые бурей, гонящъ взаимно другъ друга изъ царства воздуха. „

„Вшорая сила въ умѣренномъ правленїи есть дворянство. Алфредъ можетъ быть подозрѣваетъ Амунда, что онъ не благосклоненъ къ дворянству; но Амундъ противорѣчилъ бы
самъ

самъ себѣ: онъ самъ своему роду обязанъ благодарностию за преимущества и оказанія чести, которыя просвѣтъ челоуѣкъ оказываетъ не неохотно благородно рожденному. Дворянство не есть изобрѣшеніе Грековъ, обходительныхъ Египтянъ, ни шрудолюбивыхъ Серовъ; оно и въ самомъ Римѣ придерживаемо было только до половины пспомствомъ древнихъ героевъ. Преимущества дворянства надлежитъ искать въ Сѣверѣ, и первый дворянинъ былъ мужественный воинъ; сыны его слѣдовали его стопамъ, и война были единственными упражненіямъ многихъ послѣдующихъ родовъ. Преимущества, которыя бранное мужество и воспитаніе въ оружіяхъ подали внукамъ первыхъ героевъ, приобучили народъ оплечать защитниковъ Государства отъ той черни, которая пасла скотину, пахала землю, и которая меньше упражнялась въ употребленіи оружія, меньше была страшна и меньше нужна для защищенія ордъ, жившихъ въ беспрестанныхъ войнахъ. „

„Тѣмъ же и основательнѣе было еще утверждено преимущество дворянства, когда позднѣйшіе Императоры Римскіе и Византійскіе оставили на границахъ дикихъ народовъ поселившимся воинамъ собственныя удѣлы земель съ тѣмъ условіемъ, чтобы они всегда были въ ружьѣ и защищали границы всего Государства: ошюда сдѣлалось должностію цѣлыхъ поколѣній упражняться безпрестанно въ ружьѣ, и неопшлемое помѣстье дало имъ предъ прочими гражданами преимущество, которыхъ сы-

ны

ны шеряли весьма часто владѣнія, снисканныя и сохраненныя трудами ихъ братьей. „

„ Разность между дворянами и простыми людьми сдѣлалась ощутительнѣе, когда бранные народы меньше склонныхъ къ войнѣ покорили, когда все побѣдонесное войско раздѣлило между собою завоеванныя земли и оставило побѣжденнымъ жизнь подѣ жестокимъ условіемъ, обрабощивашъ землю на пошѣ конецъ, чшобы побѣдишеля могли жить безъ попеченія и въ праздныхъ упражненіяхъ охоты и войны. Такимъ образомъ Сарматы сдѣлались блзгородными, которыхъ рабы сушь древніе и слабые обиг. пели великихъ земель, кои я пробѣхаль, и которыя лежашъ при Сѣверныхъ сшранахъ Азии и Европы. „

„ Дворянство конечно имѣешъ свою пользу въ шаковомъ Государствѣ: воздержаніе ошъ всѣхъ подлыхъ дѣлъ, нѣжное чувствованіе чести, поревнованіе, раждающее надежду прозійши въ чины, самая врожденная гордость, основывающаяся на заслугахъ предковъ, возвышающъ духъ благородныхъ и ихъ счастливыя обстоятельство подающъ имъ независимость и впечатлѣніе, до котораго ремесленникъ или торгующій съ трудомъ достигнуть можешъ. Мудрый законодатель долженъ знать шкъ упошреблять сіи преимущества, чшобы дворянство вообще могло защищать Государство, бышь подперою Государя, и отвращать всякія пришѣсненія ошъ простолудимовъ. „

„Альфредъ позволешъ слугѣ своему говорить правду. Между его Англосаксонцами дворянство имѣ-

имѣшъ великія преимущества, оно вредно Государству; однако простые составляютъ собственно народъ, и когда всякій гражданинъ имѣетъ право ожидать отъ правленія возможнаго благополучія: то простой Саксонецъ не наслаждается симъ правомъ. Онъ не можетъ достигнуть высшихъ почестей, не можетъ имѣніемъ своимъ въ случаѣ Государственной нужды добровольно жертвовать: Король предписываетъ подаши дворянству, а дворянство возлагаетъ все ополчаемое отъ себя бремя на простыхъ, и разкладываетъ оное по своему произволію. Земля собственно принадлежитъ дворянству, а земледѣлецъ есть его ошкупщикъ; содержаніе земледѣльца, жизнь дѣтей его и самое ихъ бракосочетаніе зависитъ отъ воленія дворянина., (*)

(*)

(*) Были между Саксонцами полувольные люди. Одни были вольные земледѣльцы (Sosted), которыхъ хотя малое число потребно было къ плодородной землѣ; поелику безъ нихъ бы не можно было наполнить нижнихъ судовъ, но и сіи были также преданы дворянству, по тому что они безъ согласія онаго не могли предавать своихъ имѣній; и что оно могло согнать ихъ съ своихъ земель по своему благоразсужденію. Также уволенные и совсѣмъ свободные люди, которые могли располагать своимъ имѣніемъ безъ всякаго принужденія, отдавались болѣею частію добровольно подъ по-

кро-

(.) Дворянство Англосаксонское чрезмѣрно сильно. Оно имѣетъ право наблюдать правосудіе, поселку не знаетъ оно никакого дѣла, кромѣ охоты и оружія, презираетъ книги, и произволіе свое узаконяетъ тогда, когда законы должны бы были управлять его волею. Право сіе еще больше подвергаетъ ему простиый народъ: Графская немилость есть осудительной приговоръ для принадлежащихъ ему; милость его шворитъ въ самомъ дѣлѣ приговоръ въ пользу того, кто умѣлъ снискашь его покровительство. Наконецъ земли благородныхъ неизмѣримо обширны, и подають дворянству весьма великую и малораздѣльную власть. (Littleton III. 325.)

И такъ въ семъ Государствѣ, о которомъ я говорю, конечно должно, чтобъ мудрый законодатель привелъ дворянство въ такое положеніе, въ которомъ бы оно могло быть полезно Государству, Государю и

кровишесльствѣ дворянъ и дѣлались ихъ вазаллами; (а) сколько свободны они ни были, однако пахали земли своихъ помѣщиковъ.

(а) Littleton Henry II. Tom. III. pag. 186, 367, 368.

(*) Думаютъ найти слѣды, что въ каждомъ Графствѣ былъ Heretoch, котораго ежегодно избирали вольные люди; но сія сказка при малой вольности народа кажется весьма невѣроятною и основывается на ненадежной описи.

(а) Littleton Tom. III. pag. 86, 319.

и народу, и не въ шягосшь никакому члену Государства. Судовъ не можно ему вбришь; ибо оно имѣеть много дѣлъ съ своими слугами, откупщиками и съ Государемъ, которые всѣ могутъ имѣть втеченіе въ его правосудіе. Дворянство Англосаксонское прилагаетъ также мало старанія о изоцрненіи своего разума, чшобы можно было возложитъ на него наишруднѣйшую должность извлечь сокровенное право изъ темноты, въ которой оно иногда лежитъ сокровенно. Въ судѣхъ надлежитъ избиратьъ такихъ людей, которыхъ воспитаніе образовало къ чшенію, къ познанію законовъ, къ испытанію основаній всякой вещи. Судья не долженъ имѣть никакого селенія въ Графствѣ, не имѣть ничего собственнаго и никакихъ выгодъ, которыя бы склоняли вѣсы правосудія на ту, либо на другую сторону: законъ сей давно уже извѣстенъ былъ Серамъ. „

„Еще менѣе власши надъ арміями и преимуществва предъ солдатами должны имѣть Графы. Военные люди принадлежатъ собственно отечеству и Королю, отцу его, а не Графу или Графству. Конечно съ великою пользою можетъ быть употреблено дворянство къ предводительству ошдѣленными войсками, состоящими или изъ ста или тысячи чловѣкъ солдатъ: опытность его въ оружіи, тщеславіе самое врожденное, въ простолюдимахъ къ дворянству почтеніе, дѣлактъ его способнымъ къ пединительству; но военачальникъ; Полковникъ и Капитанъ, должны избираемы бытъ Государемъ, а не имѣть

имѣшь врожденнаго права на воинскія достоинства. Государь избираетъ наиспособнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ къ Государственному благу гражданъ; порода производишь слабыхъ и шрусливыхъ, а своенравіе можешь ихъ сдѣлать несправедливыми и зложелательнымъ. Рядовой солдатъ, Капитанъ, Полковникъ, должны бышь людьми царскими, а не подданнаго. Англосаксонскія управляющяя теперь шакъ, что каждое Графство есть столица маленькаго Короля, кошорый имѣетъ собственныя свои попенія и собственныя свои выгоды, и не прежде помышляетъ объ общемъ благѣ, какъ когда оно согласно съ собственнымъ. Государь долженъ шакже учреждать воинскія упражненія, давать повелѣнія, куда итти каждому войску, предписывать ему должность въ его службѣ; онъ долженъ шпараться о ихъ пропитаніи, вооруженіи: единый духъ долженъ оживошворять всѣ силы Государства и соединять все во едино. „

Алфредъ слушалъ со вниманіемъ: онъ весьма чувствовалъ истинну примѣчанія, сдѣланнаго Амундомъ; но сей мудрецъ видѣлъ въ то же время, что шоль великая перемѣна въ силѣ вельможъ возбудила бы повсеминутное ропшаніе, кошорое бы для него было весьма поразительно. Онъ обѣщаль самъ себѣ уменьшить великія преимущества вельможъ, но благоразуміе обязывало его повременить и шпараться непримѣшно о семъ великомъ дѣйствіи. Въ самомъ дѣлѣ, ошнאלъ онъ суды у дворянства, но преждевременная смерть похишила сего великаго Го-

Государя прежде, нежели онъ могъ уменьшить силу, которую оно имѣло въ войскѣ. Однако Король сдѣлааь между шѣмъ другу своему возраженіе. Вы отнимаеши у дворянства сказаь, онъ Амунду, право предводительствовать войсками и засѣдать въ судахъ; такъ какія же оставляеши благородныя должности, чрезъ которыя бы могло оно служить своему отечеству? „

„ Алфредъ, отвѣчалъ Амундъ, созываетъ ежегодно вельможъ вмѣстѣ и совѣщаетъ съ ними о благоденствіи Государственномъ. Собраніе сіе есть самопроизвольное; ему надлежало бы быть неизмѣннымъ и имѣть свое основаніе въ самомъ образѣ правленія. Каждый годъ собираются при власти государства, Король, дворянство и народные депутаты. День открытiа великаго собранія назначаетъ Государь, и онъ разсуждаетъ вмѣстѣ съ членами Государства. Изъ каждаго благороднаго колѣна глава имѣетъ въ день сейма наследственный и существенный голосъ; самое дворянство раздаетъ Король на всѣ послѣдствія времени, доколѣ продолжашься спанетъ мужское колѣно: сіе наследственное право доставляетъ независимость дворянству, которую оно теряетъ, когда преимуществва, данныя сдѣлававшемуся благороднымъ заслуженному мужу, съ нимъ вмѣстѣ пресѣкутся. „

„ Въ день сейма всѣ важныя дѣла, Государственные налоги и узаконенія приносятся въ въ рыцарскую залу и никакое рѣшеніе Государственныхъ членовъ не возымѣетъ силы законовъ, ежели дворянство его не подтвердитъ. Къ
оному

оному приобщаютъ Епископовъ, поелику они только одни имѣютъ нѣкошорыя познанія. Разсужденія о Государственныхъ дѣлахъ дѣлаются у дворянства поревнованіемъ, которое ублагородниваетъ душу, поощряя ихъ напрягать всѣ силы свои говорить предъ своими сообластателями основательно и швердо о всякомъ вопросѣ. Сіе есть единое средство отвратить дворянство отъ охоты и отъ оружія, и побудить его украшать свой разумъ познаніемъ законовъ и ошечественной исторіи. Присудствіе ученыхъ и знающихъ Епископовъ умножитъ сіе поревнованіе; дворянство усмыдилося бытъ ему водимымъ такими людьми, которые своею порокою гораздо его ниже, и кои за засѣданіе съ ними обязаны только однимъ своимъ душевнымъ дарованіемъ. Въ такомъ собраніи, въ кошоромъ даръ убѣжденія есть единое средство бытъ успѣшну, преимущества породы не можетъ имѣть никакого первенства предъ равно благородными; и кто не хочетъ подвергнуться чужимъ мнѣніямъ, то долженъ учиться свои подкрѣплять шочнымъ познаніемъ самой вещи и силы предложенія. Поревнованіе сіе взмушило въ бранномъ Римѣ Ораторовъ и Сшатскихъ людей; оно образовало Кесареву шочную справедливость, Тулліево процвѣтающее вишійство и Капонову мужественную важность. „

„ Я бы говорилъ еще болѣе, продолжалъ Амундъ; не оставилъ бы послѣднихъ изрѣченій правосудія ни судьямъ, ни Епископамъ, изъ рыцарской залы сдѣлалъ бы я верхней судъ, въ кошоромъ бы рѣшились всѣ спорныя дѣла.

дѣла. Мужи ученые находились бы при оныхъ , а благородные судили бы съ ними вмѣстѣ. „

„Право сіе дворянства возбудилобы, какъ я надѣюсь вельможъ, впрочемъ шоль славолюбныхъ, утверждашь свои природныя преимущества познаніемъ законовъ, естественнаго правосудія, силою и разпорядкомъ ихъ предложеній. Но я не сомнѣваюсь, чтобы незнающіе дворяне, обязанные означать свое мнѣніе брованіемъ въ ящикъ обшоченыхъ камышковъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлались бы способными опправлять важныя Государственныя дѣла. „

„Тогда изъ нихъ могъ бы Король избрать Канцлеровъ, Посланниковъ, Совѣтниковъ и верховныхъ Государственныхъ служителей, копорыхъ онъ шеперь долженъ искать между священнослужителями и монахами. Великіе люди, живущіе шеперь въ замкахъ своихъ на подобіе ошдѣленныхъ Принцовъ, присоединились бы ко двору; спозналъ бы объ нихъ Государь покороче, а они достоинствами своими сопряглись бы съ нимъ шѣснѣ. Народъ взиралъ бы съ удовольствіемъ на Государя, раздѣляющаго влашь свою съ особами, возвысившимися своею породою, и копорые сушь меньше, нежели неблагороднорожденные, цѣлю ненависти своихъ согражданъ. „

„Перемѣна сія въ Государствѣ весьма удобна: она поставляешъ на свое мѣсто первое повелѣніе гражданъ Государства. Но шо, что я хочу шеперь предложить, Государю покажется шстранно; однакожъ образъ правленія, копорой

я начертываю, есть древнее правленіе (*) всѣхъ Сѣверныхъ народовъ, Германцовъ, Скандинавцовъ, сильныхъ Франковъ, и самыхъ Саксонцовъ, хотя переѣсъ дворянства мало по малу и подвергъ народъ своему игу, и почти унизилъ до подлаго рабства. „

„ Наши предки были всѣ равны. Кшо носилъ оружіе, тотъ имѣлъ равное участіе во владѣніи такимъ народомъ, коего безопасность гошовъ онъ былъ искупить своею кровію. Когда зашевелимы были великія предпріятія, когда объявляема была война, когда надлежало заключить миръ; тогда собирался весь народъ, войско вольныхъ Кельшовъ. Воскличаніе ихъ, звукъ отъ ударенія щиповъ, изъявляли волю народа и служили закономъ. Они избирали се-

Д

бѣ

(*) Лордъ Липплетонъ конечно старается доказать пространно, что уже во время Саксонцовъ народъ призыванъ былъ въ парламентъ, и что по крайней мѣрѣ начальники городовъ и мѣстечекъ имѣли въ ономъ свое засѣданіе. Доказательства его взяты изъ требованій, копорыя, правда, въ горазде позднѣйшихъ временахъ заводили нѣкоторыя мѣстечки, (стр. 226 и пр.) кои такое имѣли основаніе, какъ и въ древнихъ временахъ. Онъ приводитъ и мѣста, въ копорыхъ собраніе парламента называется народомъ. Барнетапель ссылается также на письмо Адельстана. Древнѣйшіе, (antiquères) находившіеся въ собраніи Кларенденскомъ, почитаются Лордомъ за Эаддер-

бѣ полководцевъ, Королей. Король былъ воинъ, коимъ довѣренность своего народа снискалъ своею храбростію; онъ былъ полководецъ, но не начальникъ своихъ согражданъ; при самыхъ плодахъ его побѣдъ не возрасало для него никакого права на добычу, которое бы могло приисънись права простаго гражданина. „

„ Всѣ люди равное имѣютъ право на блаженство. Государство должно быть такъ устроено, чтобы большее число, сколько возможно

Эалдермановъ или древнихъ верховныхъ особъ изъ каждаго Графства. Но все сіе кажется не довольно доказываетъ, что народъ имѣлъ всегда и законно участіе въ правленіи, такъ какъ онъ имѣлъ оное во время Генриха III, и какъ было оное основано въ послѣдствіи. Никогда точно не говорено ни въ законахъ, ни въ исторіи, чтобы было призвано изъ каждаго Графства, изъ каждаго мѣстечка, число депутатовъ, и между немногими вольными неблагодарными было бы весьма трудно выбрать способныхъ людей, которые бы не зависели отъ дворянства или по своему имѣнію или по покровительнымъ письмамъ. Лордъ признается самъ, что Государственные дѣла рѣшились по большей части безъ присутствія народа въ парламентѣ благородныхъ, и народная власть была весьма мала, (стр. 234) чтобы держать между Королевскою и Аристократическою властію значущее равновѣсіе.

можно, было счастливо въ высочайшей степени, какой только достигнуть можешь. „

„ Столь же мало должна быть отдѣлена сила отъ способности употреблять власть. Мудрый находить противорѣчіе видѣшь кавалера въ колыбели, котораго иѣжныя руки никогда можешь быть не будутъ довольно сильны носить оружіе. Кажется безумно не основываясь права въ оказанныхъ преимуществахъ разума и бодрости человѣка, но только въ преимуществахъ предковъ его, повелѣвать тѣми особами, безъ совѣта которыхъ онъ часто не умѣлъ собою управлять „

Алфредъ возражалъ: „ Предки мои поступали премудро, что они перемѣнили сію часть образа управленія. Люди не равны. Равенство сіе есть вымыселъ кичливыхъ Софистовъ. Храбрость возвышаетъ одного гражданина предъ другимъ на заслуженное величество; мудрость можешь его предъ всѣми возвысить: кто умѣетъ давать совѣты, ведущіе весь народъ къ своему счастью, тотъ дороже народу, нежели одинъ изъ тысячи, сабдующей по пути, коихърой онъ имъ показуешь и котораго бы они сами никогда не сыскали. Цѣна каждаго гражданина есть участіе, которымъ онъ къ общему благу споспѣшествуешь. „

„ Еслили люди не равны, то и голоса ихъ не должны быть равносложными. Мнѣнія, повторенныя тысячею невѣждъ, не стоятъ мудрости одного, которому они всѣ слѣуютъ. Множество весьма удобно свращающа пылкими рѣчами, которыми честолюбивой умѣетъ начер-

пашь по вкусу и предразсужденіямъ своего народа и украсить лестнымъ краснорѣчіемъ. Я изслѣдывалъ жестокія дѣйствія, которыя возымѣло слово недовольнаго Трибуна, честолобиваго Кеона, прельстительнаго Демосѣена, и имъ не противилась ни важная основательность Фокіона, ни прикрашенная добродѣшель младшаго Катона. Какъ волны морскія носятся сильнымъ вѣтромъ, такъ колеблюся умы несмысленнаго множества, по тому направленію, которое имъ подаетъ снисходительный вѣтрія. Изъ всѣхъ образовъ управленія меньше бы всего подтвердилъ я верховную власть въ рукахъ всего народа. Они, которыхъ ни воспишаніе не предуготовило къ дѣламъ, ни опытъ не наставилъ, они ли должны возвыситься отъ низкихъ язовъ и съ необразованными чувствами говорить о верховныхъ Государственныхъ дѣлахъ? Сего не хочетъ мудрость, сего не хочешь и другъ мой, видѣвшій столь многіе народы и изъ исторіи научившійся управлять оными. „

„Я шого не желаю, сказалъ Амундъ, чтобы народъ присутствовалъ при общихъ дѣлахъ, и чтобы ему была ввѣрена верховная власть. Я весьма знаю, какъ разсуждаетъ собравшееся множество народа. Я былъ отправленъ отъ Византійскаго двора къ Печенегамъ, живущимъ при порогахъ Борисѣена, которыхъ главное жилище называется сѣча. Воины всего народа живутъ въ оной, не терпя никакой женщины; и изъ сего острова дѣлающъ они пагубные набѣги въ сосѣдственную Сармацію, въ

плодо-

плодоносную Дакію и въ богатую Булгарію. Всякой годъ собираются всѣ сіи воины и избирають себѣ старшихъ и судей; каждой гражданинѣ другому равенъ, и голосъ неопытнаго юноши столько же важенъ, сколько и голосъ старика, которой велѣ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ войны за своего народа, и яко военачальникъ доводилъ оной до побѣды. Въ то же время судяли о главахъ протекшаго года. Я видѣлъ собственными своими глазами, что съ однимъ военачальникомъ было поступлено дурно, и что, лиша его имѣнія, выгнали изъ его отечества, не выслушавъ, ни убѣдивъ его, а по одному только подозрѣнію склонности своей къ Византіи. Ни честь, ни имѣніе, ни жизнь гражданина не имѣли ни малѣйшей безопасности при такомъ образѣ правленія, гдѣ воля множества есть единымъ закономъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ оправдали его новые ораторы, и старикъ возведенъ былъ паки на прежнее достоинство: онъ, которой яко измѣнникъ народа прешерилъ наижесточайшее наказаніе. Печенегі суть Скиѣты и незнающіе, но народъ Римскій былъ ли справедливѣе противъ побѣдоноснаго Коріолана, противъ своего избавителя Камиллы, противъ Туллія Цицерона? Народъ Аѳинскій не изгналъ ли Аристидѣ, не предалъ ли смерти Фокіона, не приговорилъ ли выпить яду Сограпу, первому мужу, которой употребилъ Философію къ поспѣшествованію добродѣтели? Когда власть находишь въ рукахъ нечестивца, когда состояніе Государства не противоположаетъ предразсужденію множества

никакой препоны; тогда народъ самъ дѣлается тираномъ; ибо шопъ есть тиранъ: кто волю свою дѣлаетъ закономъ. „

„ Но удобно дать народу существенное участие въ господствованіи, не подавая ему повода къ несправедливымъ дѣйствіямъ. Равно народу принадлежитъ часть въ правленіи: онъ составляетъ наибольшую часть Государства, шруды его питаютъ Государя и вельможъ, кровь его искупаетъ спечесиво, безопасность и миръ. Блаженство многихъ тысячъ составляетъ конечно существенную часть блаженства Государственнаго; а о семъ спзрашься, не можешь никто ревностие и никто вѣрностие, кромѣ самаго народа, которой желаетъ быть счастливымъ. „

„ Но прежде, нежели народъ возвѣтетъ участіе въ правленіи, долженъ онъ быть свободенъ. Англосаксонцы еще не достигли сего: они откупщики дворянства, которой можешь ихъ самопроизвольно выгнать изъ своихъ земель и такимъ образомъ отнять у нихъ средства питаться произведеніями земледѣльства и плодами своихъ шрудовъ. Народъ долженъ имѣть собственное свое имѣніе и обладать землею, которой надлежитъ ему пахать. Доколѣ онъ долженъ работать въ пользу вельможи, доколѣ удобрение полей будетъ умножать Графскіе доходы, не обогащая земледѣльца; доколѣ останеться для него скучнымъ поправлять недостатки земли, и плодоносіе ея умножать своимъ спараніемъ; онъ не будетъ проводить рововъ для отведенія вредной воды, онъ не будетъ

депѣ удобрять несобственные пашни привезеніемъ хорошей земли, сѣмъ будетъ возвращать землѣ скупо и бережливо то, что онѣ сѣмъ снялъ, будетъ доволенъ наслажденіемъ, не забываясь о томъ, что спустѣетъ пашня его по прошествіи откупа. Напретивъ того помѣщикъ печется о будущемъ плодородіи земли; онѣ хочетъ, чтобы она доставляла старости его нужное пропитаніе, чтобы она пишала дѣтей его и его внучатъ: онѣ трудится сѣмъ ревностію и удовольствіемъ въ исправленіи, которое должно поправить собственное его состояніе, и ошваживлетъ на иждивеніе и на настоящіе труды, дабы чрезъ нѣсколько лѣтъ, чрезъ нѣсколько вѣковъ пашня его дала больше сноповъ, а посаженные деревья въ лѣсахъ внукамъ его произвели больше тѣни. „

„Собственность имѣній доставить народу можетъ Король вѣчными откупамъ камерныхъ имѣній, и пресѣченіемъ неизбѣжнаго мужескаго наслѣдія у благородныхъ. Если дворянинъ можетъ продать свои земли, когда онѣ раздѣлятся между его дѣтьми; то скоро неизмѣримыя Графскія владѣнія раздѣлятся, и тысячею образомъ попадутся въ трудолюбивыя руки, которыя всегда могутъ заплатить большую цѣну за такую землю, которая требуетъ отъ нихъ меньшаго иждивенія, и принсетъ имъ больше доходовъ, нежели благородному, которой плоды земли долженъ дѣлить сѣмъ своимъ откупщикомъ. „

„Премудро устроено Гсударство не можетъ позволять, чтобы одинъ гражданинъ

искалъ покровительства у другаго гражданина само Государство, его опекунъ Государь и его воля, и законъ должны защищать жизнь, собственность и честь каждаго члена Государства. Между Англосаксонцами многіе тысячи искали у вельможъ покровительства противъ насилій. Сѣ нападеніе на права Государства несносно: гражданинъ не будетъ больше прилепленъ къ опечеству, къ своему Королю, но пристанетъ къ своему покровителю, будетъ ожидать отъ него своего сохраненія, оное своимъ послушаніемъ заслуживать, и сдѣлается съ нимъ возмущителемъ, не по тому, что Король утѣсняетъ его, но по тому, что онъ не смѣетъ ошдѣлаться отъ того вельможи, отъ покровительства котораго надѣется онъ своей безопасностію „

„Дворянинъ не долженъ также располагать правосудіемъ по своей волѣ и наказывать преступленія, ни проливать крови преступника вмемѣ законовъ. Мечъ правосудія въ рукахъ великаго чедовѣка ввергаетъ въ ужасъ гражданина, котораго собственность не можетъ зависить отъ рѣшенія дворянина, и жизнь отъ его благоизволенія. Всѣ силы Государства должны соединиться единственно въ Государствѣ; никакой власти не должно быть между опечествомъ и народомъ. „

„Еще менѣе должно позволить благоумыи, чтобы граждане, деревни входили между собою въ союзъ, и чтобы все пѣло союзничества обязывалось защищать права каждаго
го

го изъ членовъ. (а) Каждой почтенной со-
членъ такого заговора считаешь себя оби-
женнымъ, можешь быть безъ причины, а пре-
шербнное озлобленіе предпочитаетъ тишинѣ
Государства: и тогда сколь удобно можешь
возмутиться цблое союзничество, прищбснить
незаконно обиженного и возжечь междуособную
войну? Одно союзничество можешь съ дру-
гимъ приняться за оружіе и Англія можешь
сдблаться жертвою ихъ мщенія. Законъ дол-
женъ предупреждать всякбе неправсудіе, и
Король одинъ долженъ позволить употребленіе
меча. „

Алфредъ слушалъ со вниманіемъ: мудрый
Государь довольно чувствовалъ, что состояніе
Государства его не находилось въ истинномъ
равновѣсїи, что дворянство имѣло великую, а
онъ малую власть, а народъ совсѣмъ былъ
безсиленъ. Но опытъ разсудительнаго Госуда-
ря убѣдилъ его, что болѣзни сіи не могли
быть пресбчены сильнымъ лекарственнымъ сред-
ствомъ, и что долгое послѣдствіе не столь суро-
выхъ средствъ пошребно, чтобы поправить Госу-
дарство, не ввергая его въ неизбѣжную опасность.
Онъ сдблалъ то, что позволяли ему обстоя-
тельства, и по многихъ вѣкахъ исполнилась
наконецъ всѣ Амундсы желанія. Однако онъ
сдблалъ еще болѣе: обнародовалъ законъ, обя-
зывавшій каждого господина отпустить раба
Христїанина въ годъ на волю.

Д 5

„ И

(а) Сіе бывало во времена Алфредовы.

„И такъ народъ, продолжалъ воинъ, шеперь свободенъ, узы его разрѣшены; шеперь возможно ему дать въ правленіе часть, кошую ему природа опредѣляетъ. „

„Мужамъ избираемымъ, долженствующимъ представлять народъ мужамъ, кои должны быть зажиточны, которыхъ бы не столь удобно склонить могъ недоспатокъ къ приятію подарковъ, должно единственно посвящать себя службѣ отечеству, не будучи подвержены никакимъ мучительнымъ и подлымъ шрудамъ, наслаждаться воспитаніемъ, которое бы дѣлало ихъ способными искусно разсуждать о высокихъ народныхъ правахъ, и о благоденствіи Государства, и находить средства къ поспѣшествованію всеобщаго блага и къ отклоненію угрожающихъ золъ. Сей степенъ богатства вѣрнѣе всего можно опредѣлить на землѣ, которую народной предшатель собственно имѣть долженъ, и почиать землю за единственное извѣстное богатство, за безопаснѣйшій союзъ, привязывающій человека къ отечеству: металлы и посуду можеть гражданинъ вывезсти съ собою и въ другое Государство, но землею своею не можеть онъ нигдѣ обладать, нигдѣ оною наслаждаться, кромѣ Англии. Земли его будущъ для него прибыточны, по мѣрѣ процвѣтанія Государства. Миръ, порядокъ, справедливосшь и мудрыя учрежденія сдѣлають плодоносными его пашни и увеличатъ его самаго; въ раздробленіи Государства, въ уменьшеніи порядка и торговли, въ несчастіи Государ-

дарства, поля его сдѣлаются пустыми степями.,,

„По книгѣ, въ которой Алфредова мудрость разписала Государственные поля, находящія въ ономъ 243500 гуфовъ. (а) Изъ сихъ гуфовъ надлежало избрать 500 человекъ для великаго Государственного совѣща, и подданной, котораго хощяшъ къ тому представить, долженъ быть избираемъ шѣми, которые имѣютъ подъ собою земли 500 гуфовъ, а сей предложенной къ выбору долженъ по крайней мѣрѣ имѣть пять гуфовъ, дабы удостоиться выбора.,,

Когда 6,000,000 душъ живутъ въ Государствѣ, то всегда 3000 человекъ собираются для избранія одного депутата. Но и сіи избирающіе должны въ Государствѣ имѣть свои жилища: только обладатель пашни имѣетъ истинную пользу стѣ благосостоянія онаго; шотъ, которой ничѣмъ не обладаетъ, не можетъ ничего потерять во время безпокойства и безпорядка, и его весьма удобно можно подкупить за малые подарки, за одно удовлетвореніе чувственнымъ его желаніямъ, и шакимъ

д б

обра-

(а) Шпельманъ говоритъ, что гуфъ содержитъ сто десятинъ. Липшлетонъ даетъ ему другое пространство. Слѣдуя одному, гуфъ занимаетъ столько земли, сколько одинъ плугъ вспахать можетъ въ одинъ годъ. А по мнѣнію другаго, онъ замыкаетъ столько, сколько пошребно для содержанія благороднаго семейства.

образомъ упошробишь во зло свою власть, чшо-бы дашь отечеству такого предсшателя, которой не имѣеть ни способности къ исполненію важныхъ должностей, которыми онъ обремененъ, ни воли исполнять оныя. Я нахожу, чшо земледѣлецъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ шестнашцашъ десятинъ, чшобы могъ важить голосъ его при избраніи народнаго депушаша.

„Ежегодно собиралъ Король, на собраніи земныхъ плодовъ, дворянство и депушашовъ прсшаго народа. Симъ избаннымъ, чрезъ которыхъ представляется народъ, предлагаются нужды короны. Тогда шягосшная и продолжительная война, содержимая морская сила, не могли содержаны бышь изъ комнатныхъ имѣній Короля: да и для Государства было бы вредно, ешьямъ бы сіи господства слишкомъ были разпрсшранены. Они имѣютъ шощъ недостатковъ, чшо не составляющъ собственности шого, кшо ихъ строщтъ, чшо не могутъ никогда надѣяться совершеннаго шранія, которое самолюбіе обладателя прилаг ешь е собственномъ его имѣніи. Допустить Короля самовластно налагать подати было бы шже, какъ жертвовать собственностію народа желаніямъ Государя. Ожидать со шпоромъ дворянства добровольныхъ даровъ, было бы всегда неопредѣленною и опасною помощію, чрезъ которую власть великихъ людей умножилась бы, а Король унизился; большаго же шпеченія о точномъ раздѣленіи бремени и о полезномъ упошрбленіи возложенныхъ денегъ не можно ни ошъ кого лучше ожидать, какъ ошъ,

ѣтъ шѣхъ, которые должны плащить подаши. И такъ народныя депушашы будутъ разсуждашь о требованіяхъ Королевскихъ, и на нужду потребныя деньги такъ разлагать по всѣмъ вощинникамъ, чшобы паки мѣра плодс-принсящія земли была соразмѣрна особенной подаши.

Амундѣ не могъ предузрѣшь, что нужды Государственныя безконечно умножашся, что тысячи сдѣлаюшся богатыми гражданами, которыхъ сокровище состоятъ будещъ не въ земляхъ, но въ корабляхъ, шоварахъ, въ выработанной шерсти, въ торговлѣ. Сохранено до сихъ еще временъ узаконеніе налагать сверхъ подашей на землю подать, на оружія, изобилія и великолѣпія; шягощать пошлянами ввезеніе товаровъ, и для сбора подашей содержать собственное число служителей.

Конечно должно получить въ разсужденіи сихъ сборовъ согласіе отъ дворянства; ибо и дворяне почищаются такими же гражданами: они владѣють землею, и они должны также помогать въ понесеніи бремени, котораго прешещъ Государственная нужда. Но у нихъ ни о чемъ иномъ не спрашивается, какъ только о ихъ согласіи или оприцаніи, а прочее все должно совсѣмъ зависѣшь отъ народа, для котораго бремя бываещъ шягостнѣе, поколику великіе люди плащатъ оное изъ своего избышка, а у простолюдиновъ вычищаетъ оное изъ ихъ выгодъ и изъ самой ихъ необходимости. Если бы дворянство имѣло нѣкоторую власть въ наложеніи подашей, то бы оно совсѣмъ оп-

вращило отъ себя оное и наложило все сіе бремя на прошой народъ.

Никакія земли не могушъ оспаться свободными отъ сей всеобщей и всегдашней подати; даже и самыя имущества церковнослужителей и самыхъ церквей въ крайности Государственнаго состоянія не могушъ бышь исключены отъ вспоможенія общему благу.

Алфредъ конечно прилепленъ былъ къ церквѣ; онъ взялъ въ Римѣ за Герархію пошение, которымъ онъ долженъ Леоновымъ добродѣтелямъ. Любовь его къ наукамъ довела его до дружества съ жрецами и монахами, у которыхъ тогда единственно сохранялись нѣкоторыя остатки древней учености. Злоупотребленіе духовной власти не научило еще народы, сколь опасна была преданность оной. Сія преданность была добродѣтельна и благомыслящіе думали, что они, почитая священнослужителей, почитали Бога. Рѣчь Амундова устрашала благочестиваго Алфреда, и не произвела въ немъ никакого впечатлѣнія. Онъ приписывалъ слишкомъ свободную мысль многимъ невѣрнымъ народамъ, между которыми былъ Амундъ.

Амундъ продолжалъ: „мѣру податей должна опредѣлять необходимость Государства. Въ мирное время я бы наложилъ оную на десятую часть годовыхъ доходовъ, а въ военное на пятую часть. Всеобщее описаніе земли, которое мудрый Алфредъ приказалъ сдѣлать, облегчаетъ наложеніе и счисленіе.“

„Законы будутъ вторымъ умноженіемъ народныхъ депушашовъ: они суть оковы, спѣснью-

снляющія всегда естественную вольность. Гражданинъ охотно носитъ сіи оковы; поелику законы его защищаютъ, поелику малая часть его добровольно Государству уступленной вольности составляетъ безопасность его противъ нападѣнія злыхъ гражданъ, поелику законы соединяются въ такой порядокъ, которой счастье каждаго гражданина утверждаетъ и умножаетъ. Но Германецъ, родившійся вольнымъ, не охотно обязывается другими законами: самъ себѣ только довѣряетъ онъ, не хочетъ отказаться отъ своей вольности, какъ только когда требуетъ онаго общая польза. Законы могутъ быть начертаны благородными или народомъ. Но надлежитъ, чтобы они всегда подтверждены были обоими Государственными чинами и утверждены Королемъ. Нѣтъ ничего шруднѣе, какъ давать законы; поелику они должны подавать для безконечно различныхъ случаевъ равно точное правило, но люди предвидятъ не многіе только случаи. И такъ надлежитъ, чтобы законы хорошо взяты были въ разсужденіе, а не съ скоростію были предписаны; они должны по крайней мѣрѣ во многихъ примѣрахъ чрезъ долгое время подвержены быть испытанію. Алфредъ предписалъ Саксонцамъ своимъ мудрые законы; но грядущее время требуетъ новыхъ и понуждаетъ къ новымъ ограничиваніямъ. Какъ законы дѣлаются медлительно, то и не должно спешивать съ поспѣшностію. И Амундъ присовѣщивалъ бы, чтобы они дѣлались по большинству голосовъ, но шреша шрешами осщавлялись.

Ни-

Ничто не противится больше власти законовъ, какъ когда они перемѣняются. Законодатель, осмѣляющій законъ, признается въ глазахъ народа, что онъ былъ бесполезенъ; но подзрѣніе заблужденія падаетъ съ равною силою и на новый законъ: для чего человекъ не можетъ обмануться и сего дня, если онъ вчера ошибся? Но не столько наказанія даютъ законамъ ихъ силу, сколько внутреннее убѣжденіе, что они полезны и для того, котораго они обязываютъ. „

„Однако надлежитъ быть наказаніямъ. Человѣческое самолюбіе побуждаетъ его исполнять желанія свои такими дѣйствіями, которыя противны общему благу. Противъ сего самолюбія должно ополчаться самую пользу человека; гражданинъ долженъ быть убѣжденъ, что исполненіе его желанія сдѣлаетъ его несчастливымъ. Наказанія должны быть умѣренны, но неизбѣжны, и въ семъ состоитъ мудрость законодателя, чтобы виновный не могъ избѣгнуть правосудія: если мудрой законположникъ можетъ сіе сдѣлать, то съ малымъ прешерпченіемъ повиннаго предупредится половина злодѣяній. „

„Народнымъ депутатамъ должны быть предлагаемы всѣ вольности, права и позволенія. Король можетъ быть весьма удобно склоненъ быть искуснымъ представлениемъ и предложениемъ любимаго посредника къ раздѣленію такихъ правъ, которыя могутъ другимъ гражданамъ служить во вредъ. Когда каждая часть Государства имѣетъ своего предшателя въ ве-

ли-

ликомъ собраніи, по не легко случиться можетъ, чтобы гражданину, деревнѣ или городу оказана была милость ко ереду другимъ.,,

„Также всѣ общія дѣла Государства подвержены разсужденію просныхъ. Король заключаетъ миръ, объявляетъ войну; но какъ послѣднее рѣшеніе навлекаетъ на народъ безконечную тягость, когда при заключеніи мира можно видѣть Государственную пользу изъ чисныхъ намѣреній: то мудрой Король по совѣшу собственнаго благоразумія совѣшуется о шоль великихъ предметахъ съ великимъ Государства его совѣшомъ. Но положимъ, что когда бы и Государственные Министры пренебрегли сію умѣренность, то народные депуташы имѣющъ естественное право, хошя не предписывашъ Государю рѣшеній, но возвышашъ онаго доводы, открывашъ Государю свое разсужденіе и показывашъ слѣдствія, кошорыя могли имѣть намѣренія двора. Симъ проицаніемъ можетъ народъ бдѣть о совѣсахъ Царскихъ, которые не допусшашъ его никогда открывашъ несправедливыя дѣланія, ни помогашъ въ такихъ вознамѣреніяхъ, кошорыя могутъ быть очевидно вредны Государству. Самый знатный вельможа не можешъ снести ненависти всего Государства. Да и самую природою основано, что противъ немудрыхъ или несправедливыхъ совѣшовъ можетъ народъ дѣлать предшавленія, отъ кошорыхъ весь народъ вообще имѣашъ поспрадашъ: и коль долженъ быть неблагоразуменъ шотъ Король ксторой бы не хотѣлъ внимашъ всеобщему гласу природы!.,

„И

„ И такъ обо всемъ можешь разсуждать великое собраніе, и никакая власть не можетъ возпрепятствовать наимаалѣйшему изъ деушаповъ предлагать безболзненно то, что онъ почитаетъ за полезное для общаго блага. Гласъ истинны долженъ возвышаться безпрепятственно, и самыя ложнаго убѣжденія, неправильныя заключенія могутъ быть безъ всякаго предлагаемы страха: ибо, естли бы неосновательность онымъ препятствовала открывашь; то бы весьма скоро сильныя принудили къ молчанію каждое слабѣйшихъ предложеніе, поколику они признали бы его за неосновательное. Впрочемъ злые совѣщы издменнаго невѣжества не скоро вкрадутся въ собраніе, составленное сильнымъ народомъ изъ своихъ знашнѣйшихъ мужей. И положимъ, естли неблагоразумныя совѣщы получаютъ отъ большаго числа подтверженіе, то дворянство, дающее дѣйствительность волѣ просныхъ, слѣдуетъ равновѣсіе. И естли бы благородныя захотѣли слѣдовать заблужденію простаго народа, то Король имѣетъ верховную власшь отвергнушь, что онъ почитаетъ за бесполезное для общаго благоденствія. „

Алфредъ никогда не видывалъ народнаго собранія. Опытъ его познакомилъ его только съ вельможами; его устроило сильное участвіе въ правленіи, которое Сѣверной его другъ подавалъ простому народу. Онъ ему возражалъ: „ Амундъ добродѣтеленъ и мудръ; его просвѣтило познаніе многихъ земель и многихъ народовъ; собраніе такихъ мужей, какъ мой другъ,

другъ, сдѣлало бы скоро изъ моего народа наибольшій на земли народъ. Но надѣется ли Амундъ, что незнающіе простыя народы выберутъ такихъ людей, хотя бы они отъ природы не имѣли такихъ дарованій? Сколь часто крайняя ласковость, благородная порода, щедрое употребленіе великихъ имѣній, самыя изящныя челоѡколлюбіемъ вдохнушыя дѣяствія побуждаютъ народъ къ избранію такихъ мужей, которые будутъ стараться увеличить больше самихъ себя, нежели отечество!.,

„Самое челоѡколлюбіе сихъ депутатовъ не обяжетъ ли ихъ столь удобно разпространившіеся въ народъ предразсужденія сдѣлать орудіями собственной своей власти? Не почтутъ ли они волю, безразсудную волю просаго народа, себѣ за правило, для пріобрѣтенія сердецъ своихъ согражданъ? не должно ли опасаться, что такимъ образомъ произойдетъ верховная власть, которую самъ Амундъ опровергаетъ, и которая есть наибезумнѣйшее изъ всѣхъ народовъ тиранства? Какъ можетъ Амундъ возсранишь, чтобы жители сотни, простыхъ Графства не предъисывали своимъ депутатамъ наставленій, которыми они должны слѣдовать? И гдѣ вы увидите честнаго челоѡка, которой бы осмѣлился пріотивиться безумной волѣ слабаго всего народа, и которой жертвуетъ своимъ вниманіемъ и своею милостію внутреннему чувствованію, что онъ предпочелъ общее благо особенной своей пользѣ?.,

„Сии неопытные просыяки не захотятъ ли безпрестанно увеличивать свою власть не проникая,

кал, что они уничтожатъ равновѣсіе Государства, уменьшиа участие, принадлежащее благороднымъ и Королю въ управленіи Государства? Римской народъ, видя единожды пріятность вольности, не жаждалъ ли власти? пересчитывалъ ли онъ спараться возвыситься превъше дворянства? не поставлялъ ли онъ своихъ пубуновъ надъ Консулами и самыми Диктаторами? не дѣлали ли Трибуны все для собственнаго величества и для власти народа? не основывали ли они и на самомъ ходу колесницу побѣдителя, когда онъ былъ изъ ненавистнаго рода? не привелъ ли гласъ корыстолюбивыхъ Трибуновъ республику на край пагубы, отъ которой сыновне почтеніе Коріолана ихъ только избавило? Сіи безумные льстецы народа, неспособные къ управленію Государствомъ, не ослучили ли тогда отъ правленія того, кошорой довелъ его до побѣды? не повторяли ли зависть народную ненавистію къ общему благу, къ Сципіону, къ Туллію? Не былъ ли народъ несправедливъ, когда Сенатъ еще былъ великодушенъ? не присвоивалъ ли онъ себѣ безъ всякаго права плодоносныхъ Арейскихъ полей, и симъ виновнымъ злоупотребленіемъ своєю власти не замаралъ ли славы правосудія, кошорое утверждали благородные? „

„ Мужъ, сказаъ Амундъ, сидяцій въ великомъ совѣтѣ Государства, не естъ больше слуга мѣсечка, но онъ Свѣшникъ Государства; не о малой пользѣ нѣкошорыхъ домовъ долженъ онъ спараться, но о великихъ дѣлахъ сильнаго Государства и о благосостояніи ошечества.

онъ

Онъ имѣешь случай проникать на немъ основаны мудрыя рѣшенія; имъ долженъ онъ повиноваться, естли они его убѣдили, а не крику нѣкоторыхъ поселянъ, знающихъ изъ дѣлъ шолько всеобщее, да и объ ономъ знаютъ шолько по пустому и неизвѣстному слуху. Никогда не можетъ шотъ совѣтовать или приказывать, которой не вѣвсилъ доводовъ прошиву возраженій, которой не сравнилъ обѣщанныхъ выгодъ съ неудобствами слѣдствій. Предразсужденія нѣкоторыхъ деревень никогда не должны препятствовать депутатовъ пещись о благѣ Государства вообще. „

„ Конечно, въ вольномъ народѣ всегда будутъ, всегда останутся недовольные граждане, которые спанутъ ствергать хорошее для того, что оно не лучше. Всеобщее предразсужденіе можетъ овладѣть народомъ: оно можетъ, подобно прошивному вѣпру, нанести корабль прямо на скалы; и когда весь народъ единожды разстроится, шо никакое управление не можетъ прошивиться нечаянной бурѣ. Наиспращаѣйшій Деспотъ, посреди тысячи караульныхъ не могъ прошивиться всеобщему удовольствію, ни въ Римѣ, ни въ Государствѣ Сарациновъ, ни у мирныхъ Сѣровъ; по сему самому шѣмъ больше опаснымъ безпокойствіямъ подвергнется, поколику неограниченная власть его влечетъ дѣлашь больше нападеній на всеобщее благо, нежели Государя, коего сила имѣешь свои границы. Напрощивъ шого ограниченного Государя остановашь законы, благородные народные депутаты на
бѣгу

бѣгу дерзновенныхъ предпріятій прежде, нежели онъ дойдетъ до того, чѣмбы соединилось противъ него все Государство. „

„Своекорыстіе Графшва, маленькая выгода мѣстечка будутъ находиться въ равновѣсіи отъ прошивоборствующей выгоды другихъ Графшвѣ или другаго города. Еслили Государь не все озлобляетъ Государство, то онъ всегда найдетъ друзей въ разумныхъ людяхъ, знающихъ цѣннѣе то, что всего полезнѣе для Государства, и судить, что недостатковъ нѣкоторыхъ свойствъ въ Государствѣ можетъ навлечь за собою больше вреда, нежели сколько оному угрожаетъ изпроверженіе первыхъ членовъ Государства. Благородные не скоро допустятъ народъ до слишкомъ великой власни, которая затмитъ ихъ преимуществво; они прошивоположатъ народному крику довѣренность, которую подастъ имъ ихъ богатство, иждивеніе и самое предразсужденіе. Когда возмущительные орашоры побуждаютъ народъ къ предпріятію вредныхъ мѣръ, то самая ревность вооружитъ прочихъ членовъ великаго Государственнаго совѣта краснорѣчіемъ, получающимъ съ истинны не преборимое уваженіе. Въ ложныхъ понятіяхъ съ трудомъ можетъ бытъ когда нибудь единоголасенъ весь народъ, поелику одна истина имѣетъ право насъ убѣдиль.

Слѣдуя симъ правиламъ, предразсужденія множества хотя будутъ служить Государю въ досаду; вопрепятствують иногда принять лучшихъ мѣръ и отвергнутъ перваго Министра отъ кормила правленія; но изпровергнутъ престодѣ

стоаъ крикъ сего множества. будетъ безсиленъ, естли Государь дѣйствительными и важными нападками на вольность не навлечетъ на себя всеобщаго неудовольствія. Ропотъ несправедно недовольныхъ есть конечно неблагодарность къ доброму Государю; но еще бы опаснѣе было хотѣть заслужить гласъ народной. Онъ есть пушь, открывающій истиннѣ свободной къ престолу доступъ; онъ есть предохранительной гласъ провидѣнія, напоминающій не поскупать далѣе въ своихъ ухищренныхъ и злобныхъ предпріятіяхъ. „

„ И такъ думаетъ Амундъ, по древнему упрежденію Кельтовъ, что правленіе, раздѣленное между Государемъ, благодарными и просными такимъ образомъ, которой, можешь быть, имѣешь не все совершенство неограниченныя власти добраго Государя, но которой рѣдко позволяешь Монарху быть до излишества злымъ, правленіе сіе, можешь быть, меньшую имѣеть крѣпость, поелику Государственныя члены, въ рукахъ которыхъ состоитъ власть, поступающъ по разнымъ видамъ; но оно увѣряетъ вольность гражданина и прочность Государства. Ибо никакое другое учрежденіе не призываетъ стоаъ сильно весь народъ къ правленію, кромѣ того превосходнаго управленія, въ которомъ владычествуетъ самое множество. „

„ Въ Кельтскихъ земляхъ каждой гражданинъ, въ оныхъ поселившійся, и собственно стію, сопряженною съ благоденствіемъ Государства, имѣеть участіе въ законодательной власти. Ничего не дѣлается безъ согласія оное пред-

представляющихъ: онъ самъ избралъ того, ко-
торой его представляетъ; онъ избираетъ зако-
нодателя, и весь народъ самъ избиралъ тѣхъ,
въ рукахъ которыхъ состоитъ вся власть.
Сіе избирательное право подаютъ каждому гра-
жданину достоинство, которое самъ благород-
ной долженъ признавать, поелику неудовольствіе
множества исключаетъ его изъ правленія. Домъ
каждаго гражданина есть крѣпость, охраняемая
законами, въ которую самая Королевская власть
не можетъ проникнуть, ни отворить ея врата.
Такое общество, въ которомъ собственность
каждаго гражданина священна, въ которомъ каж-
дой гражданинъ избираетъ своихъ законода-
телей, долженъ необходимо любить каждой гра-
жданинъ своего соотчича преимущественно
предъ всѣми смертными, которыхъ Государ-
ство не содержитъ въ безопасности ни вольно-
сти гражданина, ни его собственности, и гдѣ
правленіе находится въ такихъ рукахъ, на
которыя народъ никогда не можетъ имѣть
впечатлѣнія. Съ трудомъ въ такомъ Государ-
ствѣ найдутъ чужестранные непріатели едино-
мыслениковъ: громкіе крики счастливыхъ
гражданъ скоро превратятся во всеобщій военной
крикъ, когда другая власть захочетъ напасть
на Государство, котораго покореніе подъ иго
было бы для каждого гражданина несомнѣ-
ною утратою. „

Алфредъ усмѣхнулся со скоростію. Амундъ
раздѣлилъ споль щедрою рукою власть между
народомъ, что не оставилъ ничего ни дворян-
ству ни Королю; и по тому власть, которая
есть

есть единственнѣмъ всѣхъ дѣлъ побужденіемъ, не можетъ дѣйствовать со скоростію, важно-стію и безопасностію, и естли другая власть можетъ остановить сіе побудительное колесо единымъ пальцомъ, и шѣмъ воспрепятствовать теченію дѣлъ. Непрїатель вызываетъ на брань, онъ нарушаетъ честь короны, предпринимаетъ завоеваніе, чрезъ которыя Англія ввергается въ опасность, утѣняетъ моихъ союзниковъ; никакого не остается средства къ удержанію силій, кромѣ войны. Но народъ, согласившійся дать мнѣ на годъ вспомогательныя деньги, можетъ меня на слѣдующей годъ лишити оныхъ. Естли я подпаду его неудовольствію, то не можетъ ли народъ наложить на меня или несправедливѣйшіе договоры, или Государство обезоружась сдѣлаться добычею своихъ непрїателей? Я заключаю союзъ съ Пиктами, я общаю имъ вспомогательныя деньги противъ безпокойныхъ ссѣдей; они помогаютъ мнѣ вѣрно. Орашоръ дѣлаетъ Пиктовъ, и ихъ помощь сѣшными; народъ отказываетъ мнѣ въ деньгахъ, за которыя обязалъ я полезныхъ друзей пролишь кровь свою, дабы пощадити часть крови Саксонцевъ. Оставленные союзники дѣлаются непрїателями, а несчастіе сіе можетъ навлечь сладкая и обманчивая рѣчь любимаго депутата.

Трудно, сказалъ Амундъ, отвѣчать на сіе возраженіе; чего опасается мудрый Алфредъ, то въ самомъ дѣлѣ можетъ приключиться, скажу еще, сіе приключится, поколику сіе происходитъ изъ природы челоѣковъ. Такимъ
 В обра-

образомъ отрицались недовольные Римляне побѣждая за Консуловъ, и допустили побѣдить себя за то, что не желали Аппію Триумфа; боязнь Алфреда есть слѣдствіемъ вольности, когда она не управляется премудростію.

Однако одно оспается средство, которое состоитъ въ томъ, чтобы не избирать ежегодно депутатовъ, но чтобы одни представляли народъ черезъ три, чрезъ семь лѣтъ. Избирають депутатовъ на одинъ годъ кажется мнѣ безъ того вредно: они бы конечно зависѣли отъ множества, отъ котораго они должны быть свободны; каждое новое избраніе есть смущеніе, которое не должно случаться весьма часто, еслили хочешь, чтобы народъ оставался въ трудолюбіи, прилежаніи и въ нѣкоторомъ порядкѣ. Еслили власть депутатовъ останется на большія лѣта въ безопасности, то самые непремѣнные мужи, въ продолженіи войны, конечно не захотятъ разрушать плоды первыхъ лѣтъ, и не пожелаютъ подвергнуться мщенію Государства, которое, сколько бы славою ни было къ заслугамъ своего Государства, однако непримиримо отвращается будешь тѣхъ отъ своеволия, которыхъ пожертвовано достоинство и безопасность Государства. Союзникъ будетъ также больше полагать довѣренности на Англію, правленіе которой утверждено на многія лѣта. Чѣмъ чаще производятъ новые выборы, чѣмъ больше образъ управленія подходитъ къ Демократіи; тѣмъ долѣ великой совѣщъ оспается непремѣ-

мѣн-

тѣмъ , тѣмъ менѣе впечатлѣнія удерживаетъ
множесство.

Прочность сія есть можетъ быть только
побужденіемъ , которымъ можно будетъ въ
будущіе вѣки ослабить или удерживать кер-
мидо правленія , смотря по тому , больше или
меньше найдутъ они сопротивленія.

Ни въ какой премудрости человѣческой не
находился средства , которое бы предупреждало
всякое зло , исчезало отъ всего , и могло купно
изпроблять всѣ уснанія вольности , не по-
давая въ то же время Государю власти , слу-
жащей народу въ обремененіе. Сдѣлаю я ду-
маю , что опасность , которой подвергается Го-
сударь , потерявъ любовь своего народа , вер-
нетъ его въ полезную необходимость преду-
гошавить себя благоразуміемъ носить свой ски-
ящръ такъ , чтобы онъ ни слишкомъ угнѣ-
шалъ гражданина , ни самому ему былъ въ
пягость . Государь съ самыхъ первыхъ дѣлъ
будетъ образованъ себя къ трудностямъ за-
висшлыми подданными окруженнаго правле-
нія , и научатся такъ поступать , дабы пре-
мудрѣйшая и лучшая часть народа оставалась
къ нему приверженною . Ему ничего будетъ
опасаться ропшанія подданныхъ , если онъ
справаеся сдѣлашься вторымъ Алфредомъ .

Король размышлялъ долго о предложені-
яхъ , Амундомъ начертанныхъ . Народъ мой ,
сказалъ мудрый , не способенъ еще управлять

самъ собою. Въ просвѣщеннѣйшія времена можетъ быть сдѣлается онъ достойнѣйшимъ соправительствовашъ кормилу правленія. Я долженъ пещись озарить его свѣтомъ наукъ, просвѣтитъ его въ изящности премудрости и добродѣтели, и показашъ ему стези, ведущія къ симъ дщерамъ неба. Доколь я буду обладать со власпію, оставленною мнѣ родноначальниками моими въ наслѣдство, доподѣ будетъ неушолимымъ моимъ попеченіемъ то, чтобы народъ мой не разкаивался, что видитъ шолікую власшь въ моихъ рукахъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Путешествія Отара Нордіандца.

Въ самомъ отдаленнѣйшемъ краю Голландіи, къ Сѣверной части Нормандіи, жилъ одинъ досташочный дворянинъ, именемъ Ошаръ. Онъ имѣлъ шесть сотъ дикихъ козъ: въ такой землѣ, гдѣ всякаго другаго рода скошовъ находилса весьма мало, пахалъ своими волами и лошадьми. Онъ много читывалъ, и духъ его возбуждался повѣствованіями путешествующихъ, обогатившихъ разумъ свой въ отдаленныхъ странахъ новыми истинами, сравнивавшихъ обычаи своихъ гражднъ со нравами иноземцовъ, изыскавшихъ такимъ образомъ средство къ исправленію оныхъ и учинившихся способными сообщать народу своему неизвѣстныя до сего выгоды, лучшія орудія, и удобнѣйшіе способы къ доставленію себѣ сѣбственныхъ припасовъ. Норвегія была тогда обладаема Гаральдомъ, имѣвшимъ прекрасныя волосы, Государемъ, пришедшимъ малыхъ Князей своего Государства, дабы шѣмъ болѣе разпространить права своего престола. Ошаръ умножалъ склонность свою къ наслажденію общими правами человѣческой природы, познаніемъ древнихъ Скалдовъ, воспѣвавшихъ предъ храбрымъ народомъ преимущества вольности.

Онъ возчувствовалъ непреборимую склонность къ путешествіямъ и къ открытію отдален-

даленныхъ земель; сѣвши на корабль, прибылъ онъ ко двору Алфредову, упражнявшемуся тогда въ умноженіи морской своей силы. Король взиралъ съ удовольствіемъ на такого мужа, котораго необходимость научила узнать основательно кораблестроительное и мореплавательное искусство.

Норманландія сверхъ дикихъ козъ и дичины не получила отъ природы никакого другаго средства къ пропитанію своихъ жишелей, кромѣ моря. Между камнями, въ морѣ сошпавляющими берегъ, представляющемъ странная спремнины, между гористыми островами, ограничивающими твердую землю, море наполнено неизчерпаемымъ множествомъ животиныхъ, копорыя гонимы будучи смѣлыми жишелями, не в-ирая на всѣ опасности вѣтровъ и льдинъ, снабдеваютъ ихъ первыми пошребями. Хѣбъ, копорымъ въ умбрейнѣйшихъ странахъ плодородная земля награждаетъ прилежаніе земледѣльца, зашвердѣлые въ трудахъ Нормандцы, должны искашь въ отдаленныхъ странахъ, и привозить къ своимъ жижинамъ чрезъ продолжительное мореплаваніе. Каждой Норманъ есть рыбакъ и корабельщикъ; отшуда произошло, что Скандинавскія морскія берега спольудобно могли обезпокоивать многочисленными флотами жишелей плодоносѣйшихъ земель.

„Ошаръ былъ представленъ Королю. „Ал-
 „Фредъ, сказалъ Нормандецъ, своими добро-
 „дѣшеля-

„ дѣпелями заслуживаетъ , чтобы земной шаръ
 „ представилъ ему новыя земли , которыхъ еще
 „ никакой смертной не посѣщалъ . Я надѣюсь
 „ открыть такія земли , въ которыхъ Англин-
 „ ское богатство умножится , многочисленныя
 „ корабельщики съущушъ богатой грузъ , и гдѣ
 „ Саксонцы научшея утверждать за собою
 „ обладаніе моремъ . Я живу внутри того кру-
 „ га , въ которомъ солнце дѣтмѣ никогда не
 „ оспавляетъ землю , и по краткомъ обращеніи
 „ около полярнаго круга возходитъ паки въ
 „ верхъ . Моря кишатъ въ своихъ кошловинахъ
 „ сильныхъ рыбъ , въ сравненіи которыхъ и
 „ самый слонъ не великъ , которыя однако не
 „ рѣдко попадаются въ добычу мореплавателямъ :
 „ одна такая рыба стоить сто фунтовъ сере-
 „ бра . Норландцы мои знаютъ искусство укро-
 „ щать сіе чудовище , они почитаютъ игруш-
 „ кою преслѣдовать копьями морскаго великана .
 „ Около скалъ сихъ морей находятъ морскихъ
 „ лошадей , которыхъ зубы дороже слоновой
 „ кости , а въ срединѣ моря неопѣненныхъ
 „ единороговъ (*) прошиву предполагаемой вра-
 „ чами съ полною довѣренностію всякому яду . „

„ Но старъ имѣешь большія намѣренія :
 „ онъ слышалъ такихъ мужей , которыхъ же-

Е 4

„ ланіе

(*) Звѣрь сей именуется также Нарваломъ или
 рогатою рыбою , которая , какъ сказываютъ ,
 вступаетъ въ бой и съ самымъ китомъ .

„ ланіе къ добычѣ, или и жестокая сила вѣт-
 „ ровъ занесла въ новыя моря. Нордландія не
 „ просширается до оси земной, но окружена
 „ океаномъ, къ Востоку открывається неизмѣ-
 „ римое море, котораго границъ никто не зна-
 „ етъ; и которое просширается до земель ве-
 „ ликодушныхъ Японцовъ и трудолюбивыхъ
 „ Китайцовъ. Безконечно бы было счастье Сак-
 „ сонцовъ и неизмѣрима слава Алфредова, естѣ-
 „ ли бы мѣ удалось изыскать въ сіи богатыя
 „ страны дорогу, и привезши въ Бришанскіе
 „ острова сокровища, споль многія народы на-
 „ богащающія прежде, нежели они коснутся
 „ Европы. Шелкъ, составляющій одѣяніе на-
 „ шихъ Королей, самая лучшая сталь, самая
 „ дорогая мѣдь, и богатѣйшіе металлы сыскя-
 „ вающся въ сихъ отдаленныхъ Государствахъ,
 „ и шопъ народъ приметъ первое мѣсто ме-
 „ жду Государствами, коюрой морскую дорогу
 „ лучше всѣхъ узнаетъ, и присвоитъ себѣ чрезъ
 „ мореплаваніе богатства неизвѣстнаго свѣта. „

„ Отаръ требуетъ два корабля, на кото-
 „ рые посадишь искусныхъ и опытныхъ матро-
 „ совъ и сѣспныхъ припасовъ на двѣнадцать
 „ лунъ. Онъ умретъ, или откроетъ для Го-
 „ сударя новыя Государства. „

Алфредъ принялъ съ удовольствіемъ сіе
 предложеніе. Два корабля съ мореходцами
 изъ Нордландіи, оставили Голголандскія бе-
 рега, и Отаръ направилъ парусы свои прямо
 къ

къ оси свѣша. Онъ увидѣлъ крайній конецъ извѣстныхъ земли, море открылось съ востока въ неизмѣримое пространство, и твердая земля убѣгала со стороны Сѣвера. Ошаръ по-двинулся гораздо далѣе къ Сѣверу, куда никто изъ смертныхъ до него не плавалъ. Море было открыто, и опасности, которыя надлежало ему преодолѣть, были для его мужества весьма малы. Онъ наловилъ единороговъ, и возвратился въ Англію, нагрузя корабли свои симъ, драгоценнымъ лѣкарствомъ противу яду. Но какъ объѣхалъ онъ вершину земнаго шара съ той стороны, съ которой склоняется онъ опять къ Сѣверу, то постигъ его сильный восточный вѣтръ, и сколько ни старался противиться сей смѣльчакъ; но всѣ его шруды были тщетны, и онъ прибишь былъ къ шакому берегу, гдѣ нашелъ безопасную пристань, теплые источники и зеленыя луга.

На сихъ берегахъ обитали жители, похожіе на Финновъ, между кошорыми жилъ Ошаръ, ма-лаго роста, сквернообразны, но привычныя къ сношенію всѣхъ житейскихъ шягостей, и неушомимые въ шруднѣншихъ работахъ; нападали они съ худыми оружіями, безъ помощи желѣза на спрашнаго кита, мясо кошораго служило имъ пищею, а кости къ сооруже-нію хижины. Они искали подъ льдомъ шрусливую морскую собаку, и убивали ее рогашинами, на концахъ кошорыхъ насажены были кости.

Рыбы служили имъ хлѣбомъ и всѣмъ ихъ пропитаніемъ, ибо земля ничего не произращала такого, чѣмъ бы могли люди содержать свою жизнь; земля покрыва была каменными горами и внутри наполнена высокими лѣдяными холмами. Никогда дерево не разпускалось, и желѣзная земля не произращала никакого плода.

Ошаровы корабли были нѣсколько бурей повреждены, для исправленія которыхъ потребно было нѣсколько недѣль. Онъ упопребилъ сіе время къ познанію народа, обитавшаго на новооткрытыхъ берегахъ, помогалъ дикимъ въ ловленіи рыбъ, одарилъ ихъ желѣзнымъ оружіемъ, и научилъ ихъ прикрѣпляти копья къ длиннымъ канатамъ, которые они кидали въ кита; на сихъ канатахъ рыба влчила самыхъ своихъ гонителей съ быстротою, которой никакая буря не могла подражать до шѣхъ поръ, пока изпеченіе крови ее изнуряло. Ошаръ показалъ имъ цѣну зубовъ сильной морской лошади и средства покорять оную; онъ далъ имъ опѣдать вкусъ хлѣба, и обѣщавъ имъ пріѣзжать въ слѣдующіе годы съ плодами искусствъ обходительныхъ земель, и вымѣнивать у нихъ добычу кита и морской собаки.

Сколько Ошаръ ни прилѣпленъ былъ къ вольности, однако онъ не нашелъ ни одной земли, которая бы была безъ обладателя. Весь Сѣверъ находился подъ владѣніемъ малыхъ Князей, данниковъ великихъ Королей въ Упсалѣ, Лешрѣ

Депрѣ и Норманландіи. Жители сѣверныхъ береговъ повиновались верховнымъ особамъ и законамъ. Всѣ платили подати Государству, а посвящали часть своей вольности обществу и благому.

Здѣсь въ западномъ сѣверѣ не встрѣчалъ никакихъ слѣдовъ политическаго, никакого превосходнаго человека, никакого закона, никакого наказанія и никакого управленія. Каждой отецъ есть господинъ только надъ собой; но участникъ его хижинѣ, живущей съ нимъ подъ одною кровлею, не признаетъ отъ него никакого послушанія, не оказываетъ ему напрошивъ никакой подчиненности, и живетъ, какъ его братъ, въ совершенномъ съ нимъ равенствѣ при общественной лампадѣ. Двадцать хижинъ другъ возлѣ друга вкопались въ землю при рыбномъ заливѣ, пятьдесятъ семействъ живутъ въ сихъ хижинахъ такъ, что ни одинъ человекъ ни мало не можетъ другимъ повѣлывать, ни самъ принимаетъ отъ другаго повѣленія, такъ что нѣтъ ни одного избытка рыбы залива, который бы находился у какого нибудь согражданина въ такой власти, которая бы простиралась далѣе простаго впечатлѣнія, которое лучшей совѣщью влечетъ за собою неизбѣжно. Дикіе сіи собираются въ общія хижинны, въ маленькія деревни, и садятся вмѣстѣ на большія лодки, въ которыхъ они перѣзжаютъ отъ одного залива къ другому, гдѣ ловленіе рыбъ избыточно. Они соединяютъ

свои силы для построения такого судна, заключающаго союзъ противъ кита, ведущаго противъ него вообще войну и дѣлящаго добычу. Но никакой изъ сихъ союзовъ не обязываетъ ни одного изъ жителей въ малѣйшей другому подчиненности.

Ошаръ съ жадностію любопытствовалъ узнать дѣйствія сего общежитія безъ законовъ, и люди въ ономъ меньше ли дружелюбны, и сословіе ихъ хуже ли другихъ. Онъ нашелъ мало разности между свободнѣйшими изъ всѣхъ людей, жителями Сѣверозападныхъ береговъ, и между обходительными Европейцами. Добро бы о здѣсь, какъ какъ у Европейцовъ, смѣшанно со зломъ. Дикіе терпѣли столько же хорошо одинъ другаго, какъ и тѣ, надъ гнѣвомъ кошорыхъ бдитъ мстительной законъ; весьма рѣдко случается, что дикой озлобляетъ или бьетъ другаго себѣ подобнаго челоука. Многія сѣвейства живутъ въ одной хижинѣ, хотя безъ взаимной привязанности, но смирно: при раздѣленіи общей добычи рѣдко происходитъ ссора; самая любовь, кошорая и между животноными возбуждаетъ кровопролитнѣйшія драки, не нарушаетъ безпристрастія сихъ уединенныхъ Норманцовъ.

Они конечно еще холоднѣе другъ къ другу въ должностяхъ челоуколюбія. Дня, кошорого мать умираетъ, должно неизбѣжно умереть; поелику никакая другая женщина не

не приметъ о бѣдномъ попеченія. Они не наслаждаются въ болѣзняхъ своихъ лѣкарствами употребляемыми всѣми обходительными народами: при ихъ частыхъ переселеніяхъ большой для здоровыхъ есть такая тягость, которою они себя не могутъ обременять. Но какъ никакой мститель нарушенныхъ законовъ не угрожаетъ злодѣю, то ссора влечетъ за собою смертоубійство. Раздраженной дикой, нашедши непріятеля своего одного въ пространной обширности моря; опрокидываетъ часто его челнокъ, или низвергаетъ его тайно съ скалины. Однако злодѣянія сіи не чаще и не всеобщія, какъ у шѣхъ народовъ, кои живутъ подѣ сурожайшимъ предначертаніемъ въры и гражданскихъ наказаній.

Супружества столько же постоянны и столько же согласны, какъ и въ другихъ Государствахъ; только безплодіе ненавистно, поелику дѣти, а преимущественно сыновья, единая помощь, которой родители могутъ надѣяться въ своей старости въ шѣхъ странахъ, гдѣ люди не довольно близко другъ съ другомъ сопряжены, чтобы взаимно другимъ вспомоществовать.

Чувствованіе чести столько сильно, какъ и у обходительныхъ сѣверныхъ народовъ; оно простирается даже на славу, которая пріобрѣтается оспроуміемъ, и которой дикіе сіи стараются посредѣ самой шой жизни, которая,

кажется, посвящена единственно нуждамъ первой необходимости. Но еще сильнѣе жадность къ имѣнію. Но дикіе сіи гораздо извинительнѣе обходительныхъ народовъ: содержаніе ихъ жизни подвержено тысячи опасностей и несчастныхъ случаевъ, и самое ихъ изобиліе состояишь единственно въ жизненныхъ средствахъ, кошорыя каждую минушу могушь сдѣлаться нуждою.

Недостатокъ общественной жизни есть можетъ быть причиною, кошорая дикимъ симъ препятствовала рдѣть о скошководствѣ. Природа производишь дикихъ козь, но никто не умѣеть здѣсь пріобучишь ихъ къ повиновенію и сожитію съ человекѣми. Люди теряють чрезъ то лучшее и извѣстнѣйшее пропитаніе, нежели то, кошорое зависишь отъ моря и отъ вѣтровъ.

Ошаръ повѣрилъ наконецъ, что въ весьма пустой землѣ, гдѣ изобильное находится пространство для малаго числа людей, гдѣ море стоишь для всѣхъ открыто и доставляешь всѣмъ содержаніе, гдѣ нѣшь ни полей, ни луговъ, и никакой собственности, кромѣ того, что предлежишь счѣмъ обожателя, и что наконецъ въ холодной землѣ, въ кошорой всѣ изъ страха, и самое сильнѣйшее всѣхъ побужденіе къ любви, умѣренные люди конечно могушь живишь безъ начальства; что также общія необходимости и выгоды могушь склонишь сѣхъ равнодушныхъ людей къ обществен-

справедливой жизни, и что пороки не производятъ у нихъ величайшихъ злодѣяній, нежели меньше дѣйствительны, и дѣлающъ ограничивающее наказаніе меньше нужнымъ.

Ошаровы корабли были паки вооружены противъ морскихъ опасностей. Благосклонный Сѣверовосточный вѣтръ несъ отважнаго мореходца предъ полуденною вершиною ледовитыхъ береговъ. Земля склонялась къ Сѣверу, широкой заливъ открылся, сильная рѣка многими устьями впадала въ море и служила безопасною гаванью. Нордландецъ нашелъ сію страну, хотя она была сѣвернѣе береговъ дикихъ, обитаемую обходительными людьми. Біарміары имѣли Короля и богослуженіе; они жили въ теплыхъ и спокойныхъ домахъ и находили въ рыболовствѣ, въ охотѣ, въ многочисленныхъ своихъ стадахъ, въ плодахъ земныхъ, довольно свое пропитаніе. Народъ сей уподоблялся Ошаровымъ Финнамъ. Ошаръ узналъ пользу общественной жизни; Сѣверная снужа, продолжительныя зимы, раззорительныя вѣтры, господствовали здѣсь, какъ у Сѣверозпадныхъ дикихъ; но соединенныя силы человѣческія поправили природу. Земля сдѣлалась подъ ихъ руками плодородною; они знали пользу орудій, помогали другъ другу взаимно въ сооруженіи и поспроеніи своихъ домовъ; недоставокъ не заставлялъ ихъ плушашъ по разнымъ мѣстамъ въ пустой землѣ; они имѣли сады и поле, мѣняли изобиліе свое на полезные шовары Южныхъ

на-

народовъ; они не были подвержены голоду, часно угнѣшающему дикихъ при неблагополучной погодѣ. Чшо было бы для одного чело-вѣка невозможнымъ, шо вынуживали соединенныя силы множества. Знанія обходительныхъ народовъ кинули и въ сіи отдаленныя земли часть своихъ лучей; они признавали и почитали верховное существо.

Отаръ нашелъ, что вѣра подкрѣпляетъ союзъ челоѣчества, и обязываетъ насъ противъ нашихъ братьевъ къ такимъ должностямъ, которыхъ дикой и не вѣдаетъ; что мы состраданіе ощущаемъ, нѣжнѣе и усерднѣе облегчаемъ нужду и нещастіе другихъ; и что наконецъ люди, не въ обществѣ живущіе, не дѣлаютъ приращенія въ малыхъ своихъ знаніяхъ, ничего не изобрѣшаютъ, и ничто не усовершенствуютъ; и напротивъ того обходительные народы ежедневно открываютъ новѣйшія средства къ облегченію бремени жизни и къ умноженію приятныхъ чувствованій, и что они возрастаютъ и приращаются, между тѣмъ какъ дикіе народы остаются въ вѣчномъ робячествѣ.

Отаръ поднялъ еще свои парусы, и благоклонной Сѣверозападной вѣтръ понесъ его къ Сѣверному полюсу земнаго шара. Онъ прошелъ мимо нѣкотораго острова, далеко по ту сторону земель, обитаемыхъ людьми, къ Востоку великаго острова, покрывающагося вѣчнымъ льдомъ, гдѣ малое, производимое природою, пишастъ только
нѣ-

нѣкоторыхъ звѣрей. Сей островокъ былъ раздѣляемъ высокими хелмами, и около оныхъ море кишело китами. Ошаръ чаялъ, что онъ въ сихъ нѣмъ еще никогда не посѣщаемыхъ странахъ открылъ неизчерпаемое сокровище (*), и онымъ наградишь щедрошу Короля Саксонскаго.

Онъ предпріалъ твердое намѣреніе исполнить желанія Алфредовы и открытъ путь въ Китай Ниппонъ, о величествѣ и богатствѣ которыхъ носился слухъ въ Европѣ. Онъ проплылъ въ самые полудни мимо маленькаго сепрова (**), гдѣ увидѣлъ восходящій дымъ. И здѣсь находящяся люди, споль близко къ краю свѣта, сказалъ Ошаръ; и скоро увидѣлъ онъ нѣсколько чужестранцовъ, завернувшихя въ шубы, идущихъ по берегу и побуждавшихъ его движеніями и плачевнымъ крикомъ къ подаію помощи.

Великодушное и сострадательное сердце Ошарово не могло взирать на жаждущаго челоука, не принимая участія въ его несчастіи. Онъ сѣлъ въ челнокъ, и подалъ дружески руку знатнѣйшему изъ оставленныхъ. Это были Віарміерцы, языкъ которыхъ Ошару былъ не совсѣмъ страненъ. Они его просили ради первѣйшихъ

(*) Шпицбергенъ.

(**) Истинная исторія Лоузмана Гомкофа и его спутниковъ.

вѣйшихъ правъ челоѳчества, 'извлечь ихъ ошъ сего уединенія. Ошаръ шощъ часъ согласился спасти сихъ несчастныхъ; но они просили его взойти на минушу въ хижину, въ кошорой препроводили они цѣлыя шесть лѣтъ.

Хижина сія врытая въ землю, построена была изъ лѣсу—прибиваемаго морскими волнами по ошмѣнному милосердому Всевышняго промыслу къ симъ необишаемымъ берегамъ, ошмываемаго ошъ ошдаленныхъ лѣсовъ. Щели ушыканы были мохомъ; никогда не попогасемый огонь горѣлъ на уединенномъ ошгѣ. Богатства несчастныхъ хранились въ хижинѣ. Кожи съ убитыхъ медвѣдей, дорогихъ лисицъ, дикихъ козъ; жиръ самыхъ шѣхъ же живошныхъ, нишки, веревки и шканье изъ медвѣжьихъ жилъ, и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ составляли сокровища ошавленныхъ. Віарміерцы подчивали гостей своихъ звѣринымъ мясомъ, а Нормандцы оставили ихъ вкушитъ паки давно забытый ими сокъ изъ ячменя.

Послѣ ошѣда принесли ошкъ немногія свои богатства и оружія на корабль, и благополучный западный вѣтръ споспѣшествовалъ путешествуію ихъ къ краю Востока. Для разгнанія уединенія и скуки сего кораблеплаванія Ошаръ просилъ спасенныхъ разказать себѣ свое приключеніе.

Мы рыбаки, сказалъ старшій Віарміеръ, ошправившіеся для ловли кишовъ, при семъ остро-
вѣ

вѣ захватилъ насъ ледъ; почему принуждены мы были выйти на землю, гдѣ сыскали себѣ пещеры; вѣ которыхъ бы мы вѣ семѣ пресѣпранномѣ уединеніи могли укрыться отъ умерщвляющей стужи. Мы не нашли болѣе ничего кромѣ камней, распрескавшихся отъ морозу и валившихся вѣ море опвалившимися кусками съ великимъ шумомъ, голыя поля безъ деревъ, безъ зеленыхъ произрастѣній, снѣгомъ покрытые холмы, и неизмѣримая всѣми швореніями оставленная степь составляло наше Государство. Мы приняли съ собою изъ корабля нѣсколько желѣза и нѣкоторыя оружія, которыми безъ труда убивали сайгу, поколику жители сего берега не выдывали еще ни одного человѣка, и не научились спасаться отъ ея подстерганій. Ночь наступила, она была коротка; ибо цѣлые мѣсяцы солнце насъ никогда не освѣщало. Сильная буря цѣлую ночь свирѣпствовала вѣ морѣ, а поущру какъ ледъ разбѣлся; корабль нашъ, единое средство къ нашему избавленію, отпоргнутъ былъ вѣ обширное пресѣпранство моря, и невозвратно погибъ.

Мы увидѣли себя пещерныхъ заключенныхъ вѣ пещицу, окруженную неизмѣрными морями, оставшіеся безъ помощи, и безъ всякаго почти средства отврапиться голодѣ, стужу и свирѣпство вѣтровъ. Однако самая нужда ободрила насъ; сайга, низложенная нами, пишала насъ нѣсколько дней. Мы пили разплавленный снѣгъ, нашли кучу прибитаго волнами къ берегу дѣсу,

умно-

умноживагоса отъ времени до времени обломками несчастныхъ кораблей. Одинъ шопоръ и ножикъ составляли все наше оружіе. Мы не упоминали работали надъ построениемъ хижины прежде нежели могла напасть на насъ суровая зима. Третьемъ одного дерева объ другое вытерли огонь, которой мы никогда не погасали. Изъ скольныхъ гвоздѣй, найденныхъ нами въ примытыхъ ошпахъ разбитыхъ кораблей, оклавали мы на твердыхъ камняхъ молотокъ и два копѣйца, которыми вооружили мы два шеста; изъ корня, подареннаго намъ также моремъ, изготовили мы лукъ, а изъ гвоздѣй желѣзные иголки на шрѣды.

Бѣлый медвѣдь, мучитель сихъ острововъ, пишавшейся ловленіемъ дикихъ козъ, напалъ на насъ; но мы приуголовились къ бою, низложили сего свирѣпаго звѣря нашими копьями. Жилъ его перепряли мы въ нитки, которыя употребили на шепивы для лука, на веревки для разныхъ потребностей, и которыя служили также намъ для шитія себѣ плащя изъ кожъ убитыхъ нами звѣрей.

Лукъ, которой былъ въ дали смертеленъ, дѣлалъ насъ обладателями звѣрей, обитавшихъ уединенно на островѣ. Мы убивали медвѣдей, зашрѣливали великое множество лисицъ, и шоль много дикихъ козъ, сколько потребно было намъ для нашего пропитанія. Удами, на которыя мы насаживали по кусочку мяса удоб-

но

но обманывали мы рыбъ, и умножали шѣмъ нашъ запасъ. Мы нашли глину, и сдѣлали изъ оной глиняные горшки, въ которыхъ мы могли варить, и лампаду, копорую мы наполняли медвѣжимъ жиромъ, и освѣщали онымъ во время продолженія зимы мракъ долговременныя ночи. Свѣспильни дѣлали мы изъ веревокъ, примываемыхъ къ намъ иногда съ обломками раздробленныхъ кораблей. Одна низкая но вкусная и здоровая шрава, служила къ перемѣнѣ нашихъ обѣдовъ.

Шестъ разъ видѣли мы вѣчный день дѣша, и шесть разъ вытерпѣли мы ужасную ночь, покрывающую чрезъ многие мѣсяцы печальныя сія поля своею тѣнью. Хижина наша и огонь, кошораго мы никогда не гасили, удерживали съ одной стороны снѣгъ, подъ коимъ жилище наше было погребено, а съ другой умѣряли сшужу послѣднихъ зимнихъ мѣсяцовъ, и дѣлали ихъ намъ нѣскольکو сноснѣйшими. Долгіе часы препровождали мы въ прешрудныхъ работахъ, кошорыя долгога времени дѣлали намъ возможными, ибо мы наконецъ до шого уже дошли, что изъ гвоздей умѣли дѣлать иглаки.

Мы испытали, что образъ нашей жизни не совсѣмъ презосходилъ силы человѣческія, мысль сія оживотворяла насъ въ сихъ минутахъ печали, кошорой мы не могли избѣжашь. Увы! помышляя въ самъ въ себѣ, мы должны уме-

умереть; счастливъ изъ насъ тотъ, кто умретъ прежде, кто еще услышитъ гласъ утѣшительныхъ своихъ друзей, кто въ послѣдней своей слабости можетъ надѣяться нѣкоторой еще помощи, которому другіе человѣки сомкнутъ глаза. Но какая будетъ участь пережившаго другихъ, который останется безъ друзей, безъ помощи, не въ силахъ будетъ снизвасъ себѣ для насыщенія пищи, которая есть главнѣйшая необходимость человѣка, и для утоленія жажды воды, такимъ образомъ онъ долженъ будетъ уединенно изощиться и живой излѣчь.

Припомъ нужнѣйшія орудія угрожали оставишь насъ; шопоръ служившей намъ въ рубленіи дровъ, для избавленія насъ отъ стужи, вырубился до самаго обуха. Отъ одного нашего ножа не ошалось ничего, и сіи уронъ были для насъ не наградимы. Но Творецъ человѣковъ имѣетъ довольно средствъ къ спасенію, сказалъ обходительный Бірміерцъ, благоснь его привлекла изъ отдаленнѣйшаго запада Героя, которому онъ ввѣрилъ наше спасеніе.

Отаръ изъясилъ свою радость, что столь жестокое и никакими пороками не заслуженное несчастье найденъ достойнымъ окончить.

Чтобы былъ, сказалъ онъ въ размышленіи, человѣкъ безъ знаній, который безъ сей обходительной жизни были бы не возможны?
Нѣ-

Нѣсколько желѣза, плодъ соединеннаго труда рудокопа, кузнеца, угольщика, горшечника, каменщика, плотника и безчисленныхъ другихъ художниковъ, спасли жизнь несчастныхъ Біарміерцовъ. Отъ обходительной жизни научились они перешварять желѣзо, дѣлать изъ глины сосуды, вить изъ нишокъ веревки, и шить изъ кожъ убитыхъ зѣбрей плащье. Человѣкъ былъ бы несчастнѣйшій изъ шварей, если бы онъ не жилъ въ обществѣ, и можетъ быть Человѣческій родъ въ нѣсколько бы лѣтъ весь бы вымеръ, почеже дѣти находясь долге всѣхъ животнохъ въ невозможности доставлять самимъ себѣ жизненные потребности. Если бы не преодолимое побужденіе, чувствующее человекомъ къ обществу, не связывало отца и мать, ничто не награждающаго и единое мученіе причиняющаго родителямъ новаго ребенка воспитывать нѣжно, и противъ совѣтовъ своего самолюбія жертвовать слабымъ дѣтямъ своимъ спокойствіемъ, веселіемъ, правдою и самымъ своимъ къ болѣзни отъращеніемъ.

Отаръ, при благополучномъ вѣтрѣ плылъ нѣсколько времени къ востоку, но солнце всплывшее уже въ знакъ дѣвы, долгій день убывалъ, вѣтры сдѣлались суровѣе, штильшумный туманъ покрылъ море, великіе плавающіе ледяные острова окружили корабль. Мужественные Нормандцы не страшились смерти, желя бы она и вдругъ встрѣтилась имъ въ видѣ конья или меча. Но они знали, что при ледистыхъ сѣвер-

сѣверныхъ берегахъ каждая гавань была бы ихъ громомъ, что въ неизмѣримыхъ пространствахъ не было ни одной земли, кошорая бы производила нужнѣйшія хоща для жизни вещи, что корабль ихъ глыбамъ льда не могъ прошивиться, что весьма сомнительно, чтобы столь опдаленныя сѣраны, были населены хоща дикими людьми, и что бѣдствейная смерть, голодъ и морозъ ихъ ожидаютъ, кошорымъ никакое мужество не можетъ прошивиться.

Георой не охотно склонился, кораблеплаваніе отъ огустѣлаго воздуха столь сдѣлалось трудныкъ, что каждую минушу находились они въ опасности, что бы корабль ихъ не разбился объ невидимой подъводной камень, или объ неизбѣжимой островъ. Впрочемъ и запасъ шакже исходилъ, кошорый они не прежде надѣлись подучить, какъ по прибытіи къ опдаленнымъ южнымъ сѣранамъ. Ошаръ долженъ былъ уступить желѣзной необходимости, и перемѣнить свой путь. Онъ привезъ благодарныхъ Віармировъ въ свою опчину; нагрузилъ корабль свой рѣдкими мѣхами, и хищеніемъ звѣрей сѣверныхъ морей: и при началѣ зимы, по претерпѣніи великихъ опасностей, вторично прибылъ онъ въ Голландію, перезимовалъ у своего народа, слушавшаго съ удивленіемъ повѣсти геройскихъ сопутниковъ, бѣдившихъ по столь многимъ никогда не преплаваемымъ морямъ, видѣвшихъ людей другаго вида и сѣраныхъ обычаевъ, кошорые опважились приближиться

жились къ полюсу, нежели смертные могли надѣяться.

Слѣдующею весною Ошаръ возвратился въ Англію, и привезъ Королю Сѣверныя подарки, зубы морской лошади, дорогіе мѣха, Біармировъ и Обдорейцовъ, оружіе высокопочитаемаго единорога, усы побѣжденныхъ кишовъ. Алфредъ слушалъ съ удовольствіемъ приключенія своего путешественника, и повѣствованія о людяхъ оставленныхъ единственно природѣ. Онъ былъ слишкомъ челоѣколюбивъ, чшобъ подвергнушь мужественныхъ своихъ мореходцевъ очевидной опасности смерти, въ дальнихъ путешествіяхъ на край Сѣвера; почему и поручилъ предприимчивому Ошару другое дѣло, удобнѣйшее къ исполненію.

Норманецъ долженъ былъ отѣхать въ Восточное или Балтійское море, простирающееся изъ великаго Океана, между Скандинавіею и Германіею весьма далеко къ Востоку. Онъ проплылъ на корабль изрядно вооруженномъ чрезъ Зундъ, отдѣляющій Датскія острова отъ Государства Готовъ, и проѣхалъ рѣку произтекающую изъ древяго отечества Англовъ. Весь народъ переселился въ крошчайшую Британію, и опустѣлая земля была тогда обитаема Датчанами. Ошаръ прибылъ къ устью Вислы, и къ землѣ, изъ кошорой вывозится въ прочіе Государства янтарь, выкидываемый моремъ на берегъ, на грузилъ свой корабль сею благовонною смолою,

Ж

слу-

служившею къ украшенію женщинъ. Онъ посѣщилъ неизмѣримые Естландскія берега, жилище благородныхъ, и невольниковъ. Обширные лѣса покрывали всю землю, кромѣ нѣкоторой малой части; одинъ Сарматской дворянинъ имѣлъ шамъ свой дворъ, около котораго жили въ бѣдныхъ хижинахъ его невольники, пахавшіе для него землю, и долженствовавшіе ожидать отъ него ежедневнаго своего пропитанія, конхъ жизнь, и честь ихъ женъ зависѣла также отъ воли господина. Помѣщикъ не зналъ другаго счастья, кромѣ войны и охоты подражанія оныя, сыскивалъ въ лаговцахъ дикихъ быковъ, и медвѣдей въ зимнихъ берлогахъ. Науки, художества, торговля не проникнули еще до сихъ мѣстъ дикія природы. Бѣдный крестьянинъ, былъ ежедневно побуждаемъ жестокосердымъ прикащикомъ къ работѣ, и единственно для того, дабы господинъ его могъ жить въ праздности; къ такой работѣ, отъ которой онъ не могъ ничего надѣяться, кромѣ того, что побуждаемъ былъ къ оной бичемъ немилосердаго правителя. Непрестанное припѣсненіе, подъ которымъ бѣдные стѣбали, худое возмѣздіе за ихъ шруды, презрѣніе необлегчаемое никакими добрыми услугами, дѣлали рабовъ сихъ злобными, и неприязневыми своихъ господъ. Они дѣлались лѣнивыми, поколику они работали не для себя, упрямыми, понеже они должны были принуждаться злую свою волю, къ воровству склонны; ибо въ нужныхъ вещахъ имѣли недоспашокъ,

раз

разпушны, поелику ни одинъ человекъ не оставался въ безопасности, и не могъ противиться упорнымъ требованіямъ необузданныхъ. Сіе было видимымъ дѣйствіемъ рабства пришбененныхъ, что они не знали больше никакой добродѣтели, и душа ихъ унижалась до того, что они весьма блиско подходили къ звѣрямъ.

Большая часть земли была степь, и самыя пашни Сарматскихъ дворянъ, у недовольнаго земледѣльца были не удобрены, которое могло бы сдѣлать ее плодоносною. Каждый годъ они сжигали часть неупотребительнаго лѣса, и въ горячую землю высѣвали нѣсколько хлѣба, приращенію, котораго пепелъ, благопріятствовалъ; но по малымъ жатвамъ слѣдовало вѣчное неплодіе. Подобно животному пишаемому человекомъ для своихъ выгодъ, крестьянинъ получалъ скудный хлѣбъ, и невкусный напитокъ, который одна только нужда заставляла сносить. Жизнь спанивалась ему въ шягость, а смерть почиталъ онъ спасеніемъ. Цѣлыя неизлѣримыя Государства находились подъ желѣзнымъ скипетромъ немногихъ благородныхъ.

(а) Великія сіи земли не имѣли своихъ собственныхъ силъ, по чему и дѣлались хищникомъ каждаго Князя, которому повиновались его подданные. Никакія союзы не соединя-

Ж 2

ли

(а) Путешествіе сіе приписывается Англу Вулфштену.

ли сильныхъ благородныхъ къ общественнымъ намяреніямъ, никто изъ нихъ не принималъ отъ другого никакого повелѣнія, никто не хотѣлъ жертвовашь самою малѣйшею частію своего досташка, ниже своей вольности для спасенія цѣлаго. По одиначкѣ покоряли ихъ безъ всякаго труда, рабы ихъ не имѣли ничего надѣятыя отъ суровыхъ своихъ господъ, и ничего не шеряли при ихъ паденіи.

Ошаръ достигъ до конца Восточнаго, или Балтійскаго моря, и до устья шой рѣки, на кошорой погда уединенные острова покрыты были кустами и дичью, и гдѣ въ книгахъ провидѣнія начертанъ былъ городъ, кошорый по многихъ столѣтіяхъ вознесетъ на вышину, отъ кошорой сто народовъ будутъ принимать повелѣнія, обладашель, кошраго воздвигнетъ неизмѣримо обширное Государство отъ земли Серовъ, до предѣловъ Эспландіи. Ошаръ возвратился, и привезъ сокровища сихъ уединенныхъ странъ; мѣха, обильныя дичины, ошборную амбру, и медъ дикихъ пчелъ, подающихъ щещно человѣку примѣръ счастливаго прилѣжанія.

Алфредъ, съ удовольствіемъ слушалъ, о восполненіи Государства, гдѣ обладалъ Воданъ дѣдъ его, и гдѣ онъ съ престола поставленъ былъ на жертвенникъ. Онъ съ примѣчаніемъ внималъ описанію злоупотребленія, кошорое дѣлаютъ люди изъ дара природы, когда ни-

ка-

какіе мудрыя законы не соединяютьъ силъ ихъ къ общему предѣлу. Онъ вознамѣрился еще ревностнѣе разорвать оковы чловѣковъ, чрезъ которыя душа ихъ унижается, и теряетъ тѣ великія преимущества, дѣлающія ее образомъ Божіимъ. Онъ наградилъ Омара по царски, и вѣрилъ ему начальство надъ десятью къ войнѣ вооруженными кораблями.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Первая любовь Алфредова.

Важность Исторіи не позволяла намъ до сихъ мѣстъ говорить о сей любви, одна молва сохранила воспоминаніе оной, подъ именами Эдгаръ и Емма, старая пѣсня, которая и понынѣ еще возбуждаетъ по же движеніе, которое она раждала прежде въ Саксонцахъ. Какъ сія древняя лѣтопись не имѣетъ ничего вреднаго славы еего великаго Государя, но и не хотимъ мы ее скрывать.

Когда Алфредъ скрывался еще у пастуховъ (а) своего отца, то онъ извѣстенъ уже былъ во всей странѣ подъ именемъ Вульфа. Онъ такъ хорошо умѣлъ притворять свой видъ, что и самые придворные не могли его узнать. Изъ Амелнейскихъ болотъ выбѣгалъ онъ часто съ нѣкошорыми равно бѣглыми Саксонцами противъ непріязненныхъ Нормандцовъ, ошмщевалъ имъ за зло претерпѣваемое его народомъ, снабждалъ воиновъ своихъ запасомъ и оружіемъ. Какъ скоро непріатель на него наступалъ, то разбѣгались свѣдомые о каждомъ местѣчкѣ Саксонцы, и исчезали изъ рукъ Нормановъ.

Вес-

(а) Смори книгу первую.

Весьма часто Вульфъ сражался благополучно, нѣкогда окруженъ будучи полною непріятелей, долженъ былъ сражаться съ превосходнѣйшимъ числомъ войска, нежели онъ у себя имѣлъ. Онъ удалился въ узкое мѣсто, окруженное водою, а непріятелямъ оставилъ маленькій шолово входъ, при которомъ онъ могъ удерживать малымъ числомъ великое множество. Онъ убилъ нѣсколько отважныхъ разбойниковъ, пораженіями изъ лука, копорый тогда былъ новымъ изобрѣшеніемъ, и копорому Агличанѣ въ позднѣйшія времена обязаны были многими побѣдами. Наконецъ удалось Севѣриному воину ранишь неизвѣстнаго Государа копьемъ, у котораго потеряніе крови ошнало силы, и въ темношѣ ночи, укывшей наконецъ Саксонцовъ, слухники принуждены были вывести его изъ опасности.

Въ близи была крѣпость Эдельберта Саксонскаго Графа, крѣпость, въ которой онъ заперся съ великимъ запасомъ, и въ которой взяли многіе бѣглеы Саксонцы свое прибѣжище; Норманны успрашившись храбрости Графа, и крѣпости окоповъ оставили свои нападенія. Саксонцы безпокоясь о судьбнѣ Алфредовой, пришли ночью, и просили о впуцденіи себя въ оную. Вульфъ, говорили они, нансаящій страхъ разбойникамъ раненъ. Имя сего мстителя Саксонцовъ было извѣстно каждому другу ошечества; вороша для него отворились, и Эдельбертъ принялъ его самъ, какъ шакого Героя, происхождение котораго ему было неизвѣстно.

Послѣдуя древнимъ обрядамъ честныхъ Германцовъ, Альвиша провожала благороднаго своего отца; прекраснѣйшая дѣвица и съ рѣдкими дарованіями. Вульфъ внесенъ былъ въ залу бездыханенъ, смертельная блѣдность покрывала его лице, руки его, силу которыхъ Нормандцы часто ощущали, опустились. Альвиша обнажила раненное плѣчо, и приняла на себя стараніе о ранѣ кавалера; ему дали укрѣпительныя лекарства, и оставили его успокоенію.

Эдельбертъ и возлюбленная его дочь, ежедневно посѣщали слабаго еще воина. Раны его требовали спасительныхъ попеченій, Альвиша сама часто налагала на оную нѣжную свою руку. Вульфъ открылъ наконецъ глаза, и устрѣлъ усердныхъ вниманія прелѣсныхъ сестрицъ; молодость ея, красота, милостивое ея участіе въ его несчастіи, пронули сердце молодаго Государа, и продолжительное время, котораго рана его требовала, доставило любви случай, плабншь совершенно его сердце. Всякій день находилъ онъ новыя причины любить Альвишу; пріятный ея голосъ, кроткая ея невинность, прелѣсныя ея черты, скромность ея нрава столь неограниченно овладѣли имъ, что онъ чувствовалъ, что онъ ее никогда не оставитъ, не сдѣлавшись несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Великодушный Эдельбертъ, вѣдалъ добродѣтель своей дочери. Ошвлекаемъ будучи внезапны-

запными дѣлами, оставляя оубо прекрасную дѣвицу безъ всякаго подзрѣнія у Короля, медленно выдворявшаго. Добродѣтель Алфредова нимаго не пропавилась новой его любви; онъ не видалъ никакого препятствія соединиться съ Графинею законнымъ союзомъ; однако онъ хотѣлъ испытать ея прежде, нежели избереть въ соупутницы своей жизни.

Алфредъ былъ не извѣстенъ всемъ своимъ Саксонцамъ, они не знали о немъ ничего, кромѣ его поддоговъ. Онъ продолжалъ скрывать свою породу, и заставлялъ служащихъ себя думать, что онъ пресмыкъ, въ оружіи воспитанный Саксонскій воинъ. Однако при всемъ семъ униженіи, старался онъ понравиться дѣвицѣ. Она скоро примѣшила иѣкошорые знаки любви великодушнаго незнакомца. Алфредъ въ невинности своего сердца старался доказать ей почтеніе и удивленіе свое съ такою скромностію, которая совершенно соотвѣтствовала высокому его воспитанію, и котораго Алсвина не могла согласить съ его одѣяніемъ, и близкими его обстоятельствами. Обхожденія большаго свѣта Алфредъ не могъ скрыть. Онъ былъ наилучшій между Саксонцами стихотворецъ; никто не писалъ на ихъ языкѣ съ такою пріятностію, которая ему была свойственна. Онъ забавлялъ младую Графиню, то крашкими пѣснями, то маленькими повѣстями, пріятностію которыхъ плакала ея, и принуждала иѣсторыимъ образомъ провождать часы свои въ его присутствіи.

Алфредъ разсказывалъ имъ подъ ложнымъ именемъ свои путешествія и свои войны; онъ присутствовалъ при великихъ сраженіяхъ, какъ онъ говорилъ, на коихъ онъ дѣйствительно самъ былъ предводителемъ. Великолѣпіе могущаго Рима, изыщности благополучныхъ Италіи, миршоваго роуи, лѣса изъ шоржественныхъ лавровъ, всегда цвѣщущія острова Средиземнаго моря, умѣлъ онъ описатьъ съ шакою живностію, которая очаровала Алсвишу. О собствнныхъ ея прелестяхъ, о преимуществахъ ея души, говорилъ онъ, какъ простиый пастухъ, несмѣющій возвестъ глазъ своихъ на высокородную Принцессу, но чувствующій однако всѣ ея превосходства; онъ вмѣшивалъ чувствованія свои въ пѣсни, которыя по словамъ его были древнія, но вымышленныя для Алсвишы, и прилчествующія ей одной. Когда она красѣла, шо Алфредъ опасаясь, чтообы она не пресѣкла съ лишкомъ ошважнаго обращенія, умѣлъ безъ всякаго принужденія перемѣнять свой разговоръ къ спашѣ и споль искусно, что дѣлалъ изъ онаго почтительную шушку. Онъ сопровождалъ пѣсни свои люшнею, на кошорой онъ превосходно игралъ, и пріятность кошорой придавала шрогающаа сила величественнаго его голоса.

Младая Графиня, въ первыхъ лѣтахъ своего юношества, по обыкновенію тогдашнихъ временъ была воспитана въ родительскомъ замкѣ, знала многихъ ошважныхъ воиновъ, и му-

мужественныхъ рыцарей: но благороднаго Алфреда пріятность, и плабящая разговоръ его оспроша имѣла въ себѣ для нее нѣчто со всѣмъ новое. Образъ Царской, которой онъ нѣкоторымъ образомъ художественнымъ цвѣшомъ пришворялъ, не могъ однако быть со всѣмъ перемененъ, и благородство души его блистало изъ живыхъ его очей. Нечувствительно поправилось обхожденіе, а въ скорѣи особа незнакомца невинной дѣвицѣ, и сердце ее плабялось прежде, нежели она могла примѣшшь его склонность.

Впечатлѣніе, сдѣланное имъ на младую Графиню, не могло скрышсья ошъ прозорливаго Алфреда; онъ ошважился ошкрышсья ей въ любви своей къ ней въ яснѣйшихъ выраженіяхъ. Онъ умѣлъ изобразить ей чувствованія, сердце его колеблюція, не употребляя формальнаго объявленія. Невинная Алсвиша не зная, до какой точки уже она была обязана, сама не сумнѣвалась о впечатлѣніи сдѣланномъ на ея сердцѣ заслугою славнаго и любви достойнаго незнакомца. Она привыкла взоры его встрѣчать своими взорами, голосъ ея принялъ довѣренную пріятность, которую невинная юность позволяеть шому, который научилъ ее первой любви. Она имѣла малыя шайны, которыхъ одинъ Алфредъ долженъ былъ знать, и она подпѣвала ему и сердцемъ и голосомъ, когда онъ воспѣвалъ любовь подъ заняшымъ именемъ.

Рана Царская зашворилась и ему недосмавало причинъ долбе мѣшкать въ Графскомъ замкѣ; сверхъ сего все приутошьялось къ предпріятіямъ долженствовавшимъ возвести его паки на престолъ Саксонскій; и онъ уже былъ довольно мудръ, чѣмъ жертвовашъ любви шѣмъ, чѣмъ онъ обязанъ былъ своему народу и собственному своему достоинству. Однако онъ не могъ рѣшиться разорвать шайныя оковы, привержающіе его къ возлюбленной Алсвитѣ, не взявъ съ собою увѣренія; чѣмъ сердце ея совѣмъ ему предано. Онъ вознамѣрился притвориться, чѣмъ ему совѣмъ не свойственно, онъ такъ разсуждалъ самъ въ себѣ, чѣмъ краткое мученіе, которое онъ нанесетъ Графинѣ, наградится иѣжнѣйшею и посполнѣйшею любовію.

Еделбертъ отбѣжалъ къ рыцарскому упражненію, выписанному другимъ вельможею. Алфредова рука не довольно еще укрѣпилась для претерпѣнія принужденныхъ силъ; Едельбертъ оставилъ его въ замкѣ лежащемъ на холму. Въ пещерѣ изъ одной скалы истекалъ прохладный источникъ, служившій молодой Графинѣ убѣжищемъ во время великихъ лѣтнихъ жаровъ. Вулфъ, сказала возлюбленная сія особа, не знаетъ еще наизнашнѣйшаго замка сего украшенія; она повела его въ пещеру. Алфредъ не предпринималъ ничего такого, чего бы добродѣтель ея могла спрашиться; и хотя онъ ей нравился, и она угодность сію не могла больше скрыть,

скрышь, однако она почиала его за просшаго, храбраго юношу низкаго происхожденія, на представленія кошораго она никогда не склонится, сколько въ прочемъ ей ни были пріятны хорошія его свойства.

Алфредъ улучивъ такое время, когда находился онъ одинъ у молодой Графини, сказалъ ей съ крайнимъ умилентемъ, рокъ мой свершается сударыня, я долженъ оставить сей замокъ, въ кошоромъ я наслаждался столь многими милостыями. Я до такой крайности благодаренъ, что желалъ бы лучше, чшобъ я никогда въ ономъ не былъ принимаенъ. Алсвишу казалось устранило сіе предложеніе; но притворившійся Король продолжалъ: мнѣ не возможно умолчать, что я весьма часто видалъ прекрасную Алсвишу, и что ея прелести и добродѣтель сдѣлають мнѣ остальные дни моей жизни несносными.

При сихъ словахъ щеки младыя Графиня покрылись румянцемъ; гордость предковъ ея не позволяла ей видѣшь, въ влюбленномъ Алфредѣ другаго, какъ челоуѣка, недостойнаго ея. Но нѣчто говорило въ сердцѣ ея за незнакомца, и остановило водненіе такого ея негодованія. Она сказала съ смущентемъ. Вудѣ забываешь, что онъ былъ раненъ, и что замокъ моего родителя принялъ его только какъ воина, имѣвшаго нужду въ нашей помощи, и кошорой былъ, не недостойнъ оныя. Вулфъ не

забываетъ достоинства Алсвишна, прервалъ Принцъ рѣчь своя возлюбленныя; онъ одинъ знаетъ цѣну превосходныя дѣвицы, которую онъ имѣлъ нещасіе озлобить; но есть чувствованія, которыхъ никакое возраженіе разума загладить не могутъ, и никто не ощущалъ еще того, что я чувствую къ Алсвишъ. Умереть я могу, я видалъ часто грозящую смерть, и видалъ ее близко, но не возможно мнѣ скрыть, сколько нещаснымъ я буду почитать себя, если Алсвиша презришь меня.

Я знаю Вульфова заслуга продолжала младая Графиня, съ скромностію пошупа глаза; отецъ мой почитаетъ въ немъ героя пролившаго кровь свою за спасеніе Саксонцовъ. Я не изъ презрѣнія должна убѣгать такихъ рѣчей, которыя не могутъ сдѣлать никакого дѣйствія. Не опъ меня зависишь пресѣчь разности, положенныя самою добродѣтелію между состояніями человеквъ. Вулфъ найдетъ красавицу равнаго себѣ состоянія, которая склонится на его любовь и оную наградишь.

И такъ приговоръ мой произнесенъ, скавалъ Алфредъ съ притверствомъ въ своихъ чертахъ, означающихъ наиглубочайшее смущеніе. Я съ сожалѣніемъ оставляю сей замокъ, но Алсвиша не воспрепятствуетъ мнѣ понести съ собою нещасную любовь въ тѣ опасности, въ которыя влечетъ меня мое состояніе, Она не возбранитъ, чтобы образъ ея былъ послѣднимъ

нимъ моимъ чувствованіемъ, а имя ее послѣднимъ изрѣченіемъ.

Споль скромный и достойный молодой человекъ каковъ есть Вульфъ, можешь ли, говорила ему невинная Графиня съ крайнимъ движеніемъ, быть споль несправедливъ, чтобъ требовашъ отъ дѣвицы, чего она не можешь позволить не сдѣлавшись недостойною носимаго ею имени! Можешь ли онъ надѣяться, что Едельбертъ оправдаетъ его любовь, можешь ли онъ требовашъ, чтобъ Алсвита послушалась наипочтениѣйшаго изъ родителей? Еслибы я по крайней мѣрѣ знала, отъ кого Вульфъ родился, и какая разность находишся между имъ и Алсвишою.

Вульфъ, продолжалъ Алфредъ, происходишь изъ благороднаго колѣна, но щастіе оказало ему въ своихъ дарахъ; онъ бѣденъ, неизбежное нещастіе принудило его оставить свое опечество. Честъ обязала его проливать кровь вопіющую о мщеніи, и мечъ законовъ виситъ надъ его главою.

Гордестъ Алсвиты чувствовала въ себѣ въкошорое успокоеніе, услышавъ, что рожденіе Вульфово не было непреодолимымъ препятствомъ. Она презирала дары щастія, тысяча благородныхъ Саксонцовъ потеряли имѣніе свое отъ руки побѣдоносныхъ разбойниковъ, и сохранили шолько мечъ свой, не потерявъ

ни-

ничего изъ вниманія, которое всегда имѣли къ нѣмъ происхожденію. Сердце молодой Графини чувствовало нѣкоторое облегченіе, не сна была съ лишкомъ добродѣтельна, дабы отпасть ласкѣмъ надеждамъ, возвышавшимся тайно и робко въ глубинѣ ея сердца. Вѣсѣда наша съ лишкомъ долго продолжается, сказала она, мы не можемъ ее сей разъ долѣе продолжать.

Алфредъ починялъ слова сіи предмѣта своей любви за знакъ чувствованія много ему обѣщавшаго, и онъ починялъ уже себя за имѣющаго право остаться еще на нѣсколько дней въ замкѣ. Графъ вскорѣ по шомъ пріуготовилъ пшичью ловлю, которая была наипрямнѣйшимъ препровожденіемъ времени Саксонскихъ дворянъ; починяя съ искреннимъ чистосердіемъ храбраго Вульфи не могъ лишиться его сего веселья. Алфредъ умѣлъ превосходно управлять соколомъ, и сія охота была наипрямнѣйшимъ въ юношесствѣ его упражненіямъ. Изъ сего познанія Адсвиша съ великимъ удовольствіемъ заключилъ, что Вульфъ надлежало происходить изъ такой породы, которой врождены всѣ рыцарскія упражненія.

Соколъ его поймалъ рѣдкую пшичу, которую онъ принесъ съ благороднѣйшую учинивостию молодой Графинѣ и просилъ ее о позволеніи разпрощаться. Вѣсѣ сѣя для нее была болѣзненна, и чѣмъ больше вопрошала она свое сердце, тѣмъ больше находила она его исполненнымъ образомъ воина.

АА-

Алфредъ посѣтилъ ее въ слѣдующій день, и по нѣсколькихъ снисходительныхъ учтиво-стяхъ, сказалъ онъ съ большею вольностію: я иду, куда меня призываетъ моя должность, я буду вѣчно почитать любви достойную Алсвишу, и вѣчно буду оплакивать мое несчастіе, не позволяющее любви моей обнаружиться. Она вздохнула; скорое его отбытіе возбудило въ ней печаль и задумчивость, которыхъ она не могла скрыть. Увы! для чего поль много изящныхъ свойствъ соединено въ простомъ дворянинѣ, который находится въ поль плачевномъ и низкомъ положеніи! Для чего Алсвиша не родилась лучше дочерью пастуха.

Алфредъ отвѣчалъ съ большею бодростію; Вулфъ бы никогда не открылъ своей любви, если бы онъ почиталъ, что Алсвиша не можешь быть съ нимъ благополучною. Правда, что состояніе его еще не то, которое могло бы ласкать честолюбіе Графини. Но если бы она меня любила, можешь быть рука моя возвысила бы меня до шакаго степени величества, на которомъ бы я меньше былъ ей не достоинъ. Смѣю ли я ласкаться, что только разность щастія дѣлаетъ меня отверженнымъ. Смѣю ли я льстить себя, чтобы Алсвиша позволила мнѣ себя любить, если я состояніемъ моимъ къ ней приближусь.

Младая Графиня сказала устыдясь и пошупила внизъ очи свои. Какъ можешь пре-

Бовашъ Вулфъ отъ меня невозможныхъ вещей. Какъ можешь онъ возбуждая въ мнѣ надежды, которыя меня обмануть? Удобно можешь онъ въ шумъ оружія забыть о молодой пріятельницѣ, съ которою познакомилъ его нечаянный случай! Но молодая особа, живущая въ уединенномъ замкѣ безъ разсѣянiя, была бы весьма несчастна, если бы она предалась такой любви, которая болѣе оставляетъ желанье, нежели надѣянсь.

Продолжай достойный Вулфъ, сдѣлайся столь великимъ, сколько ты добродѣтеленъ, лучшія мои желанія будущъ тебѣ повсюду со-
пущивовашь.

Алфредъ будучи недоволенъ симъ благо-склоннымъ ея отвѣтомъ покусился побудить младую Графиню къ яснѣйшему признанію взаимной своей любви. Хотя я и удаюсь сихъ мѣсяцъ сказать онъ, но не могу избѣгнуть чрезъ то огня во мнѣ ежедневно умножающагося, и утробу мою снѣдающаго, огня, который долженъ я стараться истреблять. Если бы Алсвиша меня не презирала, то разность бы между мною и ея исчезла бы въ ея очахъ, любовь насъ сравняла бы, а доброе сердце и для высокородныхъ красотъ имѣешь нѣкоторою цѣну. Вулфъ не только любви но и самаго сожалѣнія возбужды въ васъ не можешь. Если бы Алсвиша почишала участь его достойною состраданія, то облегчила бы единымъ мезиннымъ словомъ участь Вулфа.

Слово

Слово, которое я должна произнести, сказала, усмывившись красавица, есть жестокое слово. Я весьма вижу, что Вулфъ не прежде успокоится, пока я не признаюсь ему, что я его люблю. Онъ конечно вѣдзеть, что я нахожусь во власти родителя, любовь же моя на всегда пребудетъ нераздѣльно съ его волею. Вулфъ любя добродѣтель не пошребуетъ отъ меня поноснаго поступка. Будетъ ли онъ доволенъ, если я ему признаюсь съ какимъ усердіемъ, желаю я, чтобы судьба уравнила наши состоянія, и чтобы мнѣ позволено было изречь пребуемое отъ меня имъ слово. Послѣ сего пода она ему съ кромношю руку и позволивъ ему оною поцѣловать безъ малѣйшаго сопротивленія, хотѣла удалиться.

Нѣтъ сказалъ великодушный Алфредъ, Алсвиша не должна питать плачевныхъ мыслей, что ей надлежитъ любить недостоиннаго. Нѣтъ она не должна разрывать своего сердца между позволенною склонностію и сопротивленіемъ должностей. Она въ короткое время увидитъ, что она никакъ не помрачила знаменишаго имени своей породы, сдѣлавшись благосклонною Вульфю. Сугубую онъ будетъ имѣть къ ней любовь, поелику за нѣжность ея одолженъ онъ единой благости ея сердца, преодолавающая кичдивость ея благородства. Послѣ чего поцѣловавъ вторично руку ея съ восхищеніемъ возвратился въ Ашельней.

Чрезъ

Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ славной побѣды надъ Нормандцами далъ онъ великій праздникъ храбрымъ свободившимъ Англию. Едельбертъ находился въ числѣ неуспрашимыхъ. Рыцарскіе игры, долженствоваша служить воспоминаніемъ побѣды, испросили наиблагороднѣйшія жены побѣдоносныхъ Саксонцовъ. Рыцари за награжденіе бились въ предѣлахъ; узанный Король сидѣлъ на возвышенномъ престолѣ, а поспорону его находился другой Царскій стулъ, великолѣпно украшенный для красавицы, долженствовавшей раздавать каждому рыцарю по заслугамъ награжденія.

Одинъ Кавалеръ пригласилъ къ сей почтительной должности прекрасную Алсвишу. Опецъ ея знавши мысли Государя и вкусившей во внутренности сердца своего восхищительное удовольствіе вдругъ посадилъ дочь свою на престолѣ, повелѣлъ ей принять се мѣсто. Король сошелъ съ своего престола, подзѣлъ скромной дѣвицѣ руку и посадилъ ее на назначенный для нея Царскій стулъ. Вотъ на всегда Алсвишино мѣсто. Она поднимъ тогда съ кромностию очи свои, въ мигъ, узрѣла въ Короѣ Вулфа освобожденнаго отъ того искусствѣмъ произведеннаго цвѣта, въ украшеніи, приличномъ высокому его достоинству. Онъ сказалъ робкой Алсвишѣ, принуждая ея сѣсть, смѣетъ ли Алфредъ надѣяться того, чего Вулфъ не могъ получить? Смѣетъ ли онъ просить о любви Алсвишиной, безъ котораго онъ жить не можеть? Она поклонилась почтительно,

но, попустила глаза и умильно отвѣчала. Любвишая воина, знаешь, что должна почищать великаго Алфреда. По томъ смотрѣла она на рыцарскія игры, раздавала достойнѣйшимъ знаменитыя награжденія и, въ самый темъ же вечеръ подала она восхищенному Королю руку, и сдѣлалась его супругою, которую онъ любилъ одну и нераздѣльно.

К О Н Е Ц Ъ .

